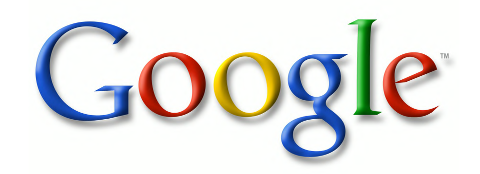
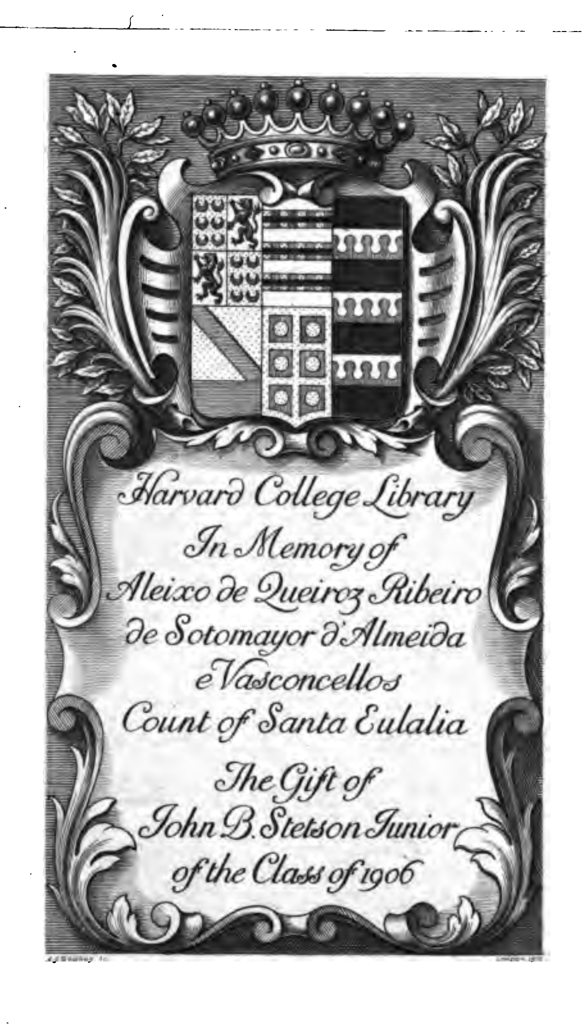

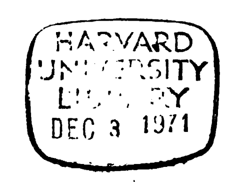

Slav
324
71
WIDENER LIBRARY
HX 3CDW 0

Harvard College Library
In Memory of
Aleixo de Queiroz Ribeiro
de Sotomayor d'Almeida
e Vasconcellos
Count of Santa Eulalia
The Gift of
John B. Stetson Junior
of the Class of 1906

ИСТОРИЧЕСКОЕ
И
ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ
ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

ПОЧАЕВЪ.
Типографія Почаево-Успенской Лавры.
1899.

Печатать разрѣшается. 4 января 1899 г.
Модестъ Архіепископъ Волынскій.

Историческое и общественное значеніе Почаевской Лавры.

Въ послѣднее время въ мѣстномъ обществѣ стали распространяться невѣрныя свѣдѣнія относительно дѣятельности Почаевской Лавры и жизни въ ней иночествующихъ; мало того, Лавра стала даже подвергаться неблаговиднымъ нападкамъ со стороны недоброжелателей. Исторія этихъ нападокъ не нова: она стоитъ въ связи съ общимъ взглядомъ на монастыри и монашество, утвердившимся въ нѣкоторыхъ классахъ русскаго общества. Люди, считающіе себя образованными и свободомыслящими, усвоили себѣ отрицательный взглядъ на монашество. Монахи, по ихъ мнѣнію, —тунеядцы; они ничего не дѣлаютъ для другихъ, заботятся только о своемъ личномъ спасеніи и равнодушно смотрятъ на счастье и несчастье своихъ ближнихъ. Монастыри съ ихъ будто бы несмѣтными богатствами, непроизводительно гніющими въ монастырскихъ кладовыхъ, представляются имъ явленіемъ ненормальнымъ. Вотъ почему, забывая историческія заслуги монастырей для русской церкви и государства и современное значеніе монашества, они готовы были бы стереть ихъ съ лица земли.

Такое недовольство монашествомъ унаслѣдовано нами главнымъ образомъ отъ западной Европы, для которой католическое монашество, съ его стремленіемъ къ уничтоженію всѣхъ національностей и къ подчиненію ихъ папѣ, было дѣйствительно очень тяжелымъ бременемъ. Въ семидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія этотъ отрицательный взглядъ на монашество вмѣстѣ съ французскимъ маловѣріемъ и положительнымъ безвѣріемъ усвоенъ былъ и русскимъ образованнымъ обществомъ и сталъ проводиться въ современной печати. Въ свое время русская духовная литература не оставила безъ опроверженія этихъ нападокъ

и указала великое историческое и общественное значеніе русскаго монашества. Теперь уже признается несомнѣннымъ не только тотъ фактъ, что монастыри на Руси были хранителями православной вѣры и защитниками церкви, и что русское монашество всегда споспѣшествовало благу народа примѣромъ своей доброй жизни, наставленіями словомъ и писаніями, устройствомъ училищъ и приготовленіемъ людей, способныхъ къ занятію высшихъ должностей въ церкви, проповѣданіемъ Евангелія невѣрующимъ, самоотверженной борьбою съ разными ересями, расколомъ и другими лжеученіями, молитвами и благотвореніями вещественными; но что монастыри способствовали собранію Руси воедино, расширенію и укрѣпленію ея и утвержденію царской власти, а въ трудныя минуты и спасали Русь отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, поднимая и пробуждая духъ народный.

Нельзя, конечно, сказать, что современное монашество стоитъ на высотѣ своего призванія. Къ сожалѣнію приходится сознаться, что въ настоящее время замѣчается упадокъ монашеской жизни. Теперь трудно встрѣтить сильныхъ духомъ и вѣрою великихъ подвижниковъ, какіе нерѣдко попадались въ древности. Въ средѣ современнаго монашества иногда попадаются лица, недостойныя носить это святое званіе; есть даже монахи, служащіе позоромъ своему имени и сану. Но этотъ упадокъ нравственности монаховъ находится въ тѣснѣйшей связи съ упадкомъ религіи и нравственности въ средѣ міранъ и составляетъ прямое его послѣдствіе. Нынѣ ослабѣвшее христіанство доставляетъ и слабыхъ монаховъ. Но можно ли отрицать смыслъ и значеніе какого либо учрежденія только потому, что имъ иногда злоупотребляютъ? И дѣйствительно ли современное монашество представляется въ такихъ мрачныхъ краскахъ, въ какихъ иногда его стараются представить? Умъ человѣческій больше поражается отрицательными сторонами, нежели положительными, скорѣе замѣчаетъ недостатки предмета, нежели достоинства. Умы недальновидные, неспособные проникать въ сущность вещей, по единичнымъ отрицательнымъ качествамъ обыкновенно составляютъ свое сужденіе и о цѣломъ предметѣ. О монашествѣ

такіе ошибочные приговоры произносятся тѣмъ легче, что высота монашескаго призванія извѣстна болѣе или менѣе всякому, а самая внутренняя жизнь нынѣшнихъ монаховъ съ ея тягостями и лишеніями извѣстна очень немогимъ.

Почаевская Лавра въ этомъ отношеніи занимаетъ особенно трудное и отвѣтственное положеніе. Находясь на западной окраинѣ Россіи, такъ сказать, на глазахъ Европы, расположенная среди разноплеменнаго и иновѣрнаго населенія, окруженная евреями съ ихъ нравственною распущенностью и поляками съ ихъ религіознымъ фанатизмомъ, Почаевская Лавра служитъ какъ бы свѣтильникомъ, поставленнымъ на свѣщницѣ, чтобы свѣтить всѣмъ. Для этого нужны и средства и необыкновенное вниманіе. Малѣйшая ошибка, случайный промахъ, не говоря паденіе, здѣсь встрѣтятъ въ окружающей средѣ не поддержку, не участливый совѣтъ, а осужденіе и злорадство. Изъ единичныхъ случаевъ дѣлается заключеніе о всей Лаврѣ. При этомъ люди сторонніе, не посвященные въ организацію монастырской жизни, часто принимаютъ за монаховъ простыхъ послушниковъ, одѣтыхъ въ монашескія полукафтанья или даже рясы и въ существѣ представляющихъ изъ себя случайный, пришлый элементъ, нерѣдко страдающій отсутствіемъ и благовоспитанности, и религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій и до времени терпимый, какъ рабочая сила. И вотъ допуститъ такой послушникъ внѣ стѣнъ монастыря какое нибудь безчиніе, какой нибудь неблаговидный поступокъ, и по нему заключаютъ о нравственности монаховъ вообще. Кромѣ того многимъ самая жизнь въ Лаврѣ кажется завидною: работы мало, пища хорошая, сытная, во всемъ полная обезпеченность, да еще и жалованье даютъ. Такъ составляется поверхностное сужденіе о безполезности Лавры, о томъ, будто Лавра живетъ только для себя, будто иночествующіе обогащаются и отъ бездѣлья нерѣдко производятъ скандалы. Къ чести Почаевской Лавры нужно сказать, что такіе толки не выступаютъ за предѣлы пустой болтовни мѣстныхъ интеллигентовъ, простого злословія. Случайные анонимные доносы, имѣющіе форму простыхъ сплетень и исходящіе отъ лицъ, внѣ-

няющихъ себѣ это въ заслугу, во вниманіе можно не принимать. Люди же вполнѣ интеллигентные смотрѣли и смотрятъ на дѣятельность Почаевской Лавры совсѣмъ иначе. Недавнее юбилейное торжество трехсотъ-лѣтія пребыванія въ Почаевской обители Чудотворной Иконы Божіей Матери, приковавшее къ себѣ вниманіе всей православной Россіи, дало возможность многимъ лицамъ и учрежденіямъ высказать свое авторитетное сужденіе объ историческихъ заслугахъ Почаевской обители для Православной церкви и русской народности на Волыни за истекшее трехсотъ-лѣтіе. Впрочемъ болѣе обстоятельная оцѣнка прошлаго Почаевской Лавры сдѣлана за первые два вѣка существованія обители и притомъ только въ общихъ чертахъ, поскольку она принимала участіе въ судьбахъ западно-русскаго народа вмѣстѣ со всею Волынью. Уніатскій періодъ обители обыкновенно игнорировался, или же представлялся почти исключительно въ мрачныхъ краскахъ, тогда какъ при болѣе внимательномъ изученіи его оказывается, что уніатская эпоха Лавры сама по себѣ представляетъ много свѣтлыхъ чертъ и въ тяжелую годину господства въ краѣ уніи и полонизма также играла не малую роль въ воспитаніи западно-русскаго народа въ духѣ православной вѣры и русской самобытности. Общественнаго же значенія Почаевской Лавры въ настоящее время, современной дѣятельности Лавры на пользу церкви, русской народности и духовнаго просвѣщенія, современнаго состоянія Лавры въ связи съ ея историческими задачами доселѣ не представлено никѣмъ, если не считать бѣглыхъ замѣтокъ, по мѣстамъ разбросанныхъ въ описаніяхъ Лавры.

Предлагаемый краткій очеркъ внутренняго состоянія Почаевской Лавры за все время ея существованія, восполненный нѣкоторыми новыми данными, имѣетъ своею задачею по возможности выяснить историческое значеніе Почаевской обители, указать ея историческія заслуги для галицко-волынскаго и всего западно-русскаго края и показать, насколько современная Лавра выполняетъ выпавшую на ея долю великую историческую миссію и на сколько можетъ быть оправдываемо ея земное существованіе.

I.

Почаевская обитель, какъ общежительный монастырь, начинаетъ свое существованіе въ концѣ XVI вѣка. Въ 1597 году Православная владѣлица Почаева и сосѣднихъ съ нимъ имѣній Анна Гойская, желая, чтобы въ ея имѣніи Почаевѣ, при древней церкви въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы, постоянно происходило славословіе Божіе, построила при ней общежительный монастырь для жительства въ немъ восьми монаховъ и двухъ дьячковъ греческаго исповѣданія и обезпечила его существованіе значительнымъ фундушемъ. Недовольствуясь этимъ, она въ томъ же году пожертвовала обители великую Святыню—Чудотворную Икону Божіей Матери, составлявшую для нея дорогую память, какъ подарокъ посѣтившаго ее греческаго (Болгарскаго) митрополита. Съ тѣхъ поръ Почаевская обитель, осѣняемая благодатнымъ покровомъ Божіей Матери, начала быстро рости и развиваться и въ скоромъ времени стала религіознымъ центромъ для всей богатой монастырями древне-православной Волыни. Тяжелую годину пришлось пережить Почаевской обители въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій. Благопріятное начало, проявившееся въ покровительствѣ обители богатыхъ дворянскихъ фамилій, попеременно чередовалось, а затѣмъ и совсѣмъ смѣнилось продолжительной борьбой съ разными врагами. Въ этомъ отношеніи исторія Почаевскаго монастыря, какъ и другихъ монастырей Юго-западной Руси, существенно отличается отъ исторіи монастырей великорусскихъ, возникшихъ среди сплошного православнаго населенія съ православнымъ правительствомъ. XVII и XVIII вѣка въ исторіи Юго-западнаго края представляютъ печальную картину кровавой борьбы за свое существованіе Православія и русской народности съ католичествомъ и полонизмомъ. Въ 1569 году Юго-западная Русь, дотолѣ подчиненная православной Литвѣ, была присоединена къ Польшѣ и Волынь вмѣстѣ съ Подоліей и Подляхіей (нынѣ Холмщина и Гродненская губ.) объявлены коронными землями. Съ этого времени богатый западный

край, давно бывшій предметомъ особенныхъ вожделеній Поляковъ, постепенно начинаетъ переходить въ руки польскихъ магнатовъ и шляхты и ополячиваться. Паны, получившіе теперь право владѣть землями въ литовско-русскихъ областяхъ, первымъ дѣломъ постарались захватить ихъ и поработить себѣ крестьянское сословіе, а католическіе бискупы и ксендзы, давно стремившіеся подчинить Православную Русь Римскому престолу, теперь могли проявлять свою дѣятельность свободно. Большую помощь имъ въ этомъ случаѣ оказывали польскіе помѣщики, которые, пользуясь правомъ патроната надъ православными церквами, старались насильно обращать въ католичество своихъ крѣпостныхъ. Но въ Западной Руси въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка было еще много сильныхъ православныхъ помѣщиковъ, ратовавшихъ за православную вѣру и русскую народность и взявшихъ православную церковь подъ свою защиту. Противъ послѣднихъ католицизмъ выставилъ цѣлую армію ревностныхъ слугъ папъ іезуитовъ, которые, обладая всесторонними талантами, открыли по городамъ образцовыя училища, пробрались въ дома православныхъ вельможъ и такимъ образомъ постепенно забрали въ свои руки дѣло воспитанія юношества и руководство молодыми умами. Православные толпами собирались слушать проповѣди іезуитовъ и публичные диспуты ихъ, смотрѣть на ихъ торжественное богослуженіе и религіозныя процессіи, наполняли ихъ школы, пользовались ихъ благотворительностью и такимъ путемъ запутывались въ ихъ сѣтяхъ и совращались въ католичество. Чтобы имѣть большій успѣхъ, іезуиты задумали ввести между православными и католиками церковную унію, надѣясь впослѣдствіи перевести уніатовъ въ католичество. Зная, что простой народъ зависитъ отъ своихъ руководителей, они стали и письменно и устно совращать въ католичество высшіе классы православнаго общества: епископамъ они сулили освобожденіе отъ вмѣшательства свѣтскихъ лицъ въ церковныя права и почетныя мѣста на сеймахъ и въ сенатѣ, прочему духовенству уравненіе въ правахъ съ католическимъ духовенствомъ; православнымъ князьямъ и панамъ— большую силу въ политическихъ дѣлахъ Польши;

православной церкви—уничтоженіе разныхъ нестроеній въ ней подъ главенствомъ всесильнаго папы.

Къ стыду православныхъ епископовъ нужно сказать, что нѣкоторые изъ нихъ соблазнились заманчивыми обѣщаніями іезуитовъ и явились ревностными поборниками уніи, чѣмъ еще болѣе увеличили смуту въ краѣ. Въ то же время не мало безпокойства причиняли православной церкви протестанты, еще въ XVI вѣкѣ поселившіеся во многихъ мѣстахъ Волыни, устроившіе здѣсь школы и также уловлявшіе въ свои сѣти слабыхъ въ вѣрѣ. Такъ православная вѣра въ западно-русскомъ краѣ осуждена была на уничтоженіе, а русская самобытность подъ давленіемъ польской культуры обречена была на униженіе и постепенное вымираніе. Мы сказали уже, что въ началѣ господства Поляковъ въ западномъ краѣ защитниками православія и русской народности явились православные помѣщики. Къ нимъ присоединились и затѣмъ въ XVII вѣкѣ смѣнили ихъ православныя братства. Наибольшею ревностью къ православной вѣрѣ и заботливостью о ней изъ дворянъ въ концѣ XVI вѣка и началѣ XVII отличался князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, владѣвшій на Волыни громадными помѣстьями, занимавшій высокое положеніе въ государствѣ, сильный своимъ знатнымъ родомъ и связями съ высшей польской аристократіей. Неудивительно поэтому, что онъ сдѣлался столпомъ и опорою православной церкви, такъ что даже Король принужденъ былъ признать Острожскаго оффиціальнымъ защитникомъ ея. Константинъ Острожскій заботился о построеніи монастырей, учрежденіи школъ и типографій и печатаніи нужныхъ книгъ. Въ своей резиденціи—Острогѣ онъ основалъ Академію, а въ Острожской типографіи, какъ извѣстно, была напечатана первая въ Россіи библія на славянскомъ языкѣ (1581 г.). Въ тоже время онъ разсылалъ православнымъ посланія и ходатайствовалъ за нихъ предъ королемъ. Во время К. Острожскаго Волынь становится средоточіемъ умственныхъ и нравственныхъ силъ русскаго народа и главнымъ поприщемъ борьбы за вѣру и самобытность. Такую же просвѣтительную дѣятельность преслѣдовали и православныя братства, нерѣдко владѣвшія

большими средствами и заводившія на свой счетъ школы, типографіи, госпитали, богадѣльни, печатавшія во множествѣ книги богослужебныя, святоотеческія, полемическія и учебныя, разсылавшія посланія и т. п. Изъ Острожской Академіи и братскихъ школъ вышло много просвѣщенныхъ и стойкихъ іерарховъ православной церкви, ученыхъ защитниковъ православія въ борьбѣ съ иновѣріемъ и уніей. Но К. Острожскій и братства только на время отдалили надвигавшуюся бѣду. Іезуиты тихо, но вѣрно продолжали свое дѣло совращенія православнаго юношества въ католичество. Это случилось даже въ собственной семьѣ Острожскаго еще при его жизни. Другіе знатнѣйшіе дворяне также постепенно отпадали одинъ за другимъ отъ православія. Къ тридцатымъ годамъ XVII столѣтія уже не оставалось знатныхъ и сильныхъ дворянскихъ родовъ въ православной церкви. Братства также скоро должны были прекратить свою многополезную дѣятельность подъ давленіемъ высшей духовной власти. Епископами нерѣдко назначались шляхтичи изъ знатныхъ фамилій, которые и въ духовномъ санѣ не покидали старыхъ привычекъ къ разгульной и буйной жизни и потому не выносили ограниченія со стороны братствъ. Стремясь стать наравнѣ съ польскими магнатами и прельщаясь обѣщаніями королей и заманчивою жизнію католическихъ бискуповъ, которые занимали мѣста въ сенатѣ, православные епископы постепенно, одинъ за другимъ, стали принимать унію. Низшее сельское духовенство, приниженное, невѣжественное, матеріально необезпеченное и всѣми презираемое, естественно должно было послѣдовать за своими епископами. Оставались вѣрными православію нѣкоторые монастыри, болѣе или менѣе независимые отъ епископовъ, да простой народъ. Впрочемъ послѣдній, какъ и всегда, представлялъ изъ себя хотя и великую, но стихійную силу, требовавшую руководителя. Такими руководителями и явились православные монастыри, ставшіе оплотами православія для извѣстныхъ мѣстностей. По благотворному вліянію на народъ и по услугамъ, оказаннымъ православной церкви въ западнорусскомъ краѣ, исторія отмѣчаетъ главнымъ образомъ три монастыря: Кіево-печерскій въ малороссіи, Свято-

духовскій братскій въ Литвѣ (въ г. Вильно) и Почаевскій на Волыни.

Почаевъ, какъ святое мѣсто, какъ религіозный центръ, привлекавшій массы народа со всѣхъ окрестностей, становится извѣстнымъ въ исторіи уже въ началѣ XVI вѣка. 15 августа, въ день Успенія Пресвятой Богородицы (о Матце Божой), уже въ то отдаленное время народъ во множествѣ стекался въ Почаевъ на богомолье и подлѣ каменной Успенской церкви, какъ и теперь въ Успеньевъ день, образовывалась большая ярмарка, такъ что Кременецкій староста въ этотъ день посылалъ въ Почаевъ своего намѣстника для сбора ярмарочныхъ пошлинъ. Съ отдѣленіемъ Почаева отъ Кременецкаго замка и съ передачею его въ собственность королевскому дворянину Василію Богдановичу Гойскому, по просьбѣ послѣдняго Король Польскій Сигизмундъ I далъ 20 мая 1527 года Кременецкому старостѣ Якову Монтовтовичу грамоту, въ коей предписываетъ ему не высылать болѣе своего намѣстника въ имѣніе Гойскаго Почаевъ на ярмарку въ день праздника Успенія Богоматери, не брать тамъ ярмарочныхъ доходовъ, не производить суда и ни во что не вмѣшиваться, ибо это имѣніе съ передачею Василію Гойскому вышло изъ круга вѣдѣнія Кременецкаго старосты [1]). Но, видно, Кременецкіе старосты много теряли отъ этого королевскаго распоряженія, такъ какъ оно ими не исполнялось. Въ описи Кременецкаго замка отъ 1545 года мы читаемъ, что мѣщане Кременецкіе жаловались визитаторамъ Кременецкаго замка на то, что «въ Почаевѣ, о Матце Божой, берутъ съ мѣщанъ отъ воза крамного по два гроши, а отъ бочки пива албо отъ меду по грошу, то дей беретъ подстаростый Кременецкій» [2]). Поэтому Король Сигизмундъ II Августъ грамотою, данною 23 сентября 1557 года владѣльцу Почаева, сыну Василія Богдановича, Іероѳею Васильевичу

---

[1]) См. «Дѣло о первоначальномъ фундушѣ Почаевскаго монастыря, наданномъ Анною изъ Козинскихъ Гойскою» —въ Архивѣ Почаев. Лавры № 1—6, стр. 93—94.

[2]) *Памятники*, изд. Кіевск. Археогр. Коммиссіею, т. 4, отд. 2, стр. 227.

Гойскому, подтверждаетъ прежнее право, освобождающее его имѣніе Почаевъ отъ наѣзда Кременецкаго старосы въ Почаевъ во время Успенской ярмарки.

Извѣстно преданіе о явленіи Божіей Матери въ столпѣ огненномъ на скалѣ Почаевской въ 1240 или въ 1261 году, положившемъ начало Цѣльбоносной стопѣ, и о томъ, что свидѣтелями этого явленія были иноки, подвизавшіеся въ природной пещерѣ подъ скалой. Въ старину преданіе замѣняло собою историческія сочиненія, а о древности этого преданія говоритъ уже то, что оно записано небезъизвѣстнымъ ректоромъ Кіево-Братскаго училища Іоанникіемъ Голятовскимъ въ сочиненіи его «*Новое небо съ новыми звѣздами*», напечатанномъ во Львовѣ въ 1665 году и затѣмъ вторично, съ нѣкоторыми измѣненіями, Почаевскими базиліанами въ 1772 году въ сочиненіи «Гора Почаевская». Такимъ образомъ, согласно этому преданію, Почаевъ съ древнихъ временъ былъ мѣстомъ подвиговъ иноковъ—отшельниковъ. Какъ бы мы скептически не относились къ свидѣтельству Горы Почаевской и даже самого Іоанникія Голятовскаго, достовѣрность этого сказанія въ извѣстной долѣ подтверждается историческими соображеніями и фактическими данными. Не вдаваясь въ предположенія, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не замѣтить, что чудныя Почаевскія скалистыя горы съ естественными скрытыми отъ глаза людского пещерами, окруженныя встарину дѣвственными лѣсами, съ громаднымъ горизонтомъ, открывающимся во всѣ стороны, представляли благопріятную почву для развитія здѣсь пустынножительства, а политическія событія способствовали этому...

Кто наблюдалъ окрестности Почаева съ балкона архіерейскаго дома, съ прекрасной Лаврской галлереи и въ особенности съ одного изъ балконовъ новаго зданія, гдѣ помѣщается типографія, Лаврская школа и иконописная мастерская, тотъ не могъ не восхищаться чудными ландшафтами, открывающимися его взорамъ. Мѣстность представляется какъ бы взволнованною. Среди необъятнаго зеленаго моря, по мѣстамъ прерываемаго полянами, пахатями и деревнями, тамъ и сямъ возвышаются, на подобіе конусовъ, высокія горы—то скалистыя, то больше покрытыя густымъ

лѣсомъ. Глазъ не можетъ оторваться отъ этой картины, но въ особенности поражается умъ при воспоминаніи о томъ, что когда то здѣсь текла иная жизнь, таились другія чувства и думы. Исторія много скрыла отъ насъ, и только по временамъ, какъ обломки разбитаго судна, всплываютъ на поверхность свидѣтельства давнопрошедшей жизни этихъ горъ. И вотъ эти то свидѣтельства говорятъ намъ, что не только гора Почаевская, но и сосѣднія съ нею горы въ древнія времена считались мѣстами святыми, привлекавшими къ себѣ вниманіе отшельниковъ.

Въ 4-хъ верстахъ отъ Лавры—на востокъ, между селами Таражъ и Поповцы, среди ровной лѣсистой мѣстности возвышается гора, слывущая въ простонародьи подъ именемъ «Скитокъ». Такъ ее зовутъ всѣ: и православные, и католики, и даже евреи. Смыслъ этого названія для нихъ не понятенъ, а между тѣмъ оно объясняется очень легко: въ старину здѣсь былъ скитъ, существовавшій еще въ началѣ нынѣшняго вѣка. Въ сосѣднихъ селахъ и въ настоящее время указываютъ въ церквахъ части иконостасовъ и иконы съ сохранявшимся до недавна русскими надписями, свидѣтельствовавшими о томъ, что онѣ принадлежали раньше скиту. Къ сожалѣнію, присущій русскому духу вандализмъ уничтожилъ эти остатки старины и только живое воспоминаніе стариковъ, готовое чрезъ нѣсколько десятилѣтій перейти въ смутное преданіе передаетъ о ихъ существованіи. По даннымъ Лаврскаго архива скитъ этотъ, приписанный къ Почаевскому монастырю, въ прошломъ столѣтіи имѣлъ своихъ настоятелей и, повидимому, процвѣталъ. Въ архивѣ Почаевской Лавры сохранилось нѣсколько дѣлъ XVIII вѣка, касающихся скита, имущества ему принадлежащаго и пр. Въ дѣлахъ этихъ скитъ считается собственностью Почаевскаго монастыря. Въ 1743 году 26 мая настоятель Почаевскаго скита Макарій Нероновичъ присутствовалъ въ г. Дубно на генеральной конгрегаціи базиліанскаго ордена при избраніи генералъ-прото-архимандрита. Время основанія Почаевскаго скита неизвѣстно, равно неизвѣстно и то, когда онъ прекратилъ свое существованіе. По всей вѣроятности скитъ былъ закрытъ съ возсоединеніемъ Почаевскаго монастыря изъ уніи въ лоно

православной церкви, хотя свѣдѣній объ этомъ въ архивѣ Почаевской Лавры намъ не удалось найти. Но трудно допустить, чтобы скитъ этотъ былъ основанъ въ прошломъ же вѣкѣ. XVIII вѣкъ, вѣкъ свободомыслія и невѣрія, не благопріятствовалъ основанію новыхъ монастырей, а тѣмъ болѣе открытію скитскаго подвижничества. Въ одномъ изъ дѣлъ архива Почаевскій скитъ упоминается уже подъ 1714 годомъ. Въ этомъ году перваго іюня Луцкій Епископъ Іосифъ Выговскій передавалъ имущество Почаевскаго скита вмѣстѣ съ имуществомъ Почаевскаго монастыря новоизбранному игумену Пахомію Заблоцкому. Такимъ образомъ XVIII вѣкъ застаетъ Почаевскій скитъ вполнѣ уже устроеннымъ и даже процвѣтавшимъ. Естественнѣе поэтому допустить, что Почаевскій скитъ основанъ въ болѣе раннюю эпоху, быть можетъ даже до устроенія Почаевскаго общежительнаго монастыря.

На сѣверо-западъ отъ Почаевской горы не въ далекомъ отъ нея разстояніи, между Лаврою и с. Старымъ-Почаевомъ, находится другая гора, извѣстная въ народѣ подъ именемъ «Лысой» горы. Названіе это объясняется отчасти видомъ этой горы съ обнаженною скалистою верхушкой, отчасти тѣмъ, что въ старину въ окрестныхъ лѣсахъ въ изобиліи водились лисицы (рус. лисица или лисъ=малорос. лысъ). Недавно въ верхней Лаврской ризницѣ среди священныхъ предметовъ, неупотребляющихся теперь при Богослуженіи, найденъ древній серебрянный дискосъ, сдѣланный для Рождество-Богородичной церкви на Лисью гору въ 1545 году. Вычеканенныя на верхнемъ полѣ его вокругъ крестовъ четыре надписи гласятъ слѣдующее: «сій с҃ты діоско лѣ з҃н҃г-го сдѣланъ бысть вдомъ ржтвꙋ ст҃ѣи бцы на лисью горꙋ при великомъ кн҃зи иване василевичи все рꙋ при архиеп҃пе ѳеодосьи новагорода и пс҃ка». [1]). На

[1]) Дискосъ имѣетъ форму обыкновенной тарелки. На днѣ посрединѣ сдѣлано рельефное изображеніе чаши, въ которой лежитъ Младенецъ І. Христосъ. Высоко надъ чашей надпись і҃с х҃с. Нѣсколько ниже этой надписи по бокамъ изображенія: слѣва Архангела Михаила, а справа Арханг. Гавріила, съ рипидами въ рукахъ въ видѣ ромба съ закругленіями. Надъ головами ихъ надписи: архаг. мих. архан. га. Вокругъ дна въ рельефномъ ободкѣ—рельефная надпись полууставомъ: *се агнецъ божій.討земляй грѣхы всего мира за миръ-*

основанiи содержанiя приведенной надписи и языковыхъ особенностей ея и всѣхъ прочихъ надписей можно заключать, что дискосъ сдѣланъ въ Новгородѣ или въ Москвѣ и, слѣдовательно, представляетъ собою даръ Рождество-Богородичной церкви на Лисьей горѣ какого то благотворителя изъ Московской Руси, а если сопоставить съ этимъ существованiе Лисьей или Лысой горы въ Почаевѣ, то можно предположить, что означенный дискосъ пожертвованъ именно на одну изъ Почаевскихъ горъ [1]). Припомнимъ, что въ XVI в. православная Волынь обращала на себя взоры не только Литовско-польскаго правительства, но и многихъ просвѣщенныхъ людей Московскаго государства и что кромѣ кн. Курбскаго во второй половинѣ XVI в. здѣсь является много другихъ просвѣщенныхъ великороссовъ. Естественно поэтому, что извѣстность Почаевскихъ горъ могла простираться далеко за предѣлы Волыни.

Въ той же верхней ризницѣ Почаевской Лавры недавно найдена писанная на пергаментѣ минея начала XV вѣка, безъ начальныхъ и конечныхъ листовъ, а въ библiотекѣ Лаврской намъ попались латино-русско-польскiя записки XVIII вѣка какого то, вѣро-

скій животъ и спасеніе всей.... (послѣдняго слова нельзя разобрать). Весь кругъ первоначально былъ покрытъ зеленой и черной эмалью, слѣды которой сохранились и доселѣ. Между полемъ и дномъ, по стѣнкамъ дискоса находятся изображенія: сверху серафима, внизу херувима, а по бокамъ—соборъ архангела Гавріила (по три фигуры), съ соотвѣтственными надписями. По верхнему полю идетъ слѣдующая крупная надпись вязью: *жретца и закалаетца агнець бже вземляй грѣхи всего мира всегда нинѣ и присно и вѣки веком амин.* Надпись эта въ четырехъ мѣстахъ прерывается четырмя изображеніями восьмиконечныхъ крестовъ съ надписями по сторонамъ: цр҃ь сл҃а і҃с х҃с ні҃ ка҃ и съ слѣдующими вышеприведенными интересными записями вокругъ каждаго изъ нихъ: вокругъ перваго: сіи ст҃ы діоско лѣ з҃нг-го здѣлань бысть; вокругъ второго: вдомь рж҃тву ст҃ѣи бцы на лисью гору; вокругъ третьяго: при великомъ кн҃зи иване васильевичі все ру; а вокругъ четвертаго креста: при архиеп҃пе ѳеодосіи новагорода и пс҃ка.

[1]) Возможно впрочемъ, что дискосъ этотъ попалъ въ Почаевскій монастырь изъ Великороссіи какимъ либо другимъ способомъ, напр., похищенъ поляками или казаками при разграбленіи какого-нибудь великорусскаго монастыря въ смутное время и пожертвованъ Почаевскому монастырю.

ятно, Почаевскаго новиціуша (записки озаглавливаются: excerpta quaedam ex scriptis ss. Patrum), переплетъ которыхъ былъ оклеенъ листами пергамента изъ рукописнаго Евангелія. По снятіи и промывкѣ этихъ листовъ оказалось, что они вырѣзаны изъ интереснѣйшаго евангелія—апракоса (недѣльнаго) русскаго письма, сохранившаго въ языкѣ, текстѣ и письмѣ массу архаизмовъ и писаннаго, судя по палеографическимъ даннымъ, въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка [1]). Какъ и когда попали это рукописное евангеліе—апракосъ и эта рукописная пергаментная минея въ Почаевскую обитель? Конечно, за отсутствіемъ датъ остается открытое поле для разныхъ предположеній. Возможно, что ихъ дала обители основательница общежительнаго монастыря въ Почаевѣ Анна Гойская. Но гораздо естественнѣе думать, что, построивши новый (общежительный) монастырь, фундаторша дала ему и новыя богослужебныя книги, а таковыя если бы даже и были писаны, то на бумагѣ, а не на пергаментѣ. Притомъ же въ это время на Волыни начинаютъ распространяться печатныя книги Острожской и другихъ типографій, а въ 1618 году печатается книга даже въ самомъ Почаевскомъ монастырѣ (хотя и не въ монастырской типографіи). Такимъ образомъ остается предположить, что упомянутыя книги попали на гору Почаевскую въ болѣе раннюю эпоху, когда употреблялись при богослуженіи пергаментныя рукописи.

---

[1]) Евангеліе писано круглымъ уставомъ въ два столбца. Палеографическія особенности: ч—вилообразное; ж пишется въ 5 пріемовъ; ы состоитъ изъ ъ и ı (ъı); всегда оу; послѣ гортанныхъ ы, а не и, о въ чистыхъ слогахъ всегда составное: ѡ, а ѧ и є всегда іотованныя, причемъ соединительная поперечная черточка пишется почти горизонтально, безъ подъема вверхъ, и немного выше средины соединяемыхъ буквъ. Изъ знаковъ препинанія употребляется только точка—внизу, у подножія буквъ. Все это—характерныя особенности письма конца XIII и начала XIV в. Письмо рукописи русское, что видно изъ отсутствія юсовъ, русскаго сочетанія глухихъ съ группами нѣмыхъ и плавныхъ звуковъ, а также настоящихъ руссизмовъ: преже, зижете. Особенности текста также указываютъ на русскаго писца и притомъ на малорусса. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ: книгочій, книгочіамъ вм. *книжникъ*, лютѣ вм. *горе;* ѡць нашь... да ѿститьса има твое. десатинꙋ даете ѿ маты и коначіа и пигана и всегѡ зѣлба (нын. *одесятствуете отъ мятвы и пигана и всякаго зелія).*

Къ сожалѣнію, отсутствіе болѣе ясныхъ документальныхъ данныхъ не даетъ возможности уяснить прошлую исторію Почаевскихъ горъ до построенія Гойскою общежительнаго монастыря; тяжелыя политическія и религіозныя условія существованія обители: нападеніе татаръ и шведовъ, грабежи со стороны польскихъ магнатовъ, вѣковое господство уніатовъ и наконецъ небреженіе самихъ православныхъ служили причиною того, что многіе историческіе памятники пропали для насъ безслѣдно или же сохранились только смутныя указанія на нихъ. Въ архивѣ Почаевской Лавры сохранилась рукопись 1661 года, подъ заглавіемъ «Книга исковъ и документовъ». Въ ней между прочимъ упоминается, что до того времени въ монастырѣ Почаевскомъ существовала книга подъ заглавіемъ: «Памятникъ монастыря Почаевскаго», раскрывавшая прошедшую исторію Почаевской горы. Въ томъ же архивѣ хранится дѣло отъ 1714 года объ имуществѣ Почаевскаго монастыря и скита къ нему принадлежавшаго, при избраніи игуменомъ Почаевскаго монастыря Пахомія Вишгерда Заблоцкаго. Въ числѣ книгъ библіотеки Почаевскаго монастыря этого времени, писанныхъ и печатныхъ, упоминается между прочимъ *„Хроничка, писанная по-русски“*, и русская рукопись преподобнаго Іова Желѣза, игумена Почаевскаго,—не *„Пчела“ Почаевская* упоминаемая здѣсь же отдѣльно, какъ особая рукописная книга, а другая рукопись Іова, переплетенная вмѣстѣ съ польскою книгою «Zywot Pana Jezusa» [1]). Гдѣ теперь всѣ эти «Памятники», «Хронички», рукописи преподобнаго и разныя другія лѣтописи и памятники старины, которыми безъ сомнѣнія богатъ былъ Почаевскій монастырь? Если вспомнить, что по присоединеніи Почаевскаго монастыря отъ уніи въ православіе 2400 польскихъ книгъ было отослано въ Кременецкій Лицей и что много книгъ и рукописей базиліанами взято съ собою,

---

1) Въ инвентарѣ 1714 года перечисляются печатныя и рукописныя книги русскія, польскія и латинскія. Въ отдѣлѣ польскихъ книгъ послѣ сочиненія: „Zywot Pana Jezusa“ прибавлено: Classis po Pol. tuz i porysku pisana Ręnką S. P. Іова Желѣза. Т. е. «часть по польски; тутъ же и по русски писана рукою Святаго отца Іова Желѣза».

какъ собственность, а нѣсколько ящиковъ книгъ потомъ отдано базиліанамъ, если вспомнимъ, наконецъ, что много старыхъ книгъ, какъ видно изъ дѣлъ архива, раскрадено Почаевскими мѣщанами и что до пятидесятыхъ годовъ не было каталога книгъ, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему въ древней исторіи Почаевской обители замѣчается такой пробѣлъ. Впрочемъ съ каждымъ годомъ исторія Почаевскаго монастыря освѣщается новыми данными и окончательнаго выясненія ждетъ еще впереди.

Какъ бы то ни было, въ настоящее время почти съ несомнѣнностью можно сказать, что до построенія Почаевскаго общежительнаго монастыря Почаевскія горы населены были подвижниками отшельниками и, какъ святыя мѣста, привлекали къ себѣ вниманіе благотворителей. Съ этимъ вполнѣ согласуется и свидѣтельство исторіи, показывающее, что древнѣйшіе монастыри Югозападной Руси были сперва скитскими и что общежительство въ нихъ начинаетъ вводиться въ концѣ XV и началѣ XVI в. Но изъ трехъ Почаевскихъ горъ, бывшихъ мѣстомъ подвижничества, особенною извѣстностью пользовалась гора съ естественною въ ней пещерою и со скалой, на которой Божія Матерь благоволила оставить слѣдъ своей стопы, источающій воду. Сама природа создала эту гору для уединенныхъ подвиговъ на ней, а ниже пещеры у подножія скалы руками человѣческими была создана Успенская церковь, о которой Анна Гойская въ 1597 году выражается, какъ о существующей «съ давнихъ временъ». Престольный праздникъ ея—день Успенія Пресв. Богородицы привлекалъ отовсюду массы народа и подлѣ церкви собиралась огромная ярмарка, доставлявшая королевской казнѣ большіе доходы. Мы уже видѣли, что съ передачею Почаева Василію Гойскому короли польскіе Сигизмундъ I грамотой отъ 20 мая 1527 года и Сигизмундъ II Августъ грамотой, данной въ 1557 году, запрещали Кременецкимъ старостамъ собирать въ Почаевѣ ярмарочные доходы. Владѣльцы Почаева православные дворяне Василій и Іероѳей Васильевичъ Гойскіе привилегіями, испрошенными у королей для Почаева, способствовали развитію Почаева и распространенію его извѣстности, какъ

религіознаго центра. Впрочемъ тогда еще онъ не имѣлъ такого общественнаго значенія, какое получаетъ при вдовѣ Іероѳея Гойскаго Аннѣ Тихоновнѣ Гойской. Послѣдняя особенно благотворила Успенской Почаевской церкви. До настоящаго времени въ Почаевской Лаврѣ сохранилась икона Успенія Богоматери, сооруженная Анною Гойскою для древней Почаевской Успенской церкви еще за 7 лѣтъ до построенія общежительнаго монастыря, въ 1590 году. Икона—византійскаго письма, на толстомъ листѣ кованаго желѣза, въ золоченной рамѣ. Подлѣ усопшей Богородицы изображенъ Спаситель съ душей Богоматери въ рукахъ, а кругомъ—сонмъ апостоловъ; вверху въ облачномъ столпѣ—Богоматерь воскресшая. На оборотѣ крупная дарственная запись: Сию ӥкону Сооружи В: (=Вельможна) панѣ Ана Гойска Судийна Луцка А 590 р: [1]). Икона эта какимъ то чудомъ уцѣлѣвшая отъ уничтоженія, не смотря на трехъ вѣковой періодъ существованія обители, подчасъ тяжелаго, представляетъ, вѣроятно, одинъ изъ многихъ священныхъ предметовъ, пожертвованныхъ Гойской въ Успенскую церковь до 1597 года. Но болѣе всего проявилась благотворительность Гойской горѣ Почаевской, какъ мы сказали раньше, въ пожертвованіи Успенской церкви завѣтной ея святыни—иконы Божіей Матери, подаренной ей Болгарскимъ Митрополитомъ Неофитомъ въ 1557 году и прославленной уже многими чудесами даже въ самомъ семействѣ ея. Чувствуя приближеніе старости и опасаясь за судьбу своей дорогой святини, тѣмъ болѣе, что прямымъ наслѣдникомъ ея имущества былъ протестантъ Фирлей, Анна Гойская торжественно перенесла Чудотворную икону въ Успенскую церковь, а для того, чтобы въ ней *постоянно* совершалось славословіе Божіе, построила при ней общежительный монастырь на восемь чернцовъ и двухъ дьячковъ «ни

---

[1]) Икона имѣетъ 19½ вершковъ вышины и 15½ вершковъ ширины, а въ рамѣ: 23½ в. вышины 19½ в. ширины. Верхъ закругленъ. Къ сожалѣнію живопись немного поновлена, о чемъ свидѣтельствуетъ запись на обратной сторонѣ доски—внизу: «Ѡбновлена сїа ікона 1839 Года. Впрочемъ колоритъ живописи сохраненъ древній. (Болѣе подробное описаніе этой иконы см. въ Вол. Еп. Вѣд. за 1899 г. № 3, стр. 68—71).

якого иншого закону тылько Греческаго восточной церкви» и обезпечила его на вѣчныя времена движимою и недвижимою собственностью. Въ новой обители Божія Матерь чрезъ чудотворный образъ свой продолжала являть благодатныя исцѣленія всѣмъ съ вѣрою и упованіемъ притекавшимъ къ Ней и вотъ сюда начинаютъ стекаться массы народа со всей обширной Волыни и другихъ мѣстностей. Такимъ образомъ въ то самое время, когда на Брестскомъ соборѣ въ 1596 году была принята унія и іезуиты стали употреблять всевозможныя средства къ подавленію православія въ здѣшнемъ краѣ, Почаевская обитель постепенно становится религіознымъ центромъ и оплотомъ православія для всей древней Галицко-Волынской Руси и пріобрѣтаетъ все большее и большее общественное значеніе. Утвержденію этого значенія способствовалъ главнымъ образомъ первый игуменъ обители преподобный Іовъ, въ мірѣ Іоаннъ Желѣзо. Личность препод. Іова представляетъ изъ себя цѣльный, строго-выдержанный характеръ, въ которомъ слово и дѣло не противорѣчили одно другому, а образовали гармоническое цѣлое. На немъ, какъ и на другихъ великихъ представителяхъ монашества, съ самаго ранняго дѣтства лежала печать Божьяго избранія. Еще въ раннемъ возрастѣ, въ домѣ родителей, на основаніи священнаго писанія, святоотеческихъ и подвижническихъ твореній, составивши себѣ высочайшій идеалъ подвижника, препод. Іовъ всячески старался осуществить этотъ идеалъ въ своей богоугодной жизни. По словамъ ученика и жизнеописателя препод. Іова іеромонаха Досиѳея, Іоаннъ Желѣзо «десятолѣтенъ точію сущи отрочищъ, презельнѣ сердцемъ горяше въ иноческомъ житіи уединенъ Христови работати». Поэтому, оставивши любимыхъ родителей, онъ отправился въ Преображенскій Угорницкій (въ Галиціи) монастырь, гдѣ молилъ игумена, чтобы тотъ разрѣшилъ ему хотя немного послужить братіи. Игуменъ, провидя въ отрокѣ великую будущую силу Божію, принялъ его охотно и отдалъ экклесіарху для наученія церковному послушанію. Но отрокъ не довольствовался однимъ послушаніемъ, а старался оказать приличную услугу всякому богоугодно трудившемуся иноку. Добрые нравы, кротость

и смиреніе пріобрѣли отроку всеобщее уваженіе и любовь и на двѣнадцатомъ году его возраста игуменъ, посовѣтовавшись съ братіею, возложилъ на него иноческій чинъ. Послѣ этого инокъ Іовъ день ото дня преукрашался добродѣтелью, живя посреди братіи какъ ангелъ. Въ своей подвижнической жизни преп. Іовъ вдохновлялся высокими образцами богоугодной жизни ветхозавѣтнаго Іова многострадальнаго, св. Іоанна Предтечи, Іоанна Лѣствичника, Саввы Освященнаго и Іоанна Дамаскина. Слухъ о добродѣтельной жизни и подвигахъ преподобнаго распространился по всей той области, такъ что, по словамъ Досиѳея, многіе вельможи той страны нарочно приходили къ нему ради душевной пользы.

Достигъ этотъ слухъ и до князя Константина Острожскаго. Этотъ знаменитый поборникъ православія видѣлъ, что православная Западно-русская церковь находилась въ то время въ упадкѣ и расхищаема была католиками и протестантами, которые находились въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Между тѣмъ какъ эти послѣдніе имѣли хорошо сплоченныя общины и монашескіе ордена, владѣли школами и отличались образованностью, въ южно-русской церкви замѣчался упадокъ монастырской жизни, упадокъ просвѣщенія и невѣжество. Желая дать православнымъ для самозащиты такое же оружіе, какимъ владѣли ихъ враги, Константинъ Острожскій заботился объ учрежденіи въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ школъ и типографій и вообще о поднятіи уровня духовнаго просвѣщенія, причемъ обратилъ свое вниманіе и на православные монастыри, которые, по его мысли, должны были быть разсадниками духовнаго просвѣщенія и воспитывать людей твердыхъ въ вѣрѣ, стойкихъ противъ соблазновъ. Этой задачѣ болѣе всего соотвѣтствовала богоугодная жизнь преп. Іова, который и книжное ученіе любилъ, и старался воплощать въ своей жизни идеалы древняго монашества. Поэтому по усиленной просьбѣ Острожскаго Іовъ былъ переведенъ изъ Угорникъ въ Дубенскій Крестный (на островѣ) монастырь, гдѣ вскорѣ избранъ былъ братіею въ Игумена и болѣе 20 лѣтъ руководилъ братіею, наставляя ихъ «кротостью и богомудрымъ поученіемъ, а наипаче трудовъ своихъ

благолѣпнѣйшими подвиги». Это было, по соображеніямъ историковъ, въ 1577 году и преп. Іову во время прибытія въ Дубно было около 26 лѣтъ. Пользуясь полнымъ уваженіемъ и покровительствомъ Константина Острожскаго, преп. Іовъ возстановилъ въ Дубенскомъ монастырѣ строгіе порядки монастырей, устроенныхъ по студійскому уставу, поучалъ братію въ бесѣдахъ и словахъ и заботился о распространеніи среди народа православныхъ книгъ, для каковой цѣли держалъ въ монастырѣ искусныхъ переводчиковъ и писцовъ и даже самъ, по свидѣтельству Досиѳея, «писаніемъ таковыхъ книгъ упражняшеся». Слава о подвигахъ преп. Іова распространилась далеко по окрестностямъ и къ нему стали стекаться поклонники съ отдаленныхъ мѣстъ, воздавая ему честь и похвалы. Но преподобный не любилъ суетной славы: посѣщенія почитателей и сосѣдство шумнаго города, бывшаго резиденціей могущественнаго и великолѣпнаго князя, тяготили его; душа преподобнаго искала уединенной, пустынной жизни. Къ тому же преп. Іовъ не сочувствовалъ князю Острожскому въ его преобразованіи православныхъ монастырей исключительно въ общежительные, по уставу св. Василія Великаго, и не раздѣлялъ взглядовъ Острожскаго на отношенія православныхъ къ католикамъ и протестантамъ. Поэтому, въ началѣ XVII вѣка преп. Іовъ оставляетъ Дубенскую обитель и для уединенныхъ подвиговъ тайно удаляется на гору Почаевскую, «отъ древле свѣтлостію чудесъ премногихъ сіяющую», какъ выражается Досиѳеево житіе. Но такъ какъ *не вжигаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ спудомъ,* то, по словамъ Досиѳея, не могъ укрыться и преп. Іовъ. Подвижники Почаевскіе почуяли въ пришельцѣ необыкновенную нравственную силу и единодушно избрали его своимъ игуменомъ. Съ того времени преподобный почти всю вторую половину своей жизни, продолжавшейся до ста лѣтъ, посвятилъ устроенію Почаевской обители, по временамъ удаляясь въ пещеру для необыкновенныхъ подвиговъ уединенія. Монастырь Почаевскій въ это время преобразовывается изъ скитскаго пустынножительнаго въ общежительный и преподоб. Іовъ предается его устроенію съ необыкновен-

ною энергіей и самоотверженіемъ; онъ заботится о построеніи на горѣ Почаевской надъ цѣльбоносною стопою новаго каменнаго храма, объ обезпеченіи монастыря фундушевыми записями и умноженіи въ немъ братіи, объ устройствѣ въ монастырѣ колодцевъ, прудовъ, садовъ, огородовъ и, наконецъ, объ огражденіи монастыря отъ разныхъ случайныхъ враговъ и, въ особенности, о защитѣ его отъ притѣсненій и обидъ со стороны недоброжелателей монастыря. Съ практическою дѣятельностью по устройству монастыря соединялась и теоретическая, духовно-просвѣтительная дѣятельность преп. Іова, направленная противъ враговъ православія вообще. По прибытіи на гору Почаевскую, преподобный Іовъ продолжалъ ревностную борьбу съ католиками и протестантами въ своихъ проповѣдяхъ и заботился о распространеніи книгъ на пользу православія, нерѣдко самъ переписывая ихъ, какъ это дѣлалъ и въ Дубно. Въ библіотекѣ Почаевской Лавры и доселѣ хранится рукописный сборникъ преп. Іова, подъ заглавіемъ: *Книга блаженнаго Іова Почаевскаго, власною рукою его писанная*. Сборникъ этотъ, составленный частію изъ самостоятельныхъ поученій, частію изъ подражательныхъ статей и выписокъ изъ книгъ свящ. писанія, восточныхъ отцовъ церкви и разныхъ сочиненій древне-русской переводной и оригинальной письменности, написанныхъ почти чистымъ церковно-славянскимъ языкомъ, давалъ прекрасный, назидательный матеріалъ для чтенія православнымъ и хорошее орудіе для борьбы съ евреями, католиками и разными протестантскими сектами. Значенія этого сборникъ не утратилъ и до настоящаго времени, чему много способствуетъ простота, наглядность и удобопонятность статей, помѣщенныхъ въ немъ. Въ настоящемъ своемъ составѣ «Книга блаженнаго Іова»... заключаетъ въ себѣ 123 листа, въ продольную осьмушку; но остатки прежней нумераціи листовъ показываютъ, что первоначальный составъ рукописи обнималъ не менѣе 901 листа. Всѣ эти листы рукописи утрачены для насъ, вѣроятно, безслѣдно. Кромѣ указаннаго сборника, въ Почаевскомъ монастырѣ существовали и другія рукописи преп. Іова. Такъ, мы уже раньше сказали, что въ Описи

имущества Почаевскаго монастыря 1714 года упоминается между прочимъ рукопись Святаго Отца Іова Желѣза, переплетенная вмѣстѣ съ сочиненіемъ на польскомъ языкѣ: Zywot Pana Jezusa. Въ 1618 году учитель Львовскаго братства іеромонахъ Кириллъ Транквилліонъ Ставровецкій печатаетъ въ Почаевскомъ монастырѣ, конечно не безъ благословенія настоятеля монастыря преп. Іова, сочиненіе свое «Зерцало Богословія», направленное противъ католиковъ. Эти и другія подобныя сочиненія служили для православныхъ защитою противъ все ближе и ближе надвигавшихся волнъ уніи и католицизма.

Практическая дѣятельность преп. Іова, постоянный физическій трудъ чередовались съ необыкновеннымъ религіознымъ подвижничествомъ. Преп. Іовъ Почаевскій въ жизни своей подражалъ древнимъ пустынножителямъ, аѳонскимъ отшельникамъ и молчальникамъ и преподобному Антонію Печерскому. Предаваясь посту и безпрестанной молитвѣ съ колѣнопреклоненіями и слезами, преп. Іовъ до того удручалъ свою плоть, что тѣло отъ изможденія стало гнить и отпадало отъ костей, ноги отекли и покрылись множествомъ ранъ. Въ горѣ Почаевской, въ нынѣшней Іовлевской церкви сохранилась природная каменная пещера, въ которую можно пролѣзть только ползкомъ, да и то человѣку тощаго тѣлосложенія. Эта-то пещера и была обыкновеннымъ мѣстомъ подвиговъ преподобнаго. Въ ней преп. Іовъ затворялся на цѣлые дни, даже седмицы и, по выраженію Досиѳея, «о благопостоянніи свѣта, въ злѣ лежащаго, молящеся», питаясь только слезами, изливаемыми отъ чистаго сердца. Подобно древнимъ молчальникамъ преп. Іовъ былъ настолько молчаливъ, что отъ него можно было слышать развѣ только одну молитву Іисусову, произносимую при каждомъ дѣлѣ и движеніи. О необыкновенномъ аскетизмѣ преп. Іова свидѣтельствуетъ и сохранившійся въ Лаврѣ образъ преподобнаго съ тощими, какъ скелетъ, просвѣтленными чертами лица.

Такая святая глубокоподвижническая, исполненная притомъ любви къ ближнимъ, жизнь преп. Іова Почаевскаго доставила ему еще большее уваженіе и довѣріе, нежели какими онъ пользовался въ Дубен-

скомъ монастырѣ. Многіе знатные сосѣдніе помѣщики, подобно Константину Острожскому, избираютъ его своимъ духовникомъ, а нѣкоторые ищутъ у него убѣжища въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Многіе знатные роды дѣлаютъ въ обитель добровольные вклады, или же въ предсмертныхъ завѣщаніяхъ оставляютъ ей капиталы на поминовеніе и тѣмъ способствуютъ ея благоустроенію, а сосѣдніе богатые помѣщики изъ с. Бережецъ Ѳеодоръ и Ева Домашевскіе жертвуютъ свое имущество на построеніе на горѣ Почаевской надъ Цѣльбоносной стопой прекрасной каменной церкви и сверхъ того дѣлаютъ большой вкладъ на содержаніе ея и завѣщаютъ здѣсь похоронить себя. Сынъ ихъ Василій Домашевскій передъ походомъ на войну съ своей стороны завѣщаваетъ Почаевскому монастырю значительную сумму и проситъ, чтобы тѣло его, гдѣ бы онъ ни умеръ, похоронено было въ этомъ монастырѣ вмѣстѣ съ его родителями. Извѣстность Почаевскаго игумена простиралась далеко за предѣлы Волыни. Въ 1628 году въ Кіевѣ составился соборъ противъ извѣстнаго отступника отъ православія Полоцкаго архіепископа Мелетія Смотрицкаго. На соборѣ этомъ, по пригласительной грамотѣ Кіевскаго Митрополита Іова Борецкаго, присутствовалъ и преп. Іовъ Почаевскій и оказалъ здѣсь православной церкви большую услугу, заставивши Мелетія вмѣстѣ съ прочими участниками собора отречься отъ своихъ заблужденій и громко провозгласивши неизмѣннымъ принципъ православія. Въ грамотѣ, составленной отъ лица собора ко всему православному русскому народу, всѣ бывшіе на соборѣ, въ томъ числѣ и обвиненный въ вѣроотступничествѣ Мелетій Смотрицкій, удостовѣряли, что они какъ доселѣ не мыслили ни о какомъ отступничествѣ въ унію, такъ и впредь клятвенно обѣщаются беречься отъ того, при помощи Божьей, до самой своей кончины, а вмѣстѣ съ тѣмъ просили и убѣждали всѣхъ православныхъ пребывать твердыми въ христіанскомъ благочестіи и въ вѣрѣ, Богомъ преданной, апостолами проповѣданной, соборами вселенскими утвержденной и кровію мучениковъ запечатлѣнной [1]). Грамату эту вмѣстѣ

[1]) Исторія Русской церкви Макарія, митрополита московскаго и Коломенскаго. Т. XI, стр. 360.

съ Кіевскимъ Митрополитомъ подписали и всѣ прочіе участники собора и въ числѣ ихъ Луцкій епископъ Исаакій и „*Іоаннъ* (схимническое имя преп. Іова) *Желѣзо Игуменъ Почаевскій*“ [1]).

Жизнь препод. Іова продолжалась сто лѣтъ и была настолько угодна Богу, что день смерти его былъ открытъ ему за семь дней. Кончина преподобнаго была безболѣзненна: совершивъ 21 октября 1651 года литургію и воздавъ сѣтующей братіи послѣднее цѣлованіе, онъ мирно отошелъ къ Господу, оставивъ какъ въ обители, такъ и во всей Волынской землѣ благоговѣйное воспоминаніе о своихъ высокихъ добродѣтеляхъ.

Впрочемъ, отшествіе преподобнаго было только видимое; духомъ онъ продолжалъ пребывать въ излюбленной имъ обители, направляя братію по установленному имъ пути, а спустя семь лѣтъ и десять мѣсяцевъ, въ 1659 году, возвратился въ обитель и тѣлеснымъ образомъ, нетлѣнными своими мощами. Съ этого времени преп. Іовъ вмѣстѣ съ Божіей Матерью Почаевскою непрестанно ходатайствуетъ предъ Богомъ за свою обитель и за весь православный народъ. Чудесныя знаменія и благодатныя исцѣленія, совершившіяся и совершающіяся непрерывно со времени открытія нетлѣнныхъ останковъ угодника Божія, всегда привлекали къ цѣльбоносному гробу его безчисленныя толпы благочестивыхъ поклонниковъ и въ настоящее время едвали есть въ Россіи, даже въ отдаленной Сибири,—уголокъ, гдѣбы не было извѣстно имя св. горы Почаевской. Храненіе завѣтовъ преподобнаго помогло Почаевской обители пережить тяжелые годы политической и религіозной смуты и выйти съ торжествомъ побѣдительницей въ борьбѣ за православную вѣру и русскую народность. Въ свою очередь обитель Почаевская помогала православному Галицко-Волынскому народу сохранить свою вѣру и самобытность, за которыя многія тысячи людей предпочитали скорѣе понести мученическій вѣнецъ, нежели измѣнить завѣтамъ предковъ. XVII-й вѣкъ

---

1) Аполлія Апологіи.., перепечатанная г. Голубевымъ въ «Трудахъ Кіевской дух. Академіи» за 1878 годъ.

въ исторіи западно-русскаго края представляетъ славную эпоху борьбы казачества съ католицизмомъ и полонизномъ за православную вѣру и самобытность, и мы имѣемъ достаточно основаній отвести Почаевскому монастырю въ этой борьбѣ выдающееся мѣсто.

Выше мы сказали, что Поляки, завладѣвъ Западно-русскимъ краемъ, употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы окатоличить его и съ этою цѣлью выслали противъ православныхъ цѣлыя полчища іезуитовъ, которые съ необыкновенною ловкостью вкрадывались въ довѣріе православныхъ дворянъ, втирались въ ихъ дома въ качествѣ домашнихъ учителей и незамѣтно воспитывали ихъ дѣтей въ духѣ католичества и ненависти къ православію. Послѣ того, какъ старые православные дворянскіе роды повымерли, а молодое поколѣніе было окатоличено, Поляки принялись за совращеніе въ католичество искони православнаго простого народа. Но на этотъ разъ стали употребляться не хитрость, не приманки, а насилія и гоненія. Кровавою нитью проходятъ они почти черезъ весь XVII вѣкъ, составляя позорнѣйшую страницу въ исторіи Польши. Въ городахъ и селахъ церкви обращались въ костелы или запечатывались и отдавались въ аренду жидамъ. Требы можно было совершать только заплативши жиду значительную сумму и получивши его разрѣшеніе. Поэтому нерѣдко народъ православный оставался безъ богослуженія, дѣти безъ крещенія, а умершіе безъ погребенія. Иногда пьяные шляхтичи нападали на православныя церкви, побивали священниковъ, забирали сосуды или оклады съ иконъ и пропивали ихъ въ шинкахъ у жидовъ. Жидовки нерѣдко щеголяли въ передникахъ, сдѣланныхъ изъ церковныхъ облаченій. Казацкія возстанія за вѣру и самобытность сопровождались со стороны Поляковъ жестокими казнями и новыми притѣсненіями православію. На варшавской площади казаковъ колесовали, пробивали на сквозь спицами и сажали на колья; казацкихъ дѣтей жгли предъ глазами отцовъ; у казачекъ отрѣзывали груди и били ими мужей по лицу. Подобныя же явленія происходили и по городамъ Украйны. Народъ православный долго страдалъ и терпѣлъ, но наконецъ у него не стало силъ переносить свои тяж-

кія страданія и онъ поднялся за свою вѣру и народность подъ начальствомъ знаменитаго казацкаго гетмана Богдана Хмѣльницкаго. Въ два года казаки отняли у Поляковъ воеводства Кіевское, Подольское и Волынское, разрушили множество польскихъ замковъ и костеловъ, истребили массу католиковъ, уніатовъ и евреевъ и потрясли до основанія Польское государство. Впрочемъ, воспользоваться вполнѣ плодами своего торжества казакамъ не пришлось: 20 іюня 1651 года казаки, благодаря измѣнѣ союзника своего Крымскаго хана, потерпѣли недалеко отъ Почаева, подъ м. Берестечкомъ Дубенскаго уѣзда, страшное пораженіе и принуждены были заключить въ Бѣлой церкви невыгодный для себя миръ. Но за то это пораженіе послужило поводомъ къ славному дѣлу возсоединенія Малороссіи съ Московской Русью. Почаевскій монастырь не оставался простымъ зрителемъ политическихъ событій XVII вѣка; напротивъ, онъ принималъ въ нихъ самое дѣятельное участіе: поддерживалъ духъ народный въ борьбѣ за вѣру и самобытность, давалъ у себя пріютъ цѣлымъ дворянскимъ семействамъ въ трудныя обстоятельства ихъ жизни и т. п. Такъ, преп. Іовъ въ сороковыхъ годахъ далъ въ своей обители убѣжище извѣстному ревнителю православія на Волыни и благотворителю Почаевскаго монастыря дворянину Ивану Жабокрицкому и во все время Берестечскаго погрома содержалъ его у себя съ дѣтьми на полномъ иждивеніи. Въ Почаевской Лаврѣ сохранилось много старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ Кіевской, Львовской и Московской печати XVII в. съ дарственными записями Почаевскому монастырю (на нижнихъ поляхъ книгъ) разныхъ казацкихъ старшинъ войска Запорожскаго. Къ сожалѣнію листы отъ частаго употребленія книгъ истрепались и записи повреждены настолько, что не сохранилось ни собственныхъ именъ жертвователей, ни дарственныхъ датъ, вслѣдствіе чего нельзя точно установить времени пожертвованія этихъ книгъ монастырю. Во всякомъ случаѣ несомнѣнная принадлежность дарственныхъ записей войсковымъ казацкимъ старшинамъ, а также извѣстная исторія сношенія съ Почаевскою обителью гетмана Мазепы, притво-

рявшагося преданнымъ православію и вѣрнымъ слугою Петра Великаго и, благодаря этому, присвоившаго себѣ не мало историческихъ драгоцѣнностей Почаевскаго монастыря, взятыхъ имъ якобы на храненіе,—все это свидѣтельствуетъ, что Почаевская обитель принимала непосредственное участіе въ политическихъ событіяхъ второй половины XVII и начала XVIII вѣка и играла не маловажную роль въ борьбѣ западно-русскаго народа за православную вѣру и національную независимость, насколько по крайней мѣрѣ эта борьба касалась Волыни. Это политическое и общественное значеніе Почаевской обители способствовало быстрому ея развитію и благоустроенію. Во второй половинѣ XVII вѣка мы находимъ на горѣ Почаевской кромѣ большой Троицкой церкви, построенной Домашевскими, еще шесть меньшихъ церквей. Число этихъ церквей, которому конечно соотвѣтствовало и число монашествующихъ, свидѣтельствуетъ о многочисленномъ стеченіи въ Почаевскую обитель въ XVII вѣкѣ богомольцевъ. Кромѣ Анны Гойской и Домашевскихъ, благотворителями Почаевской обители въ это время являются князья: Малынскіе, Пузыны, Сташкевичи, Куликовскіе, Ушковскіе, Долинскіе, Жабокрицкіе, Ясногорскіе и другіе княжескіе и дворянскіе роды, хранившіе еще православную вѣру своихъ предковъ и неподчинившіеся уніи. Изъ монастырскихъ актовъ видно, что они старались поддерживать послѣдній пріютъ православія на Волыни въ Почаевской обители. Доброхотными пожертвованіями ихъ и вкладами обитель устроялась, украшалась, укрѣплялась, стала крѣпостію не только духовною, но и матеріальною и получила возможность еще больше распространить свое вліяніе, даже за предѣлами Волыни, а духъ великаго подвижника вѣры и благочестія преп. Іова, невидимо пребывавшій въ обители, давалъ ей силы пережить тяжкія испытанія и сохранить для послѣдующихъ поколѣній православную вѣру если не во всей неприкосновенности, съ ея обрядностью, то по крайней мѣрѣ въ ея существѣ.

По смерти Богдана Хмѣльницкаго юго-западная правобережная Русь до возсоединенія съ Россіей въ 1793 году оставалась за Польшей и впослѣдствіи

была раздѣлена на части между Польшей и Турціей. Насильственная пропаганда уніи между православными и притѣсненія со стороны католиковъ въ это время не знали границъ. Самыми ревностными поборниками уніи были перешедшіе въ унію или въ католичество бывшіе православные епископы; стараніями ихъ были совращены въ унію цѣлые милліоны православныхъ. Съ особенною рѣшительностью стала распространяться унія въ русскихъ областяхъ Польши послѣ 1686 года (послѣ «вѣчнаго мира»), когда фанатизмъ Поляковъ достигъ крайнихъ предѣловъ. «За вѣчнымъ миромъ, говорилъ Львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій русскому резиденту Михайлову въ 1692 году, мало не все благочестіе (православіе) привели неволею въ унію» [1]). Въ это то время отпали отъ православія со всѣми своими духовными учрежденіями двѣ древне-православныхъ родственныхъ Волыни, прославленныхъ ревностною борьбою съ притязаніями католичества, епархіи: Львовская и Перемышльская, пребывающія въ уніи и до нашихъ дней. Волынь оставшаяся по смерти Хмѣльницкаго такъ же во власти Польши, какъ (бывшая) составная часть Малороссіи до начала XVIII вѣка, находила еще для себя нѣкоторую защиту отъ латино-польскихъ притѣсненій у заднѣпровскихъ своихъ гетмановъ и полковниковъ, въ особенности Семена Палія. Но со смертію послѣдняго, послѣдовавшей въ 1710 году, православное населеніе Волыни у себя дома не находило уже никакой матеріальной поддержки, а русское правительство, покровительствовавшее своимъ единовѣрцамъ въ Польшѣ, не желало вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши и нерѣдко даже помогало Полякамъ подавлять движеніе среди русскихъ подданныхъ ихъ. Впрочемъ и защита со стороны казачества не могла охранить населеніе Волыни отъ произвола и фанатизма Поляковъ. Послѣдній во второй половинѣ XVII в. бушевалъ на Волыни съ неменьшею силою, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Юго-Западной Руси, упорно преслѣдуя намѣченную цѣль.

---

[1]) Чистовичъ. Очерки ист. Зап. ц. II, 318.

История въ трехъвѣковой упорной борьбѣ католичества съ православіемъ Юго-западнаго края усматриваетъ двѣ задачи, къ осуществленію которыхъ стремилось католичество и полонизмъ: въ то время какъ польское правительство старалось привести православное русское населеніе польскихъ областей къ полному единенію съ польскимъ элементомъ цѣною уничтоженія русской народности, самобытности, католичество чрезъ тоже польское правительство стремилось къ подчиненію православныхъ Польши папскому престолу, путемъ совращенія въ унію, а затѣмъ и въ католичество. Обѣ эти задачи проникались одна другой и другъ друга дополняли. Католичество сознавало, что православіе и русская народность органически связаны между собою, что православіе служитъ охраною русскаго націонализма и самобытности, и въ свою очередь составляетъ драгоцѣннѣйшую святыню русскаго народа, какъ завѣтное достояніе предковъ, за которое русскій человѣкъ готовъ положить душу свою. Поэтому, тогда какъ польскіе короли чрезъ польскихъ помѣщиковъ—католиковъ или же русскихъ окатоличившихся, продавшихъ вѣру своихъ предковъ за мірскія выгоды, и чрезъ ихъ приспѣшниковъ—жидовъ старались полонизировать древній русскій край, закрѣпостивши и совершенно поработивши свободный малорусскій народъ,—католицизмъ всѣ усилія употребилъ на уничтоженіе въ немъ православія. Мы сказали уже, что главными хранителями православія и защитниками русской народности въ Польшѣ служили православные монастыри. Волынь особенно была богата монастырями. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Жидичинскій, имѣли за собою блестящее прошлое и измѣряли свою исторію многими вѣками. Владѣя землею на правахъ собственниковъ, будучи независимы отъ помѣщиковъ и представляя изъ себя крѣпко сплоченныя корпораціи, монастыри способны были отразить внѣшнее давленіе болѣе, чѣмъ отдѣльныя лица, и потому Волынскіе монастыри оказали на первыхъ порахъ упорное сопротивленіе уніи. Но вскорѣ большинство изъ нихъ, въ томъ числѣ и Почаевскій были приписаны къ архіерейскимъ каѳедрамъ и потому поневолѣ должны были послѣдовать за своими настоятелями.

въ унію. Къ концу XVII вѣка почти всѣ православные монастыри на Волыни были совращены въ унію; одна Почаевская обитель, управляемая воспитанниками великаго поборника православія преп. Іова, продолжала стоять на стражѣ православія и русской народности. Мало того, въ то время какъ другіе монастыри насильно отнимались у православныхъ и передавались уніатамъ, Почаевскій монастырь въ 1700 году получилъ отъ польскаго короля Августа II замѣчательную грамату, которою подтверждаются всѣ имущественныя права монастыря и объявляется полная неприкосновенность православнаго греко-восточнаго исповѣданія и на дальнѣйшія времена. «Желаемъ, говорится въ этой граматѣ, чтобы и древній чудотворный монастырь Почаевскій Греческаго исповѣданія, одобреннаго предъ нами панами совѣтниками нашими, находящійся въ воеводствѣ Волынскомъ, во имя Успенія Пресвятыя Дѣвы Маріи благочестивыми пожертвованіями основанный и набожными иноками Греческаго исповѣданія, подчиненными Восточной церкви, надлежаще устроенный, *не состоящій въ уніи*, и на будущія времена и лѣта не ослабѣвалъ въ умноженіи славы Господа и Бога нашего и Пречистой Его Матери, а паче на вѣчныя времена продолжалъ свое существованіе». Подтверждая всѣ фундуши и записи въ пользу монастыря, Король продолжаетъ: «Мы утверждаемъ и укрѣпляемъ: *свободу богослуженія Восточнаго исповѣданія древней церкви, безпрерывно и безпрепятственно доселѣ совершаемаго, торжественные обряды, уставы, обрядные каноны, древнія церковныя службы, безъ всякаго измѣненія, и свободное ихъ совершеніе ненарушимо сохраняемъ:* духовныя ихъ лица и имѣнія, имъ принадлежащія, всѣ вообще и въ частности, въ особую нашу милость и подъ особенное наше покровительство королевское, какъ верховные защитники и покровители мѣстъ посвященныхъ Богу и лицъ духовныхъ, принимаемъ и навсегда сохраняемъ: отъ всякихъ обидъ, насилія и утѣсненій, чинимыхъ на монастырь и ихъ имѣнія отъ лицъ какого бы то ни было состоянія, чина, достоинства и званія, *въ особенности же отъ навѣтовъ и упорныхъ преслѣдованій со стороны велебныхъ: митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, въ соединеніи съ Римскою церковью нынѣ состоя-*

щихъ и потомъ будущихъ, защищать и охранять обнщаемъ и въ томъ неизмѣнно на вѣчныя времена ручаемся... Затѣмъ повелѣваемъ, чтобы сія грамата наша въ пользу упомянутаго монастыря, *не въ уніи состоящаго,* была надлежаще сохраняема и цѣлостно исполняема всѣми лицами духовными и свѣтскими, въ особенности же вельможными сенаторами, гетманами, сановниками, урядниками коронными и великаго княжества Литовскаго, старостами и ихъ урядниками (которые въ случаѣ нужды, должны оказывать и свою помощь), также велебными—митрополитами, епископами, архимандритами, игуменами и прочими, находящимися въ соединеніи съ Римскою церковью, и то подъ штрафомъ десяти тысячъ червонцевъ, предоставляя всякому уряду и суду королевства не опустительное взысканіе половины этого штрафа въ пользу королевской нашей казны, а другой половины въ пользу обиженной стороны—съ лицъ, которыя не оказали бы, ради нашего благоволенія, должнаго повиновенія по своей возможности и воспротивились бы явной нашей волѣ и праву коронному» [1]).

О значеніи Почаевской обители, какъ хранительницы Православія въ ту тяжелую годину, поддерживавшей догоравшій огонь православія во многихъ сердцахъ не только Волыни но и Холмской Руси, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что даже въ началѣ XVIII вѣка уніаты жаловались, что Холмскіе базиліане, посѣщая Почаевъ и Кіевъ, дѣлались православными [2]). Эта же твердость и непоколебимость Почаевскаго монастыря въ содержаніи православнаго вѣроученія, эта неуклонность въ совершеніи богослуженія по уставу Восточной церкви были причиною того, что и извѣстный впослѣдствіи богословъ и знаменитый архипастырь Русской церкви, ревностнѣйшій против-

---

[1]) Подлинная грамата, на польскомъ языкѣ, отъ 26 іюня 1700 года скрѣплена собственноручной подписью короля: «Августъ король» и большой коронной печатью. 9 іюня 1701 года Кременецкимъ бургграбіемъ Николаемъ Каменскимъ внесена въ городскія книги Кременецкаго повѣта.

[2]) См. Рѣчь Преосвященнаго Модеста, Епископа Люблинскаго, произнесенную 13 октября 1883 года въ Почаевѣ по случаю 50-лѣтняго юбилея Лавры. Поч. Успен. Лавра А. Ѳ. Хойнацкаго, стр. 480.

никъ католичества,—Өеофанъ Прокоповичъ, на возвратномъ пути изъ Рима, гдѣ онъ изучалъ богословскія науки, въ Кіевъ, проходя чрезъ Почаевъ въ самомъ началѣ XVIII вѣка, полюбилъ эту тогда еще православную обитель и въ ней, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, пожелалъ постричься въ монашество [1]).

Нельзя сказать, чтобы католическій фанатизмъ не дѣлалъ попытокъ къ отторженію Почаевской обители отъ лона Православной церкви въ унію, но эти попытки долгое время встрѣчали противодѣйствіе въ общественномъ мнѣніи и въ защитѣ отдѣльныхъ лицъ. Почаевскій монастырь издавна обращалъ на себя вниманіе самихъ благонамѣренныхъ поляковъ. Святость мѣста, прославленнаго благоволеніемъ къ нему Божіей Матери въ Живоносномъ источникѣ и Чудотворной иконѣ Ея, а также ознаменованнаго видимымъ залогомъ благодати Божіей въ цѣльбоносныхъ мощахъ преп. Іова, пріобрѣли монастырю всеобщее уваженіе христіанъ на Волыни и дѣлали нападеніе на него преступнымъ даже въ глазахъ самихъ католиковъ. Не говоримъ о глубокомъ всеобщемъ уваженіи, какое питалъ къ Почаевскому монастырю простой православный народъ, повсемѣстно населявшій Волынскій край, и которое также не мало способствовало его безопасности. Увеличенію этого уваженія способствовала благочестивая и безукоризненная жизнь Почаевскихъ иноковъ — воспитанниковъ преп. Іова, рѣзко отличавшаяся отъ распущенной жизни монашествующихъ въ уніатскихъ базиліанскихъ монастыряхъ. Наконецъ, защитниками Почаевской обители являлись и православные Луцкіе епископы, которымъ во второй половинѣ XVII вѣка была подчинена эта обитель вмѣстѣ со многими другими монастырями Волыни. Исторія свидѣтельствуетъ, что происки и насилія іезуитовъ на Волыни нерѣдко встрѣчали сильное противодѣйствіе со стороны православныхъ русскихъ іерарховъ и благодаря ихъ непрестаннымъ жалобамъ и требованіямъ правосудія у правительства даже сами короли останавливали иногда буйство и своеволіе фанатиковъ.

[1]) См. Ист. словарь о писат. дух. чина, т. II, стр. 296.

Но послѣ того, какъ знатные православные роды на Волыни, оставивъ прародительскую вѣру, перешли въ католичество, послѣ того какъ буйная польская шляхта перестала уважать королевскія повелѣнія и своевольные необузданные вельможи стали дѣлать, что хотѣли, послѣ того, наконецъ, какъ православные епископы были изгнаны изъ Луцка, простой народъ обращенъ въ рабство и православіе не находило уже въ царствѣ польскомъ ни въ комъ поддержки, даже въ сосѣднихъ православныхъ русскихъ царяхъ,—послѣ этого и православная Почаевская обитель должна была уступить грубой силѣ.

Уже преподобному Іову пришлось вести продолжительный процессъ съ наслѣдниками основательницы и фундаторши Почаевскаго монастыря Анны Гойской —вельможами Фирлеями изъ-за насильно захваченнаго ими монастырскаго имущества. Позднѣе такіе же процессы обители пришлось вести и съ прочими наслѣдниками Гойской—графами Тарнавскими и Ледуховскими, но трудность веденія процессовъ съ послѣдними увеличивалась тѣмъ, что къ посягательству на отнятіе монастырскаго достоянія этихъ вельможъ—католиковъ побуждало не только простое корыстолюбіе, но и фанатическая ненависть къ православной обители. Поэтому въ исковыхъ бумагахъ мы встрѣчаемъ самыя презрительныя выраженія ихъ и даже ругательства, направленныя противъ православныхъ иноковъ Почаевскихъ. Въ 1718 году, когда игуменъ Гедеонъ Левицкій послалъ своего уполномоченнаго къ графу Ледуховскому съ просьбой о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла,—Ледуховскій, въ присутствіи бывшихъ у него въ то время дворянъ, на просьбу уполномоченнаго съ презрѣніемъ выразился объ игуменѣ такъ: «Дѣло дотолѣ не будетъ рѣшено, пока вашъ *гуменъ* самъ не пріѣдетъ, *такой-сякой матери сынъ, попъ, этотъ мужикъ, и покуда я ему бороды не вырву и не получитъ отъ меня палками*» (Sprawa nie będzie sądzona poty, poki aż wasz sam pan Humen taki owaki matki syn nie przyjedzie, pop, ten chłop, i poki mu brody nie wytargam, i poki kijem nie obije) [1]).

[1]) «Сказаніе Историческое о Почаевской Успенской Лаврѣ» Архимандрита Амвросія. Изданіе 3-е стр. 46.

Въ 1719 году управитель того же Ледуховскаго шляхтичъ Яричевскій, въ спорѣ съ Почаевскими иноками по дѣлу объ опустошеніи принадлежавшаго обители Комнатскаго лѣса, выразился такъ: „*Подождите попы— мужики, такія-сякія дѣти, я соберусь противъ васъ иначе: велю вашихъ крестьянъ вѣшать на деревѣ, а вамъ самимъ велю дать по сто палокъ*" (Poczekajcie popi chłopi, taky owaky synowie, inaczej ja się na was przybiore i chłopow waszych wieszać na drzewię a wam samym po sto kijow dać każę) [1].

Подобныя грубыя и дерзкія выходки католики-поляки дозволяли себѣ по отношенію къ Почаевскимъ инокамъ только потому, что они держались еще православія. По отношенію къ католическому или даже уніатскому духовенству такая грубость не прошла бы ненаказанною даже для знатныхь поляковъ. Въ то время въ Варшавѣ находился папскій нунцій, имѣвшій сильное вліяніе на дѣла гражданскія и церковныя. Если кто изъ польскихъ магнатовъ позволялъ себѣ обидѣть католическій монастырь, костелъ или даже духовное лицо, то на него тотчасъ подавалась жалоба нунцію; послѣдній передавалъ ее папѣ и на обидчика изъ Рима посылались громы проклятій. А въ то время, при большой силѣ папъ, наказаніе это считалось страшнымъ и заставляло польскихъ вельможъ не только уважать но и бояться латинскаго духовенства. Къ этимъ же нунціямъ прибѣгали для защиты себя и уніаты. Почаевскіе игумены, какъ православные, въ спорѣ съ Ледуховскими не могли разсчитывать на поддержку и защиту папъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что Почаевскій монастырь былъ подчиненъ въ административномъ отношеніи Луцкому епископу, въ то время уніату, мы видимъ, что Почаевскій игуменъ Арсеній Качуровскій въ 1716 году обиду, причиненную монастырю Ледуховскимъ, передалъ на судъ Римской нунціатуры, чѣмъ косвенно призналъ свою зависимость отъ папъ.

И не только польская шляхта, но даже и судебныя учрежденія выражались о православныхъ крайне сухо и презрительно, тогда какъ объ уніатахъ всегда

---

[1]) Дѣло архива Почаев. Лавры № 218. См. Ист. сказ. о Поч. Усп. Лаврѣ архим. Амвросія, стр. 46.

отзывались съ вѣжливостью и уваженіемъ. Такъ, даже дѣловыя бумаги, говоря объ «инокахъ чина Св. Василія Великаго, пребывающихъ въ уніи съ св. римскою церковью», обыкновенно величаютъ ихъ «людьми достойными великаго довѣрія», тогда какъ ничего подобнаго не встрѣчаемъ относительно «иноковъ обряда греческаго».

Не малый вредъ причиняли православію въ Почаевской обители самозванные фундаторы ея—католики, вмѣшивавшіеся во внутреннюю жизнь обители и нерѣдко вызывавшіе въ ней смуты. Еще въ концѣ XVII вѣка графы Тарнавскіе, называя себя фундаторами Почаевскаго монастыря, стали вмѣшиваться въ управленіе его, старались участвовать въ выборѣ игуменовъ, дружески переписывались съ ними и привлекали ихъ на свою сторону. Отъ того въ обитель поступали иногда лица, преданныя уніи и братія раздѣлялась на партіи: одни держались православія, а другіе склонялись къ уніи, увлекаясь вольною полумірскою жизнью монаховъ—уніатовъ. Такіе иноки, умножаясь въ обители, предавались своеволію, безчиніямъ и охотно готовы были пристать къ уніатамъ, лишь бы только избѣжать наказанія за беззаконную жизнь. Такъ, въ 1693 году игуменомъ Почаевскаго монастыря былъ избранъ, при содѣйствіи графа Тарнавскаго, Иннокентій Ягельницкій, долго бывшій въ Турецкой неволѣ и навыкшій къ басурманскимъ обычаямъ, двоеженецъ и развратникъ. Изъ дѣлъ архива Почаевской Лавры видно, что Ягельницкій былъ избранъ только немногими своими сторонниками, въ числѣ которыхъ были и послушники,—иноки же твердые въ православіи упорно противились этому избранію, называя его двоеженцемъ, басурманомъ и въ глаза заявляя, что онъ насильно сдѣлался игуменомъ. И дѣйствительно, Ягельницкій не оправдалъ своего избранія: онъ съ единомышленниками сталъ расхищать монастырское имущество, предавался своеволію, разгульной жизни, пьянству и всякаго рода безчинствамъ. Иноки благонамѣренные сдѣлались предметомъ ненависти и преслѣдованія. Съ ними поступали въ высшей степени жестоко и безчеловѣчно: по приказанію Ягельницкаго нѣкоторымъ изъ нихъ давали

по 500 ударовъ палками, заключали въ оковы, по нѣсколько дней морили голодомъ и холодомъ, а иногда даже изгоняли изъ монастыря, лишая ихъ всякихъ средствъ къ жизни [1]). Православному Луцкому епископу Аѳанасію Шумлянскому большихъ усилій стоило усмирить разбушевавшагося уніатствующаго игумена и его сообщниковъ и подвергнуть ихъ законной карѣ (они были лишены сана и посажены въ тюрьму). Впослѣдствіи въ 1695 году, графъ Станиславъ Тарнавскій писалъ къ игумену Почаевскому Іосифу Добромирскому, жалуясь, будто покойный епископъ Шумлянскій напрасно дѣлалъ нападеніе на монастырь Почаевскій при Ягельницкомъ.

Преемники Ягельницкаго рѣшительно противились усиліямъ Тарнавскаго ввести въ Почаевской обители унію. Въ 1700 году, когда Тарнавскій, ведшій съ Почаевскимъ монастыремъ процессы, сталъ требовать отъ игумена Іосифа Саевича ввести въ обители унію, то Саевичъ угрожалъ Тарнавскому, что если онъ будетъ настаивать на этомъ, то онъ возьметъ Чудотворную икону Божіей Матери и всѣ монастырскія сокровища и вывезетъ ихъ въ Москву [2]). Въ томъ же 1700 году, какъ мы видѣли, польскимъ королемъ Августомъ II дана Почаевскому монастырю достопамятная привиллегія на свободное исповѣданіе православной вѣры во всѣ послѣдующія времена. Около этого же времени обитель лишается послѣдней поддержки въ лицѣ Луцкихъ епископовъ, измѣнившихъ православію. Въ 1702 году Луцкій епископъ Діонисій Жабокрицкій, извѣстный раньше своею ревностью къ православію, начитанностью и ученостью, принялъ унію. Настоятель Почаевскаго монастыря Саевичъ не только не послѣдовалъ за своимъ епископомъ, но, оставшись съ братіею непреклоннымъ въ православіи, отклонялъ и другихъ отъ повиновенія Жабокрицкому. Во время Шведской войны, когда многія области Польши были заняты союзными ей русскими войсками, Жабокрицкій, чувствуя неловкость своего положенія, на время удалился въ Венгрію, а имуще-

---

[1]) Истор. сказаніе, стр. 37—38.

[2]) Дѣло архива Поч. Лавры, № 188, стр. 136 и 139.

ство его было разграблено польскими войсками. Въ 1708 году Жабокрицкій возвратился въ свою епархію, но здѣсь вскорѣ былъ захваченъ своими же ближайшими родственниками и, переданный (въ 1709 г.) русскимъ властямъ, умеръ въ ссылкѣ. По удаленіи Діонисія Жабокрицкаго православные дворяне воеводствъ Волынскаго и Кіевскаго рѣшились еще разъ возобновить избраніе православнаго Луцкаго епископа и, по совѣту короля, избрали въ этотъ санъ Кирилла Шумлянскаго. Не смотря на то, что онъ былъ сынъ тайнаго уніата, бывшаго Луцкаго епископа Аѳанасія, самъ онъ оставался православнымъ и для рукоположенія отправился за-границу, въ Кіевъ, къ православному митрополиту. Но этотъ православный епископъ, среди всевозможныхъ гоненій отъ польскаго правительства, уніатскаго и католическаго духовенства и дворянства, не могъ удержаться на Волыни и долженъ былъ бѣжать въ Кіевъ, гдѣ, чрезъ посредство канцлера Головкина, обратился съ жалобой къ Русскому Государю. Петръ I сдѣлалъ представленіе польскому королю о Кириллѣ Шумлянскомъ, но это представленіе оставлено безъ отвѣта. Взамѣнъ Луцкой епархіи Кириллу была дана Русскимъ правительствомъ Переяславская, на которой онъ и скончался въ 1726 году, до самой смерти своей оказывая посильную помощь православію, гонимому въ предѣлахъ Польши [1]).

Кириллъ Шумлянскій былъ послѣднимъ православнымъ Луцкимъ и Волынскимъ епископомъ. По удаленіи его изъ Волыни, до самаго возсоединенія съ Россіей, на Волыни не было своего особаго православнаго архіерея и православіе въ этой странѣ начинаетъ быстро падать, такъ что къ половинѣ XVIII столѣтія *по наружности* оно было почти совершенно уничтожено. Долѣе другихъ держались православія Почаевская обитель и Луцкое Крестовоздвиженское братство. Изъ дѣлъ архива Почаевской Лавры мы видимъ, что первый—чисто уніатскій Луцкій епископъ Іосифъ Выговскій принималъ иногда участіе въ дѣлахъ Почаевской обители. Такъ напр. въ 1714 году онъ обозрѣвалъ монастырь во всѣхъ его частяхъ и

---

[1]) Волынь II, Н. Батюшкова, стр. 203—204.

передалъ монастырское имущество по обстоятельной описи новоизбранному игумену Пахомію Заблоцкому [1]. Но внутренней жизни обители Выговскій не касался и при Заблоцкомъ, какъ и при послѣдующихъ игуменахъ до 1720 года, Почаевскій монастырь въ исковыхъ дѣлахъ называется православнымъ обряда греческаго, а настоятели монастыря—игуменами, а не суперіорами, какъ назывались настоятели монастырей уніатскихъ и какъ начинаютъ называться въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія и настоятели монастыря Почаевскаго. Въ 1720 году стараніемъ уніатскаго митрополита Льва Кишки въ г. Замостьѣ (нынѣ Люблинской губ.) былъ созванъ соборъ съ цѣлію тѣснѣе сплотить уніатскую церковь съ Римскою и приблизить ее къ латинству. Постановленія этого собора подписали настоятели всѣхъ Волынскихъ монастырей, отступившихъ отъ православія, но подписи игумена Почаевской обители мы здѣсь не встрѣчаемъ. Тѣмъ не менѣе постановленія эти стали обязательными и для Почаевскаго монастыря: иноки его были причислены къ установленному въ уніатствѣ, на первыхъ же порахъ существованія уніи по примѣру католическихъ орденовъ, ордену Базиліанскому и стали называться Базиліанами; прежній Студійскій уставъ, лежавшій въ основѣ монастыря, замѣненъ былъ уставомъ св. Василія Великаго и въ обрядность вводятся католическія особенности. Съ 1720 года начинается уніатскій періодъ въ Исторіи Почаевской обители...

Въ какомъ же положеніи застали латино-уніаты Почаевскую обитель? Православный Почаевскій монастырь, переходя въ унію, былъ довольно благоустроенъ съ внутренней и внѣшней стороны, имѣлъ хорошую утварь и прочія принадлежности Богослуженія, имѣлъ много золотыхъ и серебряныхъ вещей, хорошую библіотеку, значительные капиталы, завѣщанные на разныхъ имѣніяхъ, и пользовался значительнымъ фундушемъ. Въ нравственно-религіозномъ отношеніи онъ имѣлъ все, что составляетъ существенную потребность монашества. Въ архивѣ Почаевской Лавры сохранился «Инвентарь старый (dawny) золота

---

[1]) См. дѣло архив. Поч. Лавры № 219.

серебра, денегъ, библіотеки и разныхъ другихъ вещей (составленный) во время визиты этого монастыря яснепревелебнымъ отцемъ Іозефомъ изъ Выгова—Выговскимъ, экзархомъ митрополіи Кіевской, Галицкой и всея Руси, Епископомъ Луцкимъ и Острожскимъ, Архимандритомъ Овручскимъ, подписанный имъ въ монастырѣ Почаевскомъ *1 іюня 1714 года* и переданный въ завѣдываніе новоизбранному игумену Почаевскому о. Пахомію Вышгерду Заблоцкому и соборнымъ отцамъ» [1]). Опись эта входитъ въ составъ «дѣла объ имѣществѣ Почаевскаго монастыря и скита къ нему принадлежащаго, при опредѣленіи игуменомъ въ Почаевскій монастырь Пахомія Вышгерда Заблоцкаго— (№ $\frac{3}{219}$). По смыслу приведеннаго заглавія описи (Inwentarz dawny pod czas wizity...) она составлена значительно раньше и въ 1714 году Выговскій по ней только провѣрялъ имущество Почаевскаго монастыря. Кромѣ золотыхъ, серебряныхъ и разныхъ другихъ вещей, найденныхъ въ Почаевскомъ монастырѣ въ 1714 году и перечисляемыхъ въ указанномъ инвентарѣ, въ библіотекѣ его были найдены слѣдующія русскія книги (перечень ихъ приводится буквально):

Библій славянскихъ Острожской печати	3.
Трефологіевъ Львовской печати	2.
Октоиховъ Львовской печати	2.
Псалтирей	5.
Апостоловъ	3.
Ярмоевъ (Ирмологіевъ) писанныхъ	4.
Миней Московской печати	9.
» тоже писанныхъ	3.
Прологъ цѣлый, раздѣлен. на 3 части	1.
Часословъ великій Кіевскій	1.
Часослововъ Львовской печати	3.
Евангеліе учительное святого Калиста	1.
Книга «Огородокъ»	1.
«Вѣнцовъ» неоправныхъ («Вѣнецъ вѣры» Симеона Полоцкаго, или «Вѣнецъ Христовъ»... Антонія Радивиловскаго?)	2.
«Вѣнецъ» оправленный	1.

---

[1]) Заглавіе Инвентаря въ подлинникѣ написано на польскомъ языкѣ.

«Ключовъ» оправныхъ («Ключъ разумѣнія» Іоанникія Голятовскаго) . . . . 3.
Мечъ духовный (Лазаря Барановича) . . . . . 1.
Трубы («Трубы словесъ» Лазаря Барановича) . 2.
Тріодей цвѣтныхъ . . . . 2.
Тріодь постная . . . . 1.
Бесѣды св. Іоанна Златоустаго. Толкованій на Дѣянія Апостоловъ книгъ . . . . 3.
Евангеліе учительное писанное . . . . 1.
Книга св. Василія Великаго Острожской печати . . . . 1.
Миръ съ Богомъ . . . . 1.
Книга святого Калиста . . . . 1.
Евангеліе толковое . . . . 1.
Книга св—го Іоанна Златоустаго . . . . . . 1.
Толковое Евангеліе Св—го Іоанна Златоустаго писанное . . . . 1.
Толкованіе на Евангеліе и нѣкоторыя слова писанія—Его же. Книга о твореніи твари вѣдомой и невѣдомой (видимой и невидимой). Псалтирь толковая писаная старая.
Книга Святаго Іоанна Златоустаго. Нравоученіе народное старое (?) писаное . . . . 1.
Бесѣда с—таго Макарія! . . . . 1.
Книга правилъ с—тыхъ отецъ писанная . . . 1.
Книга писанная с—таго Іоанна Златоустаго на слова Евангелія . . . . 1.
Книга о священствѣ—Его же . . . . 1.
Книга с—таго Ефрема писанная . . . . . . 1.
Книга с—таго Дороѳея, связанная съ другими.

Хроничка писанная по-русски. Книга с—таго Іоанна Златоустаго о утвержденіи мира. Патерикъ Кіевскій. Книга с—таго Іоанна Златоустаго. Шестодневъ писанный, вмѣстѣ съ другими сочиненіями. Апостолъ печатный старый. Тоже писанный. Уставовъ 2. Соборникъ писанный на праздники. Другой писанный о соборахъ. Книга Московской печати in 4⁰. Апостолъ чѣкій (? Чешскій?) in 4⁰. Книга лѣкарствъ печатная. Варлаамъ печатный. Часть требника писанная. Книга Діонисія Ареопагита. «Мессія» Голятовскаго. Діопратъ (Діоптра) печатная in 4⁰. Книга с—таго Дамаскина in 4⁰. Книга названная Пчела писанная in 4⁰. Книга

с—таго Григорія писанная in 4⁰. Постригъ in 4⁰. Кассіана Постника житіе преподобныхъ. Новоканонъ (Номоканонъ?). Сумма науки христіанской. Вопросы русскіе писанные. С—таго Іоанна Дамаскина книга о вѣрѣ. Нотація до казаня. Молебникъ. Лѣкарство душевное. Лѣствичникъ.

Книгъ Польскихъ и Латинскихъ въ реестрѣ упомянуто до 100, въ 60 названіяхъ. Въ числѣ ихъ есть сочиненія по Гражданской и Церковной исторіи, философіи, реторикѣ, географіи, медицинѣ и т. п. О греческихъ книгахъ въ инвентарѣ не упоминается, но безъ сомнѣнія въ библіотекѣ Почаевскаго монастыря въ доуніатскій періодъ и ихъ было не мало. Объ этомъ свидѣтельствуютъ другія дѣла архива Почаевской Лавры, а также то обстоятельство, что въ библіотекѣ Почаевской и доселѣ сохранилось много старопечатныхъ греческихъ книгъ. Богослужебныя книги пріобрѣтались изъ Кіева, Москвы, Львова, когда еще тамъ процвѣтало православіе; прочія печатныя книги пріобрѣтались въ разныхъ древне-русскихъ типографіяхъ. Не мало книгъ списано руками самихъ Почаевскихъ иноковъ, о чемъ можно заключать изъ множества рукописныхъ книгъ, упоминаемыхъ въ реестрѣ. Наконецъ можно думать, что нѣкоторые иноки занимались даже составленіемъ книгъ. На это отчасти указываютъ выраженія: «Хроничка, писанная по русски» (Почаевская Лѣтопись?), «Книга, названная Пчела, писанная», а также приписка, сдѣланная составителемъ описи послѣ заглавія книги: «Żywot Pana Jezusa»: Classis po Pol. (po polsku) tuz y po rusku pisana Ręką S. P. *Іова Желъза»*. Какъ ни понимать всю эту фразу: такъ ли, что часть книги *писана* по-польски, или что она *печатана по-польски,*—выраженіе: *здъсь же писана и по-русски рукою святаго Отца Іова Желъза,* ясно указываетъ, что преп. Іовъ не переписывалъ, а самостоятельно продолжалъ описаніе жизни Іисуса, тѣмъ болѣе, что преподобный извѣстенъ намъ какъ писатель.

Въ библіотекѣ своей Почаевскіе иноки имѣли почти всю мудрость, доступную современному имъ образованному русскому человѣку и могли почерпать оттуда разнообразныя свѣдѣнія изъ области наукъ и искусствъ. А изъ ралигіозно-нравственныхъ сочиненій,

въ особенности же святоотеческихъ, они черпали для себя чистое, безъ всякой примѣси западныхъ толкованій, ученіе православной вѣры и извлекали для себя правила истинно-христіанской и строго монашеской жизни.

II.

Итакъ, Почаевская твердыня, почти полтора вѣка сопротивлявшаяся тѣснившему ее со всѣхъ сторонъ врагу, должна была наконецъ сдаться и открыть свои двери уніи. Но это не была побѣда сильнаго надъ слабымъ и полное подчиненіе болѣе сильному, вслѣдствіе сознанія своей слабости. Нѣтъ, это было временное торжество врага, обманомъ захватившаго въ свои руки кормило правленія и начавшаго распоряжаться въ обители по своему; это было признаніе неизбѣжнаго зла, при отсутствіи какой-бы то ни было поддержки со внѣ. Ни въ дѣлахъ архива Почаевской Лавры, ни изъ другихъ источниковъ мы нигдѣ не усматриваемъ, чтобы принятіе обителію уніи было дѣломъ измѣны православію всей братіи in corpore. Напротивъ, это было простое провозглашеніе монастыря, противъ воли большинства братіи, уніатскимъ, съ назначеніемъ со стороны польско-уніатскихъ властей начальствующихъ лицъ въ обители изъ сторонниковъ уніи или даже чисто латинствующихъ. Но православный духъ и русскіе устои, насажденные знаменитымъ поборникомъ православія и борцомъ за православную вѣру и русскую народность препод. Іовомъ, поддержанные воспитанниками преподобнаго и подкрѣпляемые великими православными святынями обители—святою чудотворною иконою Богоматери южно-славянскаго происхожденія и цѣльбоносными мощами Іова,—дали обители силы перенести вѣковое рабство и, подъ покровомъ уніи, сохранить въ неприкосновенности православную вѣру и русскій духъ. Эти же святыни помогли обители даже въ уніатскій періодъ не только служить для всего Галицко-волынскаго древне-православнаго края—подъ уніатскою оболочкою—центромъ православія и поддержать въ простомъ народѣ русскія начала, но и оказывать благо-

творное вліяніе на закоренѣлыхъ католиковъ. Мало того, въ уніатскій періодъ сфера вліянія Почаевской обители, какъ увидимъ ниже, значительно расширилась распространившись на сосѣднія русскія области.

Въ настоящее время въ исторической наукѣ установился взглядъ, что введеніе въ западно-русскомъ краѣ уніи Православной церкви съ Римскою и признаніе главенства папы неизбѣжно должно было повести за собой въ будущемъ измѣненіе всего православнаго строя церкви и признаніе католическаго символа вѣры и церковнаго строя, а затѣмъ и полное уничтоженіе русской народности. Дѣйствительно, католичество не скрывало, что унія есть только переходная ступень, долженствовавшая привести къ полному сліянію православія съ католичествомъ. Этой задачѣ должны были главнымъ образомъ содѣйствовать базиліанскіе монастыри, устроенные на подобіе іезуитскихъ орденовъ и управляемые своимъ прото-ахимандритомъ. По уставу базиліанскаго ордена, въ него стали приниматься и природные католики, а это естественно должно было вести къ принятію латинскихъ обрядовъ и къ измѣненію православной внѣшности церквей. Почаевскій монастырь со времени насильственнаго захвата уніатами, сдѣлался резиденціей протоархимандрита базиліанскаго ордена; здѣсь, какъ въ административномъ центрѣ, больше всего можно было встрѣтить католиковъ и потому должно было опасаться, что отсюда, изъ этого древняго центра православія, начнется дѣятельная пропаганда на Волыни и въ сосѣднихъ областяхъ католицизма и что при тѣхъ богатыхъ просвѣтительныхъ средствахъ, какими располагалъ базиліанскій орденъ, и при крайней матеріальной бѣдности и приниженности подавленнаго уніей православія, послѣднее должно будетъ уступить силѣ. На самомъ дѣлѣ этого не случилось: этого не допустило народное сознаніе съ коренными вѣковыми русскими началами и православными устоями, да и обитель Почаевская не могла исключить изъ своей исторіи страницъ славнаго прошедшаго, предшествовавшаго уніи. Не беремся судить, что было бы, если бы Польское владычество и унія просуществовали на Волыни нѣсколько столѣтій. Быть можетъ со смѣною многихъ поколѣній, когда

русская самобытность была бы сломлена окончательно, уніатско-католическія начала и восторжествовали бы. Подобное явленіе мы видимъ, напр., въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ русская народность была подавлена полонизмомъ и гдѣ русскіе уніаты и до настоящаго времени, много лѣтъ спустя по возвращеніи въ лоно православной церкви, не могутъ вполнѣ отдѣлаться отъ вѣроисповѣдныхъ уніатско-католическихъ наслоеній. Къ счастью, Волынь находилась въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Населенная сплошь малорусскимъ племенемъ, крещенная еще при св. Владимірѣ, покрытая сѣтью древне-православныхъ монастырей, Волынь сама по себѣ представляла надежный оплотъ противъ католицизма. Православіе и народность здѣсь слились во едино. Уничтожить православіе здѣсь можно было только съ уничтоженіемъ народной самобытности, съ поглощеніемъ русскаго элемента польскимъ, а послѣднее не могло произойти въ столь короткое время. Горсть поляковъ, имѣвшая на своей сторонѣ правительственную власть и ополчившаяся противъ всего православнаго и русскаго со всѣмъ пыломъ польскаго фанатизма, не могла все таки поглотить и претворить въ себя народную массу. Простой народъ и въ уніи оставался такимъ же православнымъ и русскимъ, какимъ былъ до нея: онъ сохранилъ свой родной языкъ, ходилъ въ свои церкви, имѣлъ тѣхъ же священниковъ и слушалъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Нѣкоторое измѣненіе обрядности онъ не считалъ за перемѣну вѣры, а догматическія тонкости, отличавшія уніатовъ отъ православныхъ, для него были неизвѣстны и совершенно безразличны. Почаевскій монастырь и въ этомъ случаѣ служилъ для него путеводною звѣздой. Народъ не могъ забыть, что эта великая святыня православнаго происхожденія, что основательница его и первые строители и благотворители были православные русскіе люди. А личность устроителя обители Почаевской преп. Іова Желѣза, ревностнаго поборника православія и противника уніи, не только твердо хранилась въ народной памяти, но даже передавалась въ духовныхъ пѣсняхъ. Въ Почаевѣ народъ слышалъ богослуженіе и молитвы на понятномъ ему славянскомъ

языкѣ; здѣсь онъ изливалъ свои скорби передъ Великой Заступницей всѣхъ и получалъ исцѣленія въ своихъ тѣлесныхъ немощахъ отъ православной святыни—чудотворной иконы Богоматери. Все это согрѣвало его скорбную, страждущую душу, утверждало его въ сознаніи своего единства по вѣрѣ и духу съ великимъ сосѣднимъ русскимъ народомъ. Если мы обратимся къ исторіи Почаевской обители въ уніатскій періодъ, то увидимъ, что она, какъ это ни покажется страннымъ, не только не стремилась подавить въ Волынскомъ народѣ сознаніе своей самобытности, а напротивъ, содѣйствовала его самосознанію и утвержденію въ немъ русскихъ началъ. Описатели Почаевской Лавры представляютъ обыкновенно Почаевскихъ базиліанъ страшными фанатиками, старавшимися уничтожить въ обители всякіе слѣды православія. Такое мнѣніе, мало обоснованное, вытекало главнымъ образомъ изъ общаго представленія о базиліанахъ и изъ того факта, что въ обители почти не сохранилось или—точнѣе—въ то время мало было извѣстно остатковъ православія изъ до-уніатской эпохи. Эти свидѣтели исконнаго православія обители обыкновенно считались уничтоженными фанатизмомъ уніатовъ. Но въ существѣ дѣла виноватъ здѣсь не столько фанатизмъ, сколько время и разныя другія неблагопріятныя обстоятельства, въ силу которыхъ и въ православную эпоху обители пропало безслѣдно множество остатковъ православной старины, и въ другихъ чисто православныхъ обителяхъ подвергалась уничтоженію масса древнихъ рукописей и другихъ памятниковъ древности. Обстоятельное изученіе базиліанской эпохи Почаевскаго монастыря проливаетъ иной свѣтъ на этотъ періодъ и заставляетъ измѣнить взглядъ на Почаевскихъ базиліанъ.

Прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что уніаты—базиліане, завладѣвши обителью, не только не уничтожили или не скрыли главной Почаеской святыни—чудотворной иконы Божіей Матери, какъ это можно было ожидать отъ польско-католическаго фанатизма, присущаго якобы братіи Почаевскаго монастыря въ прошломъ вѣкѣ,—но даже отнеслись къ ней съ чувствомъ необыкновеннаго благо-

говѣнія и прославили имя ея по всей Европѣ. И это не дѣлалось съ какимъ-либо коварствомъ, съ хитро скрываемою іезуитской подкладкой, съ желаніемъ показать, будто эта великая святыня не православнаго происхожденія. Нѣтъ, они нисколько не скрывали южно-славянскаго происхожденія чудотворной Почаевской иконы. Мало того, базиліане первые составили довольно обстоятельную исторію Почаевской обители и ея святынь. Напечатанная ими на церковно-славянскомъ языкѣ въ 1742, 1757 и слѣдующіе годы въ собственной типографіи «Гора Почаевская» въ четырехъ «извѣстіяхъ» сообщаетъ намъ свѣдѣнія о Горѣ Почаевской, о стопѣ Божіей Матери, о чудотворной иконѣ Почаевской и «о церкви первой, яже есть въ Пещерѣ». Послѣднее извѣстіе подробно трактуетъ объ основательницѣ монастыря Аннѣ Гойской, о похищеніи св. иконы Фирлеями и возвращеніи ея преподобн. Іовомъ монастырю. Здѣсь же описано множество чудесъ, начавшихъ совершаться въ обители отъ св. иконы со времени перенесенія ея въ обитель. Копія чудотворной иконы Почаевской и изображенія разныхъ чудесъ отъ нея, отпечатывавшіяся во множествѣ экземпляровъ въ собственной литографіи, съ пояснительными подписями по преимуществу русскими, распространялись не только въ Галицко-Волынскомъ краѣ, но и далеко за предѣлами его. Особенно ярко сказалось уваженіе базиліанъ къ Почаевской иконѣ въ актѣ коронованія ея въ 1773 году. Здѣсь уже не одни уніаты, но и весь католическій міръ торжественно приклонился предъ православной святыней, подававшей благодатную помощь всѣмъ съ вѣрою и упованіемъ прибѣгавшимъ къ ней, безъ различія вѣроисповѣданій. Самое торжество коронованія, совершенное съ чисто царскою пышностью, съ хорами музыки, громами пушекъ, фейерверками и проч., носило чисто католическій свѣтскій характеръ. Но важность этого акта заключается не въ формѣ, а въ духѣ, во внутреннемъ смыслѣ его и въ тѣхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ онъ привелъ. По смыслу церковной практики католической церкви, коронація чудотворныхъ иконъ значитъ тоже самое, что канонизація по отношенію къ святымъ, т. е. означаетъ формальное каноническое признаніе

данной иконы поистинѣ чудотворною, отъ чего такимъ образомъ она становится общецю святынею для всей римско-католической церкви. Къ Почаевской иконѣ и раньше нерѣдко прибѣгали съ мольбами католики, изливая предъ Царицей небесной свои скорби, ища у Нея помощи и утѣшенія. Со времени же коронаціи число поклонниковъ Горы Почаевской изъ чистыхъ католиковъ увеличилось и въ настоящее время эта православная святыня чтится многими католиками наравнѣ съ православными. Что касается православнаго народа, состоявшаго въ уніи, въ громадномъ множествѣ прибывшаго на торжество со всѣхъ концовъ Волыни, изъ Подоліи, Галиціи, Холмщины и другихъ мѣстностей, то на него коронація Почаевской православной иконы имѣла несомнѣнное благотворное вліяніе, укрѣпивши въ немъ вѣру, возвысивши духъ народный, вселивши надежду, что Матерь Божія, такъ возвеличенная католиками, заставившая ихъ преклониться предъ своимъ ликомъ въ чудотворномъ образѣ Почаевскомъ, не постыдитъ вѣрныхъ своихъ православныхъ чадъ. Такимъ образомъ въ актѣ торжественнаго коронованія Почаевской иконы католицизмъ и православіе слились во единомъ поклоненіи древней православной святынѣ. Самое торжество, не смотря на свой польско-католическій характеръ, заключало въ себѣ много русскаго элемента. Такъ, чудотворную икону несли къ мѣсту коронованія и обратно уніатскіе архимандриты, хотя здѣсь были католическіе ксендзы и епископы; въ процессіи принимали участіе главнымъ образомъ уніатскіе монахи и священники. По поводу коронаціи изъ Почаевской типографіи были выпущены въ свѣтъ изображенія коронованной иконы Богоматери и самой коронаціи. Мѣдныя доски гравировальныя съ указанными изображеніями сохранились въ Почаевской Лаврѣ и доселѣ (хранятся въ Лаврскомъ древлехранилищѣ). Подписи на нихъ и объясненія къ картинѣ коронованія сдѣланы на чистомъ русскомъ языкѣ, безъ малѣйшей примѣси полонизмовъ. Послѣ того какъ Потоцкимъ была выстроена большая соборная церковь, въ ней у главной алтарной стѣны былъ устроенъ роскошный кіотъ для храненія чудотворной иконы. Въ извѣстное время особый «кіотный»

монахъ торжественно сносилъ отсюда икону по внутренней лѣстницѣ и предлагалъ народу для поклоненія.

Съ такимъ же уваженіемъ отнеслись базиліане и къ другимъ Почаевскимъ святынямъ и свидѣтелямъ исконнаго православія на горѣ Почаевской. Не говоримъ о цѣльбоносной стопѣ Богоматери, которую Потоцкій непремѣнно захотѣлъ помѣстить внутри соборной церкви, отведши ей здѣсь видное мѣсто, и которую базиліане, по ихъ словамъ, якобы выдолбили и унесли съ собою въ Подкаменье, по возвращеніи Почаевской обители въ лоно православной церкви,—базиліане сохранили для нашего времени точный образъ знаменитаго устроителя Почаевскаго монастыря и ревностнѣйшаго борца за православную вѣру противъ уніи и католичества преп. Іова. Правда, они не выставляли для народнаго поклоненія цѣльбоносныхъ мощей преподобнаго, скрывши ихъ за стекляной стѣнкой; но это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, по ихъ мнѣнію, мощи преподобнаго не были формально канонизованы. При всемъ томъ и они въ концѣ XVIII вѣка хлопотали о торжественномъ признаніи святости останковъ преп. Іова и о выставленіи ихъ на всенародное поклоненіе. Базиліане же первые напечатали въ своей типографіи (около 1791 г.) извѣстное «Житіе блаженнаго отца нашего Іова Желѣза, святыя чудотворныя Почаевскія Лавры игумена», составленное ученикомъ и почитателемъ преподобнаго іеромон. Досиѳеемъ. Наконецъ базиліанамъ обязана Почаевская Лавра сохраненіемъ портретовъ основательницы и фундаторши обители православной боярыни Анны Гойской и православныхъ строителей древней Троицкой церкви Ѳеодора и Евы Домашевскихъ, равно изображенія самой этой церкви. Послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что сравнительно въ недавнее время уничтожено въ Почаевской Лаврѣ множество памятниковъ базиліанской эпохи, имѣвшихъ важное значеніе для характеристики исторіи уніатскаго періода этой обители. Къ счастію, въ настоящее время всякая возможность истребительной горячки миновала. Благодаря просвѣщенной заботливости Священно-Архимандрита Лавры, Высокопреосвященнаго Модеста, Архіепископа Волын-

скаго и Житомирскаго, въ Лаврѣ устроено древлехранилище,—отдѣленіе Житомирскаго древлехранилища,—и въ него стали поступать всевозможные памятники какъ православной, такъ и уніатской старины Почаевской обители, имѣющія значеніе для ея исторіи. А полное сочувствіе этимъ просвѣтительнымъ задачамъ нынѣшняго о. Намѣстника Лавры Архимандрита Амвросія привело къ тому, что въ 1897 году имъ открыты и въ настоящее время сохраняются въ древнехранилищѣ такіе остатки православной Почаевской старины, существованія которыхъ до того времени никто и не подозрѣвалъ. Мы уже упоминали объ открытіи въ верхней ризницѣ и другихъ мѣстахъ Лавры серебряннаго дискоса Московско-Новгородской работы 1545 года, остатковъ рукописныхъ пергаментныхъ богослужебныхъ книгъ и большой иконы Успенія Богоматери на мѣди, пожертвованной въ 1590 году въ древнюю Успенскую церковь на горѣ Почаевской Анною Гойскою, съ дарственною записью послѣдней на русскомъ языкѣ. Кромѣ того много вещей осталось еще неизслѣдованными и можетъ быть недалекое будущее откроетъ намъ новыя данныя и прольетъ новый свѣтъ на положеніе обители въ православную и базиліанскую эпохи. Какъ бы то ни было, насъ не можетъ не удивлять сохраненіе въ теченіе трехъ слишкомъ столѣтій, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, перваго дара Гойской, имѣющаго значеніе только для православныхъ и притомъ главнымъ образомъ археологическое и историческое. И если преп. Іовъ и его преемники въ доуніатскій періодъ сохранили икону Успенія Богоматери, какъ даръ православной основательницы монастыря, если поэтому они изъ Успенской церкви перенесли ее въ Троицкую: то было бы совершенно непонятно, какъ эту православную святыню, вдобавокъ съ дарственною записью Гойской на русскомъ языкѣ, сохранили базиліане до построенія Потоцкимъ новаго Успенскаго собора, какъ они хранили ее во все продолжительное время строенія этого собора и затѣмъ перенесли ее въ него,—если бы мнѣніе о враждебномъ отношеніи базиліанъ къ православнымъ памятникамъ Почаевскаго монастыря, какъ исконнымъ свидѣтелямъ

православія обители и объ умышленномъ истребленіи ихъ имѣло мѣсто. Нельзя сказать, чтобы это было сдѣлано въ силу необходимости, изъ нежеланія потерять цѣнную вещь. Икона сама по себѣ не имѣла цѣнности и притомъ базиліане располагали громадными средствами. Имѣя собственную иконописную, они тѣмъ не менѣе множество иконъ и религіозныхъ картинъ заказывали Италіянскимъ художникамъ, мастерскими изображеніями которыхъ и теперь украшена главная Лаврская церковь. И все таки они сохранили и передали православнымъ скромную православную икону Гойской и до послѣдняго времени висѣла она въ соборной церкви, составляя своею простою византійскою живописью контрастъ съ прочими художественными изображеніями Итальянской школы. но никому не извѣстная и не привлекавшая ничьего вниманія. Очевидно, здѣсь не можетъ быть рѣчи объ умышленномъ истребленіи базиліанами памятниковъ православной эпохи монастыря.

Что Почаевскіе базиліане не относились враждебно къ православнымъ и русскимъ, этого мы не можемъ сказать. Въ Архивѣ Почаевской Лавры сохранились ясныя указанія на фанатизмъ базиліанъ по отношенію къ православнымъ, не въ уніи состоявшимъ и къ русскимъ подданнымъ. Но это бывали единичные случаи проявленія фанатизма, навѣянныя совнѣ—польскимъ патріотизмомъ. Въ самой же обители такого фанатическаго отношенія ко всему православному и русскому мы не находимъ; напротивъ, во многомъ видимъ проявленіе русскаго духа. Кромѣ приведенныхъ, подтвержденіемъ этого могутъ служить и многіе другіе примѣры. Въ Почаевской Лаврѣ и доселѣ сохранилось много уніатскихъ иконъ съ пояснительными подписями главнымъ образомъ на русскомъ языкѣ; на нѣкоторыхъ помѣщены цѣлыя русскія вирши. Почаевская уніатская литографія выпускала множество иконъ и разныхъ изображеній съ пояснительнымъ текстомъ также главнымъ образомъ на славянскомъ и русскомъ языкахъ, а въ Почаевской типографіи печаталось на славянскомъ и русскомъ языкахъ множество богослужебныхъ и другихъ книгъ. Богослуженіе въ обители во время господства въ ней базиліанъ совершалось на славян-

скомъ языкѣ, и хотя внѣшнія принадлежности богослуженія, въ особенности со времени построенія Потоцкимъ большого Успенскаго собора, во многомъ носили отпечатокъ католическій (участіе въ богослуженіи органа и оркестра, боковые олтарики, конфессіалы), но общій колоритъ его и внутренній характеръ, по свидѣтельству даже самихъ уніатовъ [1]), оставались скорѣе православными, такъ что Почаевскіе базиліане отъ прочихъ базиліанъ получали даже титулъ *схизматиковъ*, каковое названіе католиками усвоялось всегда только православнымъ. Изъ богослужебныхъ книгъ особенно цѣнилось Почаевскими базиліанами православное напрестольное евангеліе, напечатанное въ Москвѣ въ 1689 году. Эта величественная книга, имѣющая $15^5/_8$ вершковъ длины и 11 вершковъ ширины (въ Александрійскій листъ) и напечатанная необыкновенно крупнымъ шрифтомъ, оправлена въ серебряныя, прекрасной работы, доски, вѣсомъ 1 пудъ 30 фунт. Унаслѣдовали ли это евангеліе базиліане отъ православныхъ, или сами пріобрѣли, — во всякомъ случаѣ они на столько дорожили имъ, что не пожелали разстаться съ нимъ при сдачѣ Лавры православнымъ и спрятали его вмѣстѣ съ другими вещами въ сундукѣ на второмъ этажѣ братскаго корпуса, гдѣ оно и было найдено 13 марта 1832 года. Конечно, въ данномъ случаѣ базиліанами руководила главнымъ образомъ алчность, но во всякомъ случаѣ будь они закоренѣлыми фанатиками, они скорѣе сожгли бы самую книгу, чѣмъ пользовались бы ею при богослуженіи. Мы имѣемъ, наконецъ, прямыя свидѣтельства, что не только нѣкоторые изъ братіи Лавры прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, но даже лица, занимавшія въ Лаврѣ высшія административныя должности, были ревнителями православія и сторонниками Россіи. По словамъ бывшаго въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія послушникомъ въ Почаевской Лаврѣ, впослѣдствіи православнаго іеромонаха Валеріана, ба-

[1]) Авторитетное свидѣтельство объ этомъ мы находимъ въ воспоминаніяхъ и замѣткахъ бывшаго послушника въ Почаевской Лаврѣ при базиліанахъ, впослѣдствіи православнаго іеромонаха на о—вѣ Сахалинѣ Валеріана. См. «Почаевская Успенская Лавра» прот. А. Хойнацкаго, исправл. и дополн. Г. Крыжановскимъ страница 89 и слѣд.

зиліанинъ—типографъ о. Іеремій, глубокій старикъ, разсказывалъ ему, что когда въ XVIII вѣкѣ въ Лаврѣ стали вводить чтемыя («шептанныя») литургіи, на подобіе католическихъ, то іеромонахамъ трудно было отступить отъ прежняго православнаго порядка и они въ боковыхъ церквахъ пѣли обѣдни съ послушниками по православному чину. Правда, за такими іеромонахами досматривали надзиратели и, по ихъ доносу, суперіоры подвергали ихъ взысканію, но это дѣлали не всѣ суперіоры; нѣкоторые изъ нихъ сами были ревнителями древлеправославнаго обряда. Таковъ, напр., былъ первый настоятель Почаевской обители уніатъ Өеодосій Рудницкій (1720—1730 г.г.). Человѣкъ образованный и глубоко привязанный къ православной вѣрѣ и ея обрядамъ, онъ на первыхъ порахъ оставилъ въ Почаевской обители все, что сохранялось въ ней до того времени какъ въ уставахъ, такъ въ обычаяхъ и богослуженіи. Онъ даже не принялъ латинскаго титула суперіора, а подписывался просто: «Архимандритъ Каневскій и игуменъ Почаевскій». Сдѣланный въ 1730 г. епископомъ Луцкимъ и Острожскимъ, онъ и въ этомъ санѣ не измѣнилъ сущности православія. Въ 1739 году, выдавая духовнику Почаевскаго монастыря іеромонаху Іерониму Камчичу полномочную грамату, Өеодосій Рудницкій подписался на ней по-русски и ни слова не говоритъ въ ней о папской власти, а только пишетъ: *„властію свыше намъ данною"*. Въ томъ же году въ грамотѣ, данной Іерониму на временное управленіе Почаевскимъ монастыремъ, Өеодосій требуетъ, чтобы какъ онъ, Іеронимъ, такъ и всѣ иноки Почаевской обители жили по данному ими обѣту, согласно съ *древними* монашескими правилами, примѣрно и благочестиво. Преданность древнимъ обычаямъ Өеодосій выражалъ даже въ своей внѣшности: онъ носилъ древлеправославную рясу и не брилъ бороды и усовъ, подобно своимъ современникамъ уніатскимъ епископамъ. Такимъ же ревнителемъ древняго православія въ концѣ XVIII в. былъ игуменъ (суперіоръ) Почаевскій Роговскій. Онъ сильно не любилъ доносчиковъ и всегда отвѣчалъ имъ: «а ты липшій гляди себе» (а ты лучше смотри за собой) [1].

[1]) «Почаевская Успен. Лавра», стр. 92—93, а также 82—83. См. также Сказаніе Историч. о Почаевской Лаврѣ, стр. 69.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія базиліане устроили въ соборной Успенской церкви довольно красивый иконостасъ [1]), чѣмъ приблизили ее по виду къ православнымъ церквамъ. Въ 1808 году уніатскій Луцкій епископъ Григорій Кохановскій поселился въ Лаврѣ и тотчасъ по прибытіи сюда послалъ по епархіи «пастырское увѣщаніе», чтобы во всѣхъ уніатскихъ церквахъ и монастыряхъ молились за Императора Александра I. Чуждый базиліанскаго полуіезуитскаго духа, Кохановскій любилъ говорить по-русски и открыто выражалъ преданность Россіи, любилъ православныхъ священниковъ, публично хвалилъ православные обряды и самъ совершалъ богослуженіе по православному чину, носилъ бороду, не стригъ волосъ и, какъ говорятъ, имѣлъ даже намѣреніе возвратиться съ паствою къ православной церкви [2]). Въ библіотекѣ Почаевской Лавры намъ случайно попалась рукопись Почаевскаго базиліанскаго іеромонаха, представляющая извлеченіе изъ сочиненій св. Димитрія Ростовскаго. Рукопись писана въ 1828 году красивымъ крупнымъ славянскимъ уставомъ, по мѣстамъ даже золотомъ. Заглавіе рукописи слѣдующее: **«Сочине́нїе С҃тагѡ Дими́трїа митрополі́та Росто́вскагѡ и҆ Ꙗ҆росла́вскагѡ, вы́писано и҆з̾ кни́ги напеча́таной в̾ црⷭ҇твꙋющемъ вели́кⷪ҇ гра́дѣ Москвѣ̀, ҂аѿн҃і го́да: Ча́сти пе́рвыѧ, ѿ страни́цы р҃з. а҆ напи́сано ҂аѿк҃и го́да, м҃ца А҆ѵгꙋ́ста. Ї҆еромона́хомъ Па́ѵломъ».** Если припомнимъ, что у Почаевскихъ базиліанъ было много собственныхъ книгъ, взятыхъ ими съ собою изъ Лавры, то мы можемъ предположить, что подобныя книги у базиліанъ были не рѣдкость. И этотъ базиліанинъ Павелъ списываетъ сочиненіе Димитрія Ростовскаго съ печатнаго *Московскаго* изданія въ то время, когда патріотизмъ поляковъ достигъ своего апогея и разразился въ 1831 году повстаньемъ, увлекшемъ за собою и нѣкоторыхъ Почаевскихъ базиліанъ изъ природныхъ поляковъ.

Авторъ «Сказанія историческаго о Почаевской Успенской Лаврѣ» Архим. Амвросій, говоря о древ-

---

[1]) Царскія врата этого иконостаса, а также сѣверныя и южныя врата и доселѣ хранятся въ Лаврѣ (въ Лаврскомъ древлехранилищѣ).

[2]) «Сказ. ист. о Поч. Усп. Лаврѣ» Архим. Амвросія. Изд. 3, стр. 131.

ности Почаевской типографіи и о напечатаніи въ ней въ 1618 году «Зерцала Богословія» іеромонаха Кирилла Транквилліона, въ виду того, что ни документовъ, касающихся основанія этой типографіи, ни другихъ какихъ-либо книгъ, напечатанныхъ въ ней, не сохранилось, высказываетъ предположеніе, что «документы на этотъ памятникъ древняго въ этомъ краю православія (т. е. на основаніе типографіи), равно какъ и самыя книги истреблены іезуитами» [1]). Взглядъ этотъ раздѣляетъ и прот. А. Хойнацкій [2]). Насколько однако справедливо такое предположеніе, объ этомъ можно заключать изъ слѣдующаго факта. Мы видѣли, что Почаевскіе базиліане сохранили и передали нашему времени святоотеческія творенія и другія книги печати православныхъ типографій XVII вѣка: Кіевской, Московской, Львовской, Острожской и др. Было бы странно думать, что, сохраняя православныя книги XVII в. разныхъ другихъ русскихъ типографій, базиліане въ тоже время съ фанатизмомъ истребляли книги Почаевской типографіи. Но мы имѣемъ несомнѣнныя данныя къ совершенно обратному заключенію, что Почаевскимъ базиліанамъ не только не было надобности уничтожать книги православной Почаевской печати, а даже былъ прямой интересъ сохранять эти книги. Въ XVII вѣкѣ Почаевскій монастырь рѣшилъ обзавестись собственною типографіей—для печатанія славянскихъ книгъ. Это благое намѣреніе встрѣтило рѣшительное противодѣйствіе въ Львовскомъ братствѣ, ссылавшемся на свои привиллегіи и на данную ему монополію печатанія церковныхъ книгъ. Въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія извѣстный уже намъ игуменъ Почаевскій Ѳеодосій Рудницкій, уніатъ, но ревнитель православія, взялся за это дѣло съ новой энергіей и началъ усиленныя хлопоты предъ королемъ Августомъ II. Между прочимъ Рудницкій стоялъ за то, что онъ проситъ разрѣшенія не открыть новую типографію, а *возстановить* старую, существовавшую уже въ 1618 году. Оставалось подтвердить свое ходатайство о возстановленіи Почаевской типографіи представленіемъ королю книгъ, напечатанныхъ въ ней, но

[1]) Сказ. истор. о Поч. Усп. Лаврѣ, изд. 3, стр. 31.
[2]) «Почаевская Лавра» въ Хр. Чт. за 1880 и 1881 г.г.

таковыхъ книгъ базиліане ни въ Лаврѣ, ни въ другихъ мѣстахъ найти не могли и даже не могли назвать ихъ. Одну только книгу, напечатанную якобы въ древней Почаевской типографіи, могли указать королю базиліане,—это—«Зерцало Богословіи» іеромонаха Кирилла Транквилліона, дѣйствительно напечатанное въ монастырѣ Почаевскомъ въ 1618 году [1]) и доселѣ сохранившееся въ библіотекѣ Лавры. Долго не было отвѣта на ходатайство Рудницкаго и наконецъ въ 1732 и 1736 годахъ, уже по назначеніи Рудницкаго Луцкимъ и Острожскимъ епископомъ и можетъ быть вслѣдствіе болѣе существенныхъ приложеній, послѣдовали грамоты королей Августа II и Августа III, разрѣшающія «возстановить» древнюю Почаевскую типографію и дающія привиллегію на напечатаніе въ ней книгъ на славянскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ [2]).

---

[1]) «Зерцало Богословіи» напечатано хотя и въ «монастыру Почаевскомъ», но «коштомъ и накладомъ» самого Кирилла. Полное заглавіе книги такое: «Сі́а кні́га нарица́емаа зерца́ло бг҃осло́вїи, і҆зкра́ннаа ѿ мнѡ́гихъ кн҃и бг҃осло́вскихъ и трꙋдолю́бїем съставлена є҆ромона́ха кири́ла транъквилио́на и҆ пропо- вѣ́дника сло́ва бж҃іа є҆гѡ̀ вла́сным коштомъ и҆ накла́домъ выдрꙋкована в манастырꙋ поча́евъском в маетности є҆го мл҃сти па́на а҆ндрѣа фꙋ́рлѣа рокꙋ ҂ахи҃ мц҃а ма́рта ві҃ дн҃а.

Слова: «манастырꙋ поча́евъском» «ро́кꙋ ҂ахи҃», а также части словъ: «ц҃а» въ словѣ мц҃а, «а́рта» въ словѣ Ма́рта, «ві҃» и «н҃а» въ словѣ дн҃а напечатаны черною краской, а всѣ прочія слова и буквы сплошь напечатаны киноварью.

На оборотной сторонѣ заглавнаго листа помѣщенъ гербъ Александра Пузыны съ епиграммой.

[2]) Обѣ привиллегіи на латинскомъ языкѣ напечатаны вмѣстѣ съ другими грамотами, касающимися типографіи Почаевской, въ 1745 году, въ типографіи Почаевскаго монастыря, въ сборникѣ подъ названіемъ summarium. Первая книга, напечатанная въ «возстановленной» Почаевской типографіи—Служебникъ 1735 года на славянскомъ языкѣ, посвященный Епископу Θеодосію Рудницкому. Въ посвященіи указывается на усиленные труды, понесенные Рудницкимъ въ бытность его игуменомъ Почаевскимъ по вопросу о возстановленіи типографіи, и увѣнчавшіеся успѣхомъ только по выходѣ Рудницкаго изъ Почаевскаго монастыря.

Замѣчательно и то, что Почаевскіе базиліане въ доказательство древности Почаевской типографіи ссылаются не на что либо другое, а на Зерцало Богословія, хотя и дѣйствительно напечатанное въ Почаевскомъ монастырѣ въ 1618 г., но написанное не уніатомъ, а тогда еще *православнымъ* и даже *направленное противъ католиковъ.*

Всѣ указанные факты приводятъ насъ къ тому заключенію, что Почаевскіе уніаты относились къ православнымъ святынямъ Почаева съ уваженіемъ и берегли ихъ. Въ существѣ дѣла это и понятно: уніаты считались православными, исповѣдывавшими греко-восточную вѣру, но только состоявшими въ единеніи (въ уніи) съ католическою церковью. Тѣмъ не менѣе, говоря объ уніатахъ — базиліанахъ, мы не можемъ отрицать присущаго имъ въ значительной степени фанатизма. Это было бы несогласно съ духомъ базиліанскаго ордена, проникнутаго латино-польскими тенденціями. И дѣйствительно, исторія представляетъ намъ не мало случаевъ проявленія фанатизма въ базиліанахъ Почаевскихъ; но подобные факты были скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ, и исходили главнымъ образомъ отъ природныхъ поляковъ—католиковъ, каковыхъ въ базиліанскомъ орденѣ было не мало. Мы не касаемся внутренней жизни Почаевскихъ базиліанъ, представлявшей много и хорошихъ и дурныхъ сторонъ. Жизнь эта въ общемъ была устроена на католическій образецъ и, по сравненію съ истинно-христіанскою строгою монашескою жизнью иноковъ обители въ доуніатскій періодъ, отличалась довольствомъ и даже роскошью. Въ архивѣ Почаевской Лавры сохранилось между прочимъ дѣло, свидѣтельствующее о томъ, что въ 1758 году графиня Анастасія Тарнавская посылала въ Почаевскій монастырь 200 своихъ гайдуковъ для усмиренія безчинія базиліанъ. Въ спорѣ и дракѣ съ базиліанами гайдуки между прочимъ говорили имъ: «вы не такъ живете, какъ жили *прежніе здѣшніе иноки* или какъ живутъ монахи Кіевопечерскіе; вы кушаете мясо и предаетесь пьянству и другимъ порокамъ» [1]). Подобная жизнь тѣмъ

[1]) Дѣло № 93, стр. 91—93. Въ настоящее время хранится въ библіотекѣ Кіевской дух. Академіи.

ярче воспроизводила въ памяти многихъ прежнюю благочестивую жизнь православныхъ иноковъ, въ точности соблюдавшихъ святоотеческія наставленія и монашескія правила. Не мало также было въ религіозно-нравственной жизни Почаевскихъ базиліанъ и разныхъ нелѣпыхъ странностей, граничащихъ съ суевѣріемъ и навѣянныхъ извнѣ—католичествомъ. При всемъ томъ мы должны сказать, что недостатки внутренней жизни Почаевскихъ иноковъ въ базиліанскую эпоху представляли собою и въ глазахъ самихъ базиліанъ явленіе ненормальное, не желательное, и что Почаевскимъ базиліанамъ, какъ и базиліанамъ другихъ уніатскихъ монастырей, предъявлялись всегда самыя возвышенныя требованія монашеской жизни [1]).

Мы разсмотрѣли базиліанскій періодъ Почаевскаго монастыря съ отрицательной стороны; мы показали, что Почаевскій монастырь въ эпоху уніи, принявши уніатскую — нѣсколько католическую — окраску, продолжалъ оставаться въ глазахъ православнаго, насильно обращеннаго въ унію, простого народа Галицко-Волынскаго края православнымъ русскимъ центромъ и что уніаты своимъ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ главнымъ православнымъ святынямъ Почаева способствовали утвержденію въ народѣ этого взгляда. Но базиліанскій періодъ имѣлъ и свои положительныя стороны, оставивши видимый слѣдъ въ исторіи обители и распространивши сферу его вліянія. Самымъ свѣтлымъ и отраднымъ фактомъ въ этомъ отношеніи является устройство и украшеніе Почаевскаго монастыря. Промыслъ Божій судилъ, чтобы католицизмъ, совративши православную обитель въ унію и продержавши ее болѣе вѣка въ плѣну, возвратилъ ее внѣшне благоустроенною и обогащенною. Еще въ началѣ своего господства на горѣ Почаевской базиліане возъимѣли мысль разобрать всѣ прежнія, бывшія въ монастырѣ Почаевскомъ, небольшія разрозненныя церкви и на мѣсто ихъ создать одну большую церковь. Для этого они уже въ 30-хъ годахъ XVIII

---

[1]) Подробнѣе о достоинствахъ и недостаткахъ внутренней жизни Почаевскихъ базиліанъ см. у Архим. Амвросія въ «Сказаніи истор. о Поч. Усп. Лаврѣ».

столѣтія заготовили значительное количество кирпича. Но чтобы создать такой прекрасный храмъ и въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какимъ является нынѣшній Лаврскій соборъ, выстроенный притомъ на высокой крутой, почти отвѣсной скалѣ, чтобы создать такъ симметрично и въ такихъ большихъ размѣрахъ братскій корпусъ,—для этого у базиліанъ не хватало ни средствъ, ни умѣнія. Царица Небесная, Покровительница Горы Почаевской, избрала орудіемъ внѣшняго возвеличенія православной Почаевской святыни природнаго католика, человѣка богатаго и знатнаго, съ сильнымъ умомъ и характеромъ, но и съ неменѣе сильными страстями.

Много чудесъ совершено отъ чудотворной Почаевской иконы Божіей Матери, но едва ли не самое большее изъ нихъ - чудо, совершенное надъ графомъ Николаемъ Потоцкимъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ смотрѣть, какъ не на великое чудо, на моментальное перерожденіе разгульнаго, своевольнаго польскаго магната? Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ Потоцкій, опрокинутый изъ коляски на ровной дорогѣ, три раза цѣлился въ кучера изъ пистолета, чтобы убить его, и какъ пистолетъ каждый разъ давалъ осѣчку. Дѣло конечно не въ томъ, что это смертоносное оружіе, всегда исправное, никогда не измѣнявшее своему господину, на этотъ разъ оказалось недѣйствительнымъ. Не такой былъ Потоцкій, чтобы придавать значеніе такой случайности. Чего не сдѣлалъ пистолетъ, то легко могъ сдѣлать мечь, который всегда былъ при Каневскомъ старостѣ. Дѣло въ томъ, что курокъ пистолета давалъ осѣчку всякій разъ, какъ кучеръ молитвенно призывалъ *Матерь Божію, сіяющую чудесами въ Почаевской иконѣ.* Благодать Божія коснулась сердца Каневскаго старосты, осѣнила его душу, и вотъ, пораженный явнымъ заступленіемъ Богоматери, этотъ своевольный, разгульный польскій магнатъ, непризнававшій дотолѣ никакихъ законовъ—ни божескихъ, ни человѣческихъ, этотъ жестокій тиранъ, предававшійся самымъ уродливымъ причудамъ, по одной прихоти умерщвлявшій своихъ крестьянъ и находившій величайшее удовольствіе въ стрѣляніи евреевъ, какъ дичи, —вслѣдствіе душевнаго переворота сразу перемѣняетъ

свою жизнь, оставляетъ свои причуды и мысль свою отъ земныхъ, временныхъ благъ обращаетъ къ небеснымъ, вѣчнымъ. Съ того времени (приблизительно съ 1760 года) святость мѣста на горѣ Почаевской и чудотворная икона Почаевской Богоматери постоянно занимаютъ Потоцкаго; въ душѣ своей онъ чувствуетъ пламенную любовь и привязанность къ Почаевской обители [1]). Въ силу этой любви богатѣйшій въ этомъ краѣ и скупой—Потоцкій ничего не жалѣетъ, чтобы только видѣть благолѣпіе и красоту Почаевской обители и возвеличить ея святыни. Все свое громадное достояніе, всѣ свои силы, умѣніе и опытность Потоцкій посвящаетъ главнымъ образомъ на сооруженіе нынѣшняго великолѣпнаго храма и громадныхъ братскихъ корпусовъ. Въ этомъ чудной архитектуры храмѣ Потоцкій отводитъ главное мѣсто двумъ величайшимъ святынямъ Почаевскимъ: цѣльбоносной стопѣ Богоматери и чудотворной иконѣ, для которой дѣлаетъ у главной алтарной стѣны роскошный кіотъ. Желая сохранить пещеру преп. Іова отъ разрушительнаго дѣйствія стихій и сдѣлать ее болѣе доступною для массы поклонниковъ горы Почаевской, а также дать болѣе подходящее мѣсто для цѣльбоносныхъ мощей преп. Іова, Потоцкій прежде всего строитъ большую Іовлевскую пещерную церковь, которая вмѣстѣ съ тѣмъ должна была служить контрафорсомъ для соборной Успенской церкви. Не довольствуясь этимъ, Потоцкій задумалъ самый католическій міръ преклонить предъ Почаевскими русскими святынями—признаніемъ ихъ таковыми и католиками. Съ этою цѣлью Потоцкій рѣшилъ устроить, съ разрѣшенія папы, торжественную коронацію чудотворной иконы Божіей Матери и испросить у папы канонизацію мощей преп. Іова и внесеніе его въ число святыхъ. И если послѣднее Потоцкому не удалось, то за то торжество коронованія Почаевской чудотворной иконы Богоматери устроено было имъ съ такимъ великолѣпіемъ и пышностью, какія только могли позволить громадныя средства Потоцкаго и его высокое общественное положеніе.

---

[1]) См. переписку Потоцкаго съ Генералъ-Протоархимандритомъ Бѣлинскимъ въ «Сказ. истор. о Поч. Усп. Лаврѣ» архим. Амвросія.

Завѣтною мечтою Потоцкаго было, между прочимъ, принять монашество въ Почаевкой обители, провести въ ней остатокъ дней своихъ и быть погребеннымъ въ выстроенной имъ Успенской церкви,—что и исполнилось, согласно его желанію.

Вникая въ сущность дѣятельности Потоцкаго на горѣ Почаевской, мы должны признать, что она имѣла громадное историческое и общественное значеніе для православія во всемъ Галицко-Волынскомъ краѣ. Благоустроеніемъ, украшеніемъ и обогащеніемъ православной Почаевской обители, Потоцкій возвелъ ее на такую высоту, что она затмила собою всѣ другія—болѣе древнія—православныя обители не только Волыни и Галичины, но и болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Потоцкій возвеличилъ древнюю православную Почаевскую святыню, заставивши весь католическій міръ преклониться предъ нею и признать ее, какъ святыню. Съ этого времени Почаевской обители открылась великая миссія, продолжающаяся и до настоящаго времени,—служить связью между двумя противоположными мірами: католичествомъ и православіемъ, примирять католиковъ съ православными въ нараздѣльномъ благоговѣйномъ почитаніи Почаевской святыни. Что касается собственно православныхъ—уніатовъ и неуніатовъ, то чудо, случившееся съ Потоцкимъ и вся его послѣдующая дѣятельность должны были укрѣпить ихъ въ сознаніи правоты своей вѣры и превосходства ея предъ католичествомъ. Народъ видѣлъ, что разгульный, жестокій Каневскій староста, имя котораго передавалось въ народныхъ пѣсняхъ и сказаніяхъ, подъ вліяніемъ промыслительнаго дѣйствія Богоматери, сіяющей чудесами въ православномъ чудотворномъ образѣ Почаевскомъ, не только совершенно переродился, но и всецѣло предался благоустроенію православной обители Почаевской и возвеличенію имени Той, Которая послужила причиною его душевнаго переворота. Православный народъ не могъ не знать, что Потоцкій имѣлъ желаніе исходатайствовать у папъ признаніе и католическою церковью святости имени великаго подвижника и поборника православія преп. Почаевскаго игумена Іова и его нетлѣнныхъ останковъ. Наконецъ, православный народъ видѣлъ, что

Потоцкій, ярый католикъ, считавшій дотолѣ православныхъ схизматиками (еретиками), подъ конецъ жизни самъ принялъ православіе подъ формою уніи, или, какъ выражаются даже нѣкоторые польскіе писатели, принялъ *„вѣру Греческую“*. Все это ободряло духъ народный, укрѣпляло его вѣру и давало ему силу твердо переносить разныя невзгоды религіозной жизни въ періодъ уніи. А кучеръ Потоцкаго, чудесно спасшійся отъ смерти заступленіемъ молитвенно призываемой имъ Почаевской Богоматери,—развѣ не могъ онъ своими разсказами способствовать еще большему распространенію извѣстности Почаевской обители съ ея святынями, утвержденію въ народѣ сознанія святости этого мѣста и рѣшимости возлагать всю свою надежду и искать утѣшенія у Царицы Небесной, Которая есть истинная отрада и утѣшеніе всѣхъ страждущихъ.

Другой свѣтлой стороной базиліанской эпохи на горѣ Почаевской является расширеніе просвѣтительнаго значенія Почаевской обители. Базиліане устроили въ Почаевскомъ монастырѣ въ 1735 году большихъ размѣровъ типографію и въ ней, согласно привиллегіи королей Августа II и Августа III, стали печатать книги на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ. Большинство книгъ, напечатанныхъ въ Почаевской уніатской типографіи—церковно-славянскія уніатскія и славяно-русскія книги по всевозможнымъ отраслямъ знанія. Книги эти распространялись въ громадномъ количествѣ не только на Волыни и въ Галиціи, но и въ другихъ областяхъ Польши и Русскаго государства и способствовали утвержденію въ народѣ сознанія, что Почаевскій монастырь, бывшая православная русская святыня, русскимъ и остается, но только находится временно въ плѣну у базиліанъ. Такой именно взглядъ на Почаевскій монастырь, какъ увидимъ ниже, господствовалъ въ простомъ народѣ въ XVIII и началѣ XIX вѣка. Впослѣдствіи, когда Почаевскій монастырь былъ отнятъ у базиліанъ и возвращенъ православнымъ, всѣ принадлежности Почаевской уніатской типографіи были куплены православными у уніатовъ за 12000 руб. и Почаевская Лавра продолжала печатать въ той же типографіи православныя книги. Въ концѣ своего господства

въ Почаевѣ базиліане устроили при типографіи литографію—для печатанія картинъ и тисненія иконъ. Отъ этой литографіи до настоящаго времени осталось 176 мѣдныхъ и 18 деревяныхъ гравировальныхъ досокъ съ разными изображеніями (хранятся въ Лаврскомъ древлехранилищѣ). Большинство изъ нихъ имѣютъ своимъ предметомъ Почаевскій монастырь въ его исторіи и достопримѣчательностяхъ. Но есть и общаго (даже не религіознаго) характера,—напр. виды Константинополя и Іерусалима въ современномъ положеніи. Многія изъ этихъ гравюръ имѣютъ пояснительныя подписи на славянскомъ или русскомъ языкѣ.

Не менѣе также свѣтлую сторону Почаевской обители въ базиліанскую эпоху составляетъ высокій уровень образованія среди монашествующихъ. Мы видѣли уже, что и православные иноки обители обладали значительнымъ просвѣщеніемъ и что въ концѣ православнаго періода въ библіотекѣ обители находилось много книгъ на разныхъ языкахъ разнообразнаго содержанія. При базиліанахъ образованность среди Почаевской братіи еще болѣе поднялась. Многіе изъ братіи могли свободно читать книги не только на русскомъ и польскомъ языкахъ, но и на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и даже итальянскомъ. И они охотно читали самыя разнообразныя книги на этихъ языкахъ и составляли собственныя библіотеки, а нѣкоторые даже упражнялись въ собственныхъ литературныхъ трудахъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ разныя посвященія въ прозѣ и стихахъ, стихотворныя объясненія гербовъ (вирши) и цѣлыя сочиненія, принадлежащія Почаевскимъ базиліанамъ и напечатанныя въ Почаевской типографіи. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій чисто научнаго характера. О состояніи просвѣщенія въ Почаевскомъ монастырѣ при базиліанахъ лучше всего говоритъ богатство монастырской библіотеки въ то время. Когда Почаевская Лавра была отнята у базиліанъ и передана православнымъ, то въ библіотекѣ ея было принято разныхъ книгъ на русскомъ, польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ до 2000 томовъ; кромѣ того 2400 книгъ на польскомъ языкѣ, по распоряженію высшей власти,

были переданы Кременецкому лицею. Между прочимъ въ библіотекѣ Лавры и доселѣ хранится нѣсколько десятковъ объемистыхъ, прекрасно переписанныхъ и переплетенныхъ, тетрадей—записокъ, заключающихъ въ себѣ лекціи Львовскихъ профессоровъ по всевозможнымъ отраслямъ знанія на латинскомъ языкѣ. При всемъ томъ у отдѣльныхъ лицъ изъ братіи, были еще, какъ мы сказали, собственныя библіотеки. Когда, по возвращеніи Лавры православнымъ, базиліане были размѣщены по другимъ уніатскимъ монастырямъ,—они захватили съ собою и принадлежавшія имъ книги. Изъ дѣла дух. собора Почаевской Лавры № $\frac{88}{1943}$ видно, что нѣсколько монаховъ—базиліанъ не успѣли захватить съ собою своихъ вещей и книгъ и послѣднія, найденныя въ ихъ кельяхъ, оставались въ Лаврѣ до 1835 года. Въ 1835 году Епископъ Волынскій и Житомирскій и Священно-Архимандритъ Лавры Иннокентій, отношеніемъ отъ 6 ноября, предписалъ Духовному собору представить ему мнѣніе, куда дѣвать эти вещи и книги, принадлежащія частнымъ лицамъ—базиліанамъ, а не монастырю. Духовный соборъ, съ разрѣшенія еп. Иннокентія, обратился въ греко-уніатскую консисторію съ просьбою прислать какое либо лицо для принятія всѣхъ этихъ вещей и книгъ, въ противномъ случаѣ, если таковыя повредятся или утратятся, писалъ соборъ, то Лавра отвѣчать за это не будетъ. Въ то же время библіотекарю Лавры іеромонаху магистру Евгенію и іеромонахамъ Іусту и Сергію Соборъ предписалъ составить реестръ всѣхъ вещей и книгъ, оставленныхъ базиліанами въ сундукахъ. Послѣдними, въ присутствіи Засѣдателя Кременецкаго земскаго суда Метельскаго, былъ составленъ обстоятельный списокъ вещей и книгъ, которыя, по указанію Литовской консисторіи, и были сданы настоятелю Кременецкаго базиліанскаго монастыря іеромонаху Клименту Гриневецкому. Книгъ этихъ оказалось: 1) латинскихъ и греческихъ: а) по богословію 56, б) философскихъ—6, в) по словесности и реторикѣ—28, г) по математикѣ—2, д) историческихъ 17 и е) по языкознанію—18; 2) русскихъ 109; 3) французскихъ 29; 4) польскихъ—по богословію, философіи, словесности, исторіи, географіи, языко-

знанію, правовѣдѣнію и художествамъ—326; 5) польскихъ журналовъ за разные годы—27; 6) календарей—11; 7) нѣмецкихъ книгъ—5; 8) рукописныхъ польскихъ—9. Кромѣ того впослѣдствіи найдено еще было въ холстяномъ магазинѣ и потому не попавшихъ въ вышеуказанный каталогъ и не сданныхъ Гриневецкому книгъ: русскихъ—14, польскихъ—39, латинскихъ—3 и греческихъ—1.

Высокому уровню образованія Почаевскихъ базиліанъ способствовалъ новиціатъ или особая школа для воспитанія новиціушовъ (послушниковъ), которые, по окончаніи образованія, принимали монашество и поступали въ число братіи Почаевской. Такъ какъ Почаевскій монастырь при базиліанахъ обладалъ большими средствами, то обученіе въ новиціатѣ Почаевскомъ было поставлено на широкую ногу. Съ 1792 года изъ Почаевскаго новиціата, какъ болѣе извѣстнаго по успѣхамъ своихъ воспитанниковъ, стали ежегодно высылать по четыре лучшихъ новиціуша въ папскую академію, состоявшую тогда при Виленскомъ университетѣ, для дальнѣйшаго образованія и слушанія философскихъ и богословскихъ наукъ, съ тѣмъ чтобы по окончаніи здѣсь курса они снова возвращались въ свой монастырь для занятія въ немъ высшихъ іерархическихъ должностей. Внѣшняя просвѣтительная дѣятельность Почаевскихъ базиліанъ сказалась также въ открытіи при монастырѣ свѣтскаго училища—«окружного» или «повѣтоваго» (уѣзднаго); въ немъ получали воспитаніе дѣти не только изъ разныхъ уѣздовъ Волыни, но и изъ сосѣднихъ областей царства польскаго. Къ сожалѣнію, новиціатъ и повѣтовое училище сдѣлались проводниками латино-польской пропаганды и привели Почаевскій монастырь къ тому, что эта искони русская по духу и православная обитель, съ присоединеніемъ Волыни къ Россіи, стала враждебною православію и русской народности и что въ то время, какъ весь Волынскій народъ самъ собою возвратился въ лоно православной церкви, для Почаевской обители потребовались насильственныя мѣры къ возсоединенію. Остается только радоваться, что вліяніе этихъ базиліанскихъ полу-католическихъ школъ простиралось главнымъ

образомъ на средній и высшій классы окрестнаго населенія и что простой народъ, массами посѣщавшій Почаевскую обитель ради ея древнихъ православныхъ святынь, оставался совершенно чуждымъ латино-польскихъ ложно-патріотическихъ тенденцій.

Итакъ, подводя итоги вѣковому господству на горѣ Почаевской базиліанъ, мы должны сказать, что и въ этотъ базиліанскій періодъ Почаевская обитель не теряла своего общественнаго значенія, какъ религіознаго центра для православнаго населенія Волыни и Галичины. И мы имѣемъ достаточно основаній утверждать, что вліяніе Почаева въ эпоху уніи на православное русское населеніе юго-западнаго края было благотворное. Простой народъ, насильственно вовлеченный въ унію и отягчаемый жестокою крѣпостною зависимостью отъ помѣщиковъ поляковъ или окатоличенныхъ и ополяченныхъ русскихъ, искалъ для себя утѣшенія въ вѣрѣ и находилъ его въ поклоненіи извѣстнымъ православнымъ святынямъ; а для населенія Волыни и Галичины такою святынею, ближайшею по мѣсту и болѣе родною, была Почаевская святая обитель. Сюда къ большимъ весеннимъ и осеннимъ праздникамъ ежегодно собирались на поклоненіе громадныя толпы православнаго люда и уходили отсюда утѣшенными и подкрѣпленными на новые труды. Извѣстность Почаевской обители и въ этотъ періодъ простиралась далеко за предѣлы юго-западнаго края и доходила до окраинъ Россіи. Въ числѣ паломниковъ горы Почаевской въ этотъ періодъ мы встрѣчаемъ православныхъ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ изъ центральныхъ русскихъ губерній. Среди пѣшеходокъ—крестьянокъ иногда попадается въ качествѣ богомолки и благочестивая дѣвица «изъ столичнаго города Москвы» и православная попадья (см. напр. дѣло № 1708). Многіе изъ поклонниковъ Кіево-Печерской Лавры старались посѣтить и Почаевскую обитель и изъ Кіева направлялись прямо въ Почаевъ. Правда, православный человѣкъ встрѣчалъ здѣсь чуждую ему уніатскую—полукатолическую обстановку и уніатскую обрядность. Но не задаваясь богословскими тонкостями относительно вѣроисповѣдныхъ разностей, онъ естественнымъ чувствомъ умѣлъ отличать зерно

православія отъ привносной оболочки и въ Почаевскомъ монастырѣ продолжалъ по прежнему видѣть православную обитель, насильно захваченную уніатами. Посѣщая Почаевскій монастырь, православный русскій человѣкъ искалъ въ немъ не тѣхъ, которые жили въ этомъ монастырѣ, а древнихъ православныхъ святынь, которыя не измѣнились отъ того, что находились въ это время въ рукахъ не вполнѣ православныхъ. Цѣлію его паломничества въ Почаевъ была Божія Матерь Почаевская, Цѣльбоносная стопа и нетлѣнныя мощи великаго подвижника преп. Іова, которыя хотя и не были выставлены для публичнаго поклоненія, но не были и спрятаны подъ спудъ, а находились въ пещерной церкви—въ той самой пещерѣ, гдѣ преподобный подвизался при жизни. И если въ настоящее время мы видимъ, что простой русскій мужичекъ предпринимаетъ отдаленное трудное путешествіе по образу пѣшаго хожденія въ страну иновѣрную и иноязычную—Италію,—въ Баръ-градъ, чтобы тамъ поклониться нетлѣннымъ мощамъ великаго поборника православія Святителя и Чудотворца Николая, если его не удерживаетъ отъ этого паломничества ни матеріальная скудость, ни незнаніе иностранныхъ языковъ, ни то обстоятельство, что мощи св. Николая находятся въ рукахъ католиковъ и притомъ настоящихъ латинянъ,— то что могло удерживать его отъ посѣщенія Почаевскихъ святынь, русскихъ и находившихся въ русскомъ краѣ. Сюда ходили его дѣды и прадѣды, сюда самъ онъ ходилъ со своими отцами, а потомъ и дѣтей своихъ училъ ходить сюда на поклоненіе и на богомолье. Для многихъ православныхъ въ базиліанскую эпоху, какъ и теперь, посѣщеніе Почаева было постоянною потребностью души, удовлетворять которой они старались ежегодно. Доказательствъ сказаннаго мы можемъ найти не мало и въ базиліанскихъ источникахъ—писанныхъ и печатныхъ—и въ позднѣйшихъ православныхъ. Остановимся нѣсколько на одномъ изъ послѣднихъ.

Въ архивѣ Почаевской Лавры сохранилось характерное дѣло «о распространеніи нелѣпыхъ слуховъ на счетъ Почаевской обители» [1]. Начато дѣло 28 мая

[1] Дѣло № $^{123}/_{1708}$.

1832 года, а кончено 28 іюня того же года,— слѣдовательно возникло спустя 7 мѣсяцевъ послѣ принятія Почаевской обители въ вѣдомство православное. Сущность дѣла состоитъ въ слѣдующемъ. До свѣдѣнія Духовнаго Собора Почаевской Лавры дошло, что католики и уніаты останавливали на дорогѣ идущихъ изъ разныхъ мѣстъ въ Почаевскую Лавру на поклоненіе богомольцевъ и смущали ихъ разсѣеваемыми ложными слухами, будто Почаевская обитель лишилась уже своей прежней благолѣпной святости и будто чудотворная икона ушла за границу къ базиліанамъ, не полюбивши православныхъ, и потому убѣждали богомольцевъ возвращаться назадъ, говоря. что безполезно уже ходить въ Почаевъ на поклоненіе. Поэтому Духовный Соборъ, усматривая изъ сего, что «таково католицкое дерзкое злонамѣреніе не для одной только Почаевской святой обители можетъ служить вредомъ, но и для цѣлой Всероссійской господствующей вѣры явнымъ поруганіемъ»,—по повелѣнію Епископа Волынскаго и Житомирскаго Иннокентія, просилъ Засѣдателя Кременецкаго земскаго суда поручика Сонцова, дабы онъ, для большей по сему предмету достовѣрности, благоволилъ разспросить многихъ изъ приходящихъ въ Лавру богомольцевъ и, по взятіи отъ нихъ обстоятельныхъ показаній, прислалъ таковыя въ Соборъ для надлежащаго разсмотрѣнія и доклада Преосвященному Иннокентію. На основаніи этого отношенія Сонцовъ 28 и 29 мая и 1 и 2 іюня 1832 года снялъ съ нѣкоторыхъ богомольцевъ въ Почаевѣ и на обратномъ ихъ пути показанія, которыя и представилъ въ Духовный Соборъ съ собственнымъ объясненіемъ причинъ и источника происхожденія этихъ нелѣпыхъ слуховъ. Не вдаваясь въ подробности, мы коснемся вкратцѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ показаній, насколько они соотвѣтствуютъ нашей задачѣ; при чемъ въ изложеніи ихъ будемъ по возможности придерживаться подлинника.

28 мая 1832 года крестьянинъ с. Верхова Острожскаго уѣзда Григорій Сикидонъ, 78 лѣтъ отъ роду, явившись добровольно къ засѣдателю Сонцову, показалъ, что *онъ издавна имѣлъ обыкновеніе ходить въ Почаевъ для поклоненія Божіей Матери, предъ Ея Чудотворною*

Иконою, почему и въ этомъ году пошелъ сюда для этой цѣли съ 11-ю другими крестьянами и крестьянками того же села и другихъ селъ. Выйдя изъ дому съ душевною радостью, потому что, будучи *православнаго исповѣданія,* зналъ, что и въ Почаевѣ это исповѣданіе «возсуществовало» и что духовенство совершаетъ тамъ богослуженіе на русскомъ языкѣ, которое всякому можно понимать,—онъ «на пути отъ разныхъ незнакомыхъ лицъ былъ подстрекаемъ несправедливыми молвами, чтобъ поколебать въ немъ предположенное намѣреніе быть въ Почаевѣ». Почти всякій, кто ни встрѣчался съ нимъ и его товарищами на пути, узнавши, что они идутъ въ Почаевъ, совѣтовалъ имъ возвращаться назадъ, говоря, что туда теперь незачѣмъ идти; «теперь икона Божія Матери—та, которая чудами ознаменована и была за базиліанъ, не полюбивъ православныхъ, перешла въ Австрію. Благолѣпія нѣтъ никакого, ибо какое ни было богатство, все забрато православными въ свою пользу»... Этимъ разсказамъ показатель Сикидонъ не только не повѣрилъ самъ, но и сотоварищамъ своимъ, которые нѣсколько повѣрили имъ, совѣтовалъ невѣрить и уговорилъ ихъ непремѣнно продолжать путь и собственными глазами разсмотрѣть все. Прійдя въ Почаевъ, показатель нашелъ въ Лаврѣ все такъ, какъ думалъ, именно: что «все совершенно въ полной мѣрѣ, такъ что еще благолѣпнѣе теперь, чѣмъ прежде, и повсему гораздо пріятнѣе».

На другой день, 29 мая, въ присутствіи Засѣдателя Сонцова были допрошены жена состоявшаго на службѣ въ Лейбъ-Гвардіи Уланскомъ полку рядового Кирилла Прасоленко Зиновія и нѣсколько крестьянъ селъ: Ступна Дубенскаго у. и Мякотъ Острожск. у., а также жители разныхъ другихъ мѣстъ. Зиновія Прасоленко добровольно показала, что 26 мая, идя въ Почаевъ *для поклоненія чудотворной Почаевской иконѣ Божіей Матери* и не доходя до села Поляховой Острожск. у., она зашла въ стоящую на тракту каменную корчму для покупки себѣ пищи. Здѣсь хозяйка—шинкарка, одѣтая по-шляхетски, обратилась къ показательницѣ: «напрасно ты идешь въ Почаевъ; нѣтъ тамъ того,

что было». На это солдатка отвѣтила ей, что *тамъ есть Божія Матерь,—туда она и пойдетъ.*

Кириллъ Өеодоровъ Свердлюкъ, крестьянинъ села Ступна, показалъ, что онъ, идучи 28 мая въ Почаевъ для поклоненія съ крестьяниномъ того же села Саввою Дмитріевымъ Цвикомъ и другими крестьянами съ ихъ женами, встрѣтилъ на полѣ, между деревней Шепетинымъ и селомъ Бѣлокриницей, неизвѣстнаго человѣка, шедшаго къ Шепетину, одѣтаго по-шляхетски: въ чорномъ сюртукѣ и фуражкѣ. Незнакомецъ, остановивши показателя и его товарищей, спросилъ, куда они идутъ. На отвѣтъ показателя: въ Почаевъ,—незнакомецъ снова спросилъ: «зачѣмъ туда идете»? На это Кириллъ Свердлюкъ отвѣтилъ: *„какъ туда не идти: тамъ Божія Матерь“*. Тогда шляхтичъ сталъ совѣтовать спутникамъ возвратиться назадъ, говоря, что изъ Почаева выгоняютъ.

2 іюня 1832 года тотъ же Засѣдатель Сонцовъ, во время слѣдованія своего по дѣлу службы отъ м. Ямполя къ Катербургу, на пути встрѣтилъ женщину, которая, будучи остановлена и спрошена имъ, объявила, что она—Анна, дочь Петрова, *вдова мѣщанина г. Херсона,* 48 лѣтъ. Когда она шла на поклоненіе въ м. Почаевъ черезъ Подольскую губернію и чрезъ Староконстантиновскій и Кременецкій уѣзды Волынской губерніи, то во многихъ мѣстахъ во время ночлеговъ ея и на пути, а особенно при заходѣ ея въ корчмы для питья воды, польскіе шляхтичи, живущіе въ мѣстечкахъ и селахъ, а также сидѣльцы въ корчмахъ говорили ей и *прочимъ женщинамъ, слѣдовавшимъ съ нею въ Почаевъ изъ Елисаветграда:* «Напрасны ваши труды; въ Почаевѣ нѣтъ ничего; Матерь Божія, не терпя вашихъ монаховъ, ушла за границу за базиліанами и Почаевъ навѣрно будетъ теперь опять базиліанскій. Вы не молоды,—васъ туда не дозволятъ пустить».

4 іюня Сонцовымъ былъ допрошенъ въ Почаевѣ крестьянинъ с. Ворончина Владимірволынскаго уѣзда Леонтій Яковлевъ Швецъ, записанный по ревизіи за помѣщикомъ Крупинскимъ, и добровольно показалъ, что многіе изъ крестьянъ того села, какъ мужчины, такъ и женщины, имѣли твердое намѣреніе идти въ истекшемъ маѣ на поклоненіе въ Почаевъ, но были

удержаны экономомъ Матковскимъ и служителемъ при помѣщичьемъ дворѣ Стадницкимъ. Тогда показатель пошелъ къ приходскому священнику села Ворончина Василію Блонскому и, объявивъ ему о запрещеніи эконома крестьянамъ идти въ Почаевъ на поклоненіе, просилъ написать ему на проходъ туда билетъ. Священникъ написалъ ему 30 мая свидѣтельство, съ каковымъ Швецъ и отправился въ Почаевскую Лавру тайно, чтобы не узналъ экономъ Матковскій. *Прошлое лѣто (1831 года),* говорилъ показатель, *экономія Ворончинская позволяла ходить въ Почаевъ на поклоненіе, а въ семъ году экономъ самъ и чрезъ Стадницкаго запретилъ идти, говоря, что въ Почаевѣ теперь нѣтъ ничего и нѣтъ отпусту.*

Наконецъ 28 іюня того же года Сонцовымъ было допрошено еще нѣсколько лицъ, пришедшихъ въ Почаевъ на поклоненіе. Вотъ показанія нѣкоторыхъ изъ нихъ. *Мѣщанка г. Екатеринослава* вдова Акулина Өедотова Никульшина *60 лѣтъ отъ роду, Греческаго исповѣданія,* показала, что идя изъ Кіева на поклоненіе въ Почаевъ съ *Московской мѣщанской дочерью* Аграфеной Гундаревой, она слыхала отъ шляхтичей въ разныхъ корчмахъ, въ которыя она заходила для отдыха, что въ Почаевѣ нынѣ пусто, что базиліане все забрали съ собой заграницу, равно какъ и икону Божіей Матери. Аграфена Иванова Гундарева, мѣщанка «столичнаго города Москвы», дѣвица, отъ роду 38 лѣтъ, *исповѣданія Греческаго,* во всемъ подтвердила показаніе Никульшиной. Анна Сергѣевна Сергѣева, отъ роду 30 лѣтъ, *исповѣданія Греческаго,* крестьянка иностранца Фанбрита, жителя г. *Тобольска,* показала, что побывавши для поклоненія въ разныхъ мѣстахъ и въ Кіевѣ и направляясь оттуда въ Почаевъ, она въ корчмѣ, стоящей на лѣвой рукѣ за г. Житомиромъ, почти насильно была обращаема домой двумя неизвѣстными шляхтичами, которые ей говорили при этомъ: «не ходи туда: тамъ нѣтъ ничего; всѣ богомольцы, не дойдя до Почаева, возвращаются».

Изъ приведенныхъ показаній мы усматриваемъ, что въ Почаевскую обитель устремляются на поклоненіе Божіей Матери Почаевской лица православнаго «Греческаго» исповѣданія не только изъ разныхъ селъ

Волыни, но и изъ другихъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи: Елисаветграда, Херсона, Екатеринослава, Москвы и даже Тобольска, не зная, что обитель уже отнята у базиліанъ и передана православнымъ. Да въ такое короткое время, при полномъ почти отсутствіи газетъ и публикаціи, эта вѣсть и не могла распространиться по Россіи. Разнести ее могли только сами богомольцы; но со времени передачи Лавры православнымъ, съ поздней осени (православные пріемщики кончили пріемъ монастыря 25 ноября 1831 года) до весны Лавра тогда, какъ и теперь, богомольцами почти совсѣмъ не посѣщалась. Изъ всѣхъ поименованныхъ показателей только одинъ—изъ с. Верхова Острожск. у.—слышалъ, что православіе въ Почаевѣ «возсуществовало»; другіе и того не слышали. Вотъ почему увѣренія шляхтичей встрѣчныхъ, что Божія Матерь оставила Почаевъ и что тамъ теперь вездѣ пусто, заставляютъ многихъ колебаться, продолжать-ли путь; и только совѣты другихъ или собственная рѣшимость и желаніе лично убѣдиться въ этомъ заставляютъ ихъ продолжать путь. Нѣкоторые богомольцы—старики и старухи 60—80 лѣтъ,—по собственному признанію не разъ посѣщавшіе раньше Почаевъ. У нѣкоторыхъ потребность паломничества въ Почаевскій монастырь такъ сильна, что они, не смотря на строгія запрещенія помѣщиковъ, *тайно* уходятъ въ Почаевъ, не боясь опасности подвергнуться строгому наказанію. Что же при безиліанахъ влекло православнаго русскаго человѣка въ Почаевскій монастырь? Его влекли туда не блескъ Почаевскихъ церквей, съ роскошною обстановкой, съ массою золотыхъ и каменныхъ статуй, не пышность богослуженія, съ дорогимъ органомъ и хорошимъ оркестромъ; его влекли туда исключительно православныя святыни. «Какъ туда не идти: тамъ Божія Матерь»—вотъ отвѣтъ православнаго мужичка поляку—католику, отговаривающему идти въ Почаевъ на томъ основаніи, что тамъ теперь нѣтъ благолѣпія и пышности.

Базиліане значительно расширили кругъ богомольцевъ Почаевскаго монастыря, призвавши къ участію въ поклоненіи Почаевскимъ святынямъ и привлекши на гору Почаевскую и католиковъ. Причина

благоговѣйнаго отношенія католиковъ къ Почаевскимъ святынямъ кроется конечно не въ базиліанахъ; причина эта въ томъ, что у православныхъ Почаевскихъ святынь находили помощь и утѣшеніе всѣ съ вѣрою прибѣгавшіе къ нимъ, что благодать Божія чрезъ чудотворный образъ Богоматери изливалась на всѣхъ съ вѣрою и покаяніемъ обращавшихся къ Богоматери, безъ различія вѣры и исповѣданій. Заслуга базиліанъ заключается въ томъ, что они не только не скрыли или не уничтожили православныхъ Почаевскихъ святынь, а открыто признали ихъ и всему міру о томъ повѣдали. Въ этомъ отношеніи предъ нашими глазами возстаетъ величественный образъ графа Потоцкаго, который, будучи природнымъ католикомъ, всѣ свои добытыя потомъ и лишеніями громадныя средства употребилъ на благоукрашеніе православной Почаевской обители, который добился у католической церкви признанія Почаевскаго православнаго образа Богоматери—чудотворнымъ и съ необыкновенной торжественностью публично объявилъ объ этомъ признаніи религіознымъ актомъ коронаціи, который добивался предъ католическою церковью канонизаціи мощей великаго поборника православія и подвижника Почаевскаго преп. Іова, который, наконецъ самъ не поколебался принять греческую вѣру, какъ называютъ польскіе писатели унію. Личностью Потоцкаго начертанъ для Почаевской обители идеалъ, осуществленіе котораго составляетъ задачу обители и въ настоящее время. Со времени базиліанской эпохи православіе и католицизмъ на горѣ Почаевской примиряются въ нераздѣльномъ поклоненіи чудотворному образу Богоматери и цѣльбоносной стопѣ Ея. И какъ во время господства на горѣ Почаевской базиліанъ и католиковъ Почаевскую обитель массами посѣщали православные богомольцы, такъ и до настоящаго времени ее продолжаютъ посѣщать католики. И если бы не воинствующій фанатизмъ католическихъ патеровъ, число паломниковъ горы Почаевской изъ католиковъ было бы весьма велико. Въ настоящее время мы ежегодно можемъ встрѣтить въ Почаевѣ богомольцевъ изъ католиковъ; тоже видимъ и по дѣламъ Почаевскаго архива первыхъ годовъ по принятіи монастыря православными отъ базиліанъ.

Въ вышеприведенномъ дѣлѣ о распространеніи нелѣпыхъ слуховъ на счетъ Почаевской обители мы встрѣчаемъ такой разсказъ. Въ концѣ мая 1832 года шли для поклоненія въ Почаевъ мѣщане г. Староконстантинова Ѳеодоръ Димитріевъ Лозинскій и Гордѣй Шмерицкій съ женою Ириною, крестьянинъ того же уѣзда Василій Тимофеевъ Беличъ и крестьянинъ м. Хмѣльника Подольской губ. Войцѣхъ Лукіановъ Янюкъ. Послѣдній былъ католикъ,—остальные православные. Проходя чрезъ м. Вишневецъ, они остановились тамъ и Янюкъ, узнавши, что въ Почаевскомъ монастырѣ, куда онъ шелъ, католиковъ не исповѣдываютъ, пошелъ въ тамошній Кармелитанскій кляшторъ. Здѣсь онъ обратился къ одному изъ ксендзовъ съ просьбою, чтобы тотъ его исповѣдалъ, и получилъ отъ ксендза такой отвѣтъ: «такъ какъ ты идешь въ Почаевъ, то я тебя—такого католика—не буду исповѣдывать; тамъ пусть тебя исповѣдуютъ». Тѣмъ не менѣе Янюкъ нисколько не смутился такимъ отвѣтомъ и вмѣстѣ съ остальными богомольцами, православными, продолжалъ путь въ Почаевъ, гдѣ добровольно и разсказалъ обо всемъ этомъ Засѣдателю Сонцову.

Итакъ, великая историческая заслуга Почаевской обители въ эпоху господства въ юго-западномъ краѣ уніи и полонизма заключается въ томъ, что она своими древне-православными святынями и благоговѣйнымъ отношеніемъ къ нимъ базиліанъ, а также своими просвѣтительными учрежденіями воспитывала вѣру народную, укрѣпляла его духъ, поддерживала въ немъ коренныя начала православія и русской народности. Коренное населеніе Волыни и Галичины, искони православное, тяготѣя къ Почаеву, какъ къ религіозному центру, подъ благодатнымъ вліяніемъ Почаевскихъ святынь чувствовало себя и въ эпоху уніи православнымъ и русскимъ. Унія не извратила его души, не окатоличила его; введенная насильно и поддерживаемая суровымъ крѣпостнымъ правомъ помѣпомѣщиковъ—католиковъ, она для Волынца и Галичанина оставалась пустымъ звукомъ. Вотъ почему, когда господство поляковъ миновало, когда Волынь перешла къ Россіи, населеніе ея тотчасъ стряхнуло съ себя ненавистное иго уніи; а въ Галиціи, отошед-

шей къ католической Австріи и потому оставшейся въ прежнихъ условіяхъ своего религіознаго существованія, простой народъ и доселѣ считаетъ и называетъ себя православнымъ, русскимъ,—да такой онъ и есть на самомъ дѣлѣ. Въ настоящее время, не смотря на строгость австрійскихъ законовъ, не смотря на тюремныя заключенія, которымъ подвергаются паломники горы Почаевской изъ австрійскихъ подданныхъ, переходящіе границу безъ установленныхъ стѣснительныхъ паспортовъ, мы ежегодно можемъ встрѣтить въ Почаевѣ богомольцевъ изъ австрійскихъ подолянъ —руссиновъ, кровныхъ братьевъ нашихъ подолянъ и волынцевъ. Ни по языку, ни по внѣшнему виду, ни по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ они ничуть не отличаются отъ своихъ русскихъ собратій. Русскими и православными были ихъ предки, русскими и православными считаются и они сами. И если судьба занесетъ ихъ на жительство въ другую страну, хотя бы въ свободомыслящую Америку, они тотчасъ добровольно возвращаются къ вѣрѣ своихъ предковъ. Почаевская обитель манитъ ихъ къ себѣ и своимъ внѣшнимъ благолѣпіемъ, и своимъ торжественнымъ православнымъ богослуженіемъ, и своими православными святынями. Но въ особенности всегда былъ дорогъ и родной Галицкому народу Почаевъ потому, что знаменитый ревнитель православія на горѣ Почаевской и во всемъ Галицко-Волынскомъ краѣ, великій подвижникъ, пребывающій и доселѣ въ Почаевской обители своими нетлѣнными мощами, препод. игуменъ Почаевскій и чудотворецъ *Іовъ* былъ родомъ *Галичанинъ*. Вотъ почему Галиційскіе Руссины чувствовали всегда особенное тяготѣніе къ Почаеву и потому не только въ эпоху владычества поляковъ и господства уніи въ этомъ краѣ, но и до недавняго времени, когда переходъ черезъ границу не былъ такъ стѣсненъ, въ Почаевѣ постоянно можно было встрѣтить массы богомольцевъ изъ Галичанъ.

Если мы сравнимъ уніатскій періодъ въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ, то увидимъ, что въ послѣднемъ унія была упорнѣе, продолжалась долѣе и отразилась гораздо сильнѣе на религіозно-нравственномъ состояніи православнаго населенія сѣверо-запад-

наго края. Въ то время какъ въ юго-западномъ краѣ унія прошла почти безслѣдно и прекратилась вмѣстѣ съ прекращеніемъ въ краѣ владычества поляковъ, въ Литовской и сосѣднихъ епархіяхъ, искони православныхъ, унія продолжалась до шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія и послѣ этого еще надолго оставила въ православномъ населеніи сильные слѣды уніатства, католичества и полонизма. Такъ, по свидѣтельству церковныхъ писателей, въ Литовской епархіи даже въ началѣ семидесятыхъ годовъ лишь весьма немногіе изъ православныхъ прихожанъ имѣли правильное понятіе о догматахъ вѣры и сознательно разумѣли православное богослуженіе; не всѣ правильно осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, не всѣ правильно произносили молитвы, а нѣкоторые читали ихъ на польскомъ языкѣ, продолжали поститься въ субботу и уважать католическіе праздники. Въ нѣкоторыхъ приходахъ новоприсоединившіеся къ православію тайно исповѣдывались и причащались у ксендзовъ, многіе года по два и болѣе не крестили своихъ дѣтей у священниковъ. Были даже такія мѣста, гдѣ православные охотно шли въ костелъ, а въ своихъ церквахъ чувствовали себя какъ бы посторонними и не имѣли довѣрія къ священникамъ. Тоже замѣчалось и въ другихъ сосѣднихъ епархіяхъ [1]). Ничего подобнаго мы не видимъ въ жизни православныхъ юго-западнаго края не только по возсоединеніи ихъ съ православною церковью, но даже и въ эпоху уніи. Конечно, въ данномъ случаѣ играли видную роль многія другія историческія условія народнаго быта, но не малое значеніе въ этомъ отношеніи имѣли православные религіозные центры края: Кіево-Печерская Лавра и Почаевскій монастырь, всегда бывшіе носителями идеи православія и русской народности.

---

1) См. о религіозно-нравственномъ состояніи православнаго населенія въ сѣверо-западномъ краѣ въ Моск. Церк. Вѣдомостяхъ за 1898 г. № 38.

III.

Итакъ, важность и значеніе Почаевской обители въ исторической жизни населенія юго-западнаго края не подвергается сомнѣнію и въ настоящее время не отвергается никѣмъ. Является вопросъ: играетъ ли Почаевская Лавра какую нибудь роль въ жизни народа и въ настоящее время, или ей суждено теперь жить только историческими воспоминаніями и прошедшею славою, какъ это выпало на долю многихъ другихъ, нѣкогда славныхъ, православныхъ обителей? Самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить слѣдующее явленіе. Ежегодно мы наблюдаемъ, что Почаевскую Лавру посѣщаютъ десятки и сотни тысячъ богомольцевъ изъ разныхъ, иногда самыхъ отдаленныхъ, мѣстъ Россіи и даже заграницы, разнообразныхъ классовъ и вѣръ; здѣсь мы встрѣчаемъ и православныхъ, и католиковъ, и протестантовъ, и даже ищущихъ духовнаго обновленія іудеевъ; здѣсь мы встрѣчаемъ разнообразные типы, говоры и національныя одѣянія. Но большинство паломниковъ горы Почаевской составляетъ простой сѣрый людъ изъ малороссовъ и галицкихъ руссинъ. Съ каждымъ годомъ число богомольцевъ въ Почаевской Лаврѣ увеличивается. Что же влечетъ ихъ сюда, на гору Почаевскую, въ такомъ количествѣ, какого не видитъ ни одинъ монастырь юго-западной Руси, за исключеніемъ Кіево-Печерской Лавры? Влечетъ ихъ сюда вѣра въ чудодѣйственную силу Почаевскихъ святынь, влечетъ дивная, величественная красота обители, высоко превознесенной надъ доломъ земнымъ, влечетъ чудное, умилительное православное богослуженіе, влечетъ, наконецъ, идеальный образъ великаго подвижника Почаевскаго, поборника русской правды.

Кому привелось неоднократно побывать въ Почаевской Лаврѣ во время стеченія туда богомольцевъ, тому не могло не броситься въ глаза то обстоятельство, что простой народъ тяготѣетъ не столько къ большой прекрасной соборной церкви, гдѣ обыкновенно пребываетъ чудотворный Почаевскій образъ Богоматери и гдѣ находится цѣльбоносная стопа Ея, сколько къ сравнительно скромной церкви Пещерной,

гдѣ находятся мощи преп. Іова. И это не потому, чтобы народъ мощи преп. Іова чтилъ предпочтительно предъ чудотворной иконой и цѣльбоносной стопой. Нѣтъ; для поклонниковъ горы Почаевской нѣтъ святыни выше, какъ чудотворная икона и стопа Богоматери съ истекающей отъ нея святой водой. Но роскошная архитектура Успенской церкви, поражая простой народъ своимъ величіемъ и красотой, кажется ему чѣмъ то чуждымъ, непонятнымъ его духу. Напротивъ, пещерная церковь всѣмъ напоминаетъ ему высокое, святое, подвижническое. Эта дивная, таинственная пещера, не руками человѣческими выдолбленная, но самою природою образованная въ каменной скалѣ и служившая долгое время мѣстомъ уединенныхъ подвиговъ для преп. Іова, эти нетлѣнныя мощи великаго подвижника, почивающіе тутъ же подъ сводами сѣрой скалы—все это производитъ на душу всякаго человѣка, а въ особенности простолюдина, необыкновенное впечатлѣніе, оживляя его нравственное чувство и поднимая его духъ выше привычнаго уровня.

Трудно жить простолюдину въ міру. Постоянныя житейскія заботы и мелочи, нравственная грязь, окружающая его, осуждаютъ жизнь его на прозябаніе. Но душа человѣка на это прозябаніе не сдается: она стремится къ нравственному усовершенствованію; ей хочется высокаго, святого; она не желаетъ покоряться окружающей средѣ, а напротивъ, хочетъ возвыситься надъ ней и управлять ею своею нравственною силою. Но одного желанія еще мало: нужно убѣдиться, что желаемое достижимо. И вотъ здѣсь-то особенно и дороги примѣры подвижничества иноковъ. Подвижничество явно доказываетъ, чего можетъ достигнуть человѣкъ силою своего духа, насколько онъ можетъ быть господиномъ внѣшнихъ условій. Въ самомъ дѣлѣ, съ дѣтства отказаться отъ всѣхъ удовольствій жизни, принять на 12-мъ году, какъ преп. Іовъ, постригъ въ монашество и затѣмъ въ теченіе почти 90 лѣтъ быть образцомъ постояннаго преуспѣянія въ добродѣтеляхъ, быть какъ бы ангеломъ между братіей, служа для всѣхъ примѣромъ постояннаго трудолюбія, смиренія, кротости, незлобія, непрестаннаго упражненія въ молитвѣ и молчальничества, цѣлые дни, а

иногда и седмицы проводить въ тѣсной сырой пещерѣ въ колѣнопреклоненной молитвѣ о мірѣ и церкви, не вкушая никакой пищи, за исключеніемъ развѣ просфоры и воды, при томъ въ пещерѣ безъ оконъ и дверей, а съ однимъ отверстіемъ, чрезъ которое можно пролѣзть только человѣку весьма тощаго тѣлосложенія,—измождать свою плоть до того, что тѣло подвергалось гніенію и отпадало отъ костей,—это уже большее и высшее окружающей среды, это уже проявленіе необыкновенной нравственной мощи. Такіе подвиги ясно говорятъ намъ, что человѣкъ—не рабъ, а господинъ среды, и если онъ дѣлается ея рабомъ, то самъ виновенъ въ этомъ рабствѣ. Вотъ что влечетъ паломника горы Почаевской въ Пещерную церковь, къ пещерѣ и мощамъ преп. Іова. Здѣсь простой народъ видитъ осуществленіе своихъ лучшихъ, благороднѣйшихъ стремленій. Кланяясь подвижнику, народъ кланяется своей святынѣ, своему идеалу, и не только кланяется, но и воспламеняется новою силою къ его выполненію. Такимъ образомъ обезсилѣвшій въ борьбѣ съ житейскими невзгодами человѣкъ, послѣ посѣщенія Почаевской обители, воспламеняется къ новой борьбѣ съ ними, увидѣвши другого человѣка, побѣдившаго эти невзгоды. Этотъ примѣръ, взятый изъ самой жизни, притомъ изъ жизни малорусскаго народа, дѣйствуетъ на него сильнѣе самой краснорѣчивой проповѣди.

Но если имя великаго подвижника и чудотворца преп. Іова дорого для православнаго жителя юго-западнаго края и въ особенности для Волынца, а также для православнаго Руссина, доселѣ страдающаго подъ бременемъ уніи и справедливо видящаго въ преподобномъ своего родного защитника и покровителя, то еще болѣе дороги сердцу его, да не его только, а и каждаго православнаго прочія Почаевскія святыни. Что влечетъ сюда жителя сѣверной, средней и южной Россіи, Кавказа, Сибири? Его влечетъ сюда не свѣтлый образъ великаго подвижника и борца за вѣру игумена Почаевскаго преп. Іова,—у него есть свои подвижники, покровители и молитвенники. Влечетъ его на гору Почаевскую святая вѣра въ чудесную помощь и заступленіе великой Защитницы и Покровительницы Почаевской обители Пресвятой Богородицы,

проявляющей Свою благодатную силу чрезъ чудотворный образъ свой, или чрезъ святую воду въ цѣльбоносной стопѣ своей; влечетъ его искреннее желаніе излить въ молитвѣ предъ чудотворнымъ образомъ Почаевскимъ свои радости и скорби и получить утѣшеніе, облегченіе, ободреніе. И эта святая вѣра не остается постыжденною и посрамленною; эта горячая молитва не остается неуслышанною. Ежегодно въ Духовномъ Соборѣ Почаевской Лавры получаются съ разныхъ концовъ Россіи засвидѣтельствованія о чудесной помощи и благодатныхъ исцѣленіяхъ отъ чудотворнаго Почаевскаго образа или отъ святой воды изъ цѣльбоносной стопы Богоматери. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ настоящее время едва ли есть уголокъ въ Россіи, гдѣ бы не было копіи съ Почаевской чудотворной иконы Богоматери или пузырка со святой водой изъ стопы Ея. Но вліяніе Почаевской обители съ этой стороны не ограничивается однимъ православнымъ русскимъ народомъ; на самомъ дѣлѣ оно гораздо шире. Историческое прошлое Почаевскаго монастыря и южно-славянское происхожденіе Почаевской чудотворной иконы указали Почаевской обители большую сферу дѣятельности и болѣе широкія задачи, которыя она въ настоящее время выполняетъ съ надлежащимъ успѣхомъ. Благоговѣніе, которымъ проникся къ Почаевской иконѣ со времени уніатской эпохи католическій міръ, благодаря чудесамъ, совершавшимся и надъ инославными, дѣлаетъ Почаевскую обитель святынею не только для православныхъ, но и для католиковъ. И подобно тому, какъ во время господства на горѣ Почаевской уніатовъ и католиковъ Почаевскую обитель, вмѣстѣ съ католиками и уніатами, во множествѣ посѣщали и вѣрные сыны православной церкви, такъ въ настоящее время Матерь Божія влечетъ подъ сѣнь своей Почаевской святыни не только православныхъ, но и поляковъ-католиковъ и даже жителей заграницы. Всемилостивая и Благая—Она равно помогаетъ и православнымъ, и уніатамъ, и римско-католикамъ и даже протестантамъ; никому не отказываетъ Она въ своей Материнской помощи, кто только обращается къ ней съ несомнѣнною вѣрою. съ глубокимъ упованіемъ, со вздохомъ сердечнаго покаянія и

умиленія; всѣмъ прибѣгающимъ подъ ея покровъ подаетъ Она помощь и утѣшеніе, привлекая ихъ на святую гору свою. Въ настоящее время богомольцы въ Почаевской Лаврѣ не только изъ уніатовъ (заграничныхъ Руссинъ), но и изъ католиковъ-поляковъ—явленіе самое заурядное. Если вамъ, читатель, придется нѣсколько разъ побывать въ Почаевской Лаврѣ весною, лѣтомъ или осенью, посѣщайте Успенскую церковь, когда тамъ служатся акаѳисты предъ чудотворнымъ образомъ Богоматери. Вамъ представится умилительная картина. Передъ спущенною иконою—довольно большая кучка богомольцевъ: тутъ вы увидите и фигуры сановниковъ, и мундиры офицеровъ или чиновниковъ, и православнаго священника, и просто интелдигентныхъ людей, и русскаго купца или купчиху. Одни смиренно стоятъ на колѣняхъ, другіе стоятъ сосредоточенно, не двигаясь и даже не крестясь, третьи истово кладутъ поклоны. Іеромонахъ съ чувствомъ, выразительно молится, поминая имена по запискамъ, которыя ему иногда тутъ же подставляютъ окружающіе его богомольцы. Въ числѣ поминаемыхъ именъ вы нерѣдко можете услышать имена, непривычныя для православнаго русскаго слуха и не упоминаемыя обыкновенно въ православныхъ церквахъ: Станислава, Францишка, Адольфа, Карла и т. п. Откуда здѣсь эти католическія и протестантскія имена? Если это для васъ будетъ загадкою, то всмотритесь въ кучку богомольцевъ и загадка вамъ разъяснится: въ числѣ молящихся вы увидите лицъ не крестящихся, но стоящихъ неподвижно и съ необыкновеннымъ благоговѣніемъ, или же крестящихся, но не по православному, а по католически. Эти молящіеся—протестанты и католики. Они не только сами молятся предъ чудотворнымъ Почаевскимъ образомъ, но и призываютъ православную церковь къ молитвѣ за ихъ родныхъ и близкихъ. Намъ лично извѣстны интелигентныя, вполнѣ образованныя и богатыя протестантскія семьи, которыя ежегодно совершаютъ поѣздки въ Почаевъ для поклоненія Почаевскимъ святынямъ. Въ ихъ домахъ рядомъ съ изображеніемъ креста Христова помѣщаются копіи чудотворной иконы Почаевской Богоматери, которую они чтутъ съ необыкновеннымъ благоговѣніемъ.

Наглядное доказательство благоговѣйнаго чествованія Почаевской иконы со стороны иновѣрцевъ представили поучительныя торжества послѣдняго времени: празднованіе девятисотлѣтія епископской каѳедры на Волыни въ г. Владиміръ-Волынскѣ въ 1892 году и освященіе вновь—учрежденнаго Житомирскаго Богоявленскаго монастыря въ м. октябрѣ 1898 года. Въ празднествахъ этихъ приняла участіе и самая дорогая Почаевская святыня—Чудотворная икона Богоматери, шествіемъ Которой изъ Почаевской Лавры и открылись самыя торжества. Эти трогательныя и умилительныя шествія «Святой» изъ Почаева въ 1892 году въ г. Владиміръ-Волынскъ, а въ 1898 году въ г. Житоміръ и обратно, напоминавшія собою побѣдныя шествія Царицы, но не земной, а Небесной, соединили въ нераздѣльномъ чувствѣ благоговѣнія къ ней людей разныхъ сословій, званій и вѣроисповѣданій. Кромѣ массы православныхъ въ этомъ торжественномъ шествіи иконы принимали участіе католики и протестанты; а когда въ 1892 году крестный ходъ направился во Владиміръ мимо Австрійской границы, то къ участію въ немъ и во Владимірскихъ торжествахъ изъ-заграницы прибыло множество галичанъ-уніатовъ. Вся эта разновѣрная и разноязычная масса сливалась въ нераздѣльное цѣлое въ одномъ молитвенномъ и благодатномъ настроеніи; всѣхъ этихъ людей религіозное чувство соединяло въ одну христіанскую семью. Въ порывѣ религіознаго восторга вѣроисповѣдная разность забывалась, и иновѣрцы съ неменьшимъ, какъ и православные, рвеніемъ спѣшили къ чудотворному образу Богоматери, чтобы приложиться къ нему и понести его вмѣстѣ съ другими, а если этого нельзя было сдѣлать, то по крайней мѣрѣ хоть прикоснуться къ носилкамъ съ кіотомъ.

Эти знаменательныя торжества наглядно показали, какое важное значеніе имѣетъ Почаевская Лавра въ дѣлѣ религіознаго воздѣйствія на православный русскій народъ и какую важную роль можетъ играть она въ религіозной жизни славянъ—сосѣдей не исключая и католиковъ. Возможность этого вліянія опредѣляется географическимъ положеніемъ Почаевской обители и характеромъ главной ея святыни. Въ настоящее время

вслѣдствіе политическихъ и экономическихъ условій своего быта встрепенулись славяне разныхъ странъ и наименованій. Заговорило чувство племеннаго родства и сознаніе того, что нѣкогда всѣ славяне были просвѣщены по обряду греческой православной церкви одними первоучителями славянскими святыми Кирилломъ и Меѳодіемъ или ихъ учениками. Нынѣ взоры всѣхъ славянъ устремлены съ вѣрою и упованіемъ на нашу Православную Русь; отъ нея одной ждутъ избавленія въ нынѣшнюю годину тяжелыхъ политическихъ испытаній. Не говоримъ о католикахъ—чехахъ,—даже поляки, самые непримиримые враги православія и всеславянской идеи—и тѣ въ последнее время вступили на вѣрный путь примиренія и сближенія со всѣмъ славянствомъ. Но полнаго сближенія можно достигнуть только на почвѣ религіи. Истинность православія, какъ церкви апостольской, неповрежденной никакими измышленіями суетнаго человѣческаго ума, въ настоящее время сознается даже благомыслящими католиками и протестантами. Старокатолицизмъ, стремящійся возстановить древнее неповрежденное христіанство, сохранившееся въ православной церкви, и находящій все болѣе и болѣе послѣдователей не только среди католиковъ и въ англиканской церкви, но и въ протестантской, представляетъ явленіе довольно знаменательное. Въ настоящее время православная русская церковь привлекаетъ къ себѣ взоры и всѣхъ мыслящихъ истинныхъ христіанъ Западной Европы. Почаевская Лавра, расположенная на рубежѣ земли русской съ Западной Европой, призвана служить звеномъ духовнаго единенія между всѣми народами Европы и, главнымъ образомъ, между единоплеменными и нѣкогда единовѣрными братьями нашими. Видимая съ Почаевскихъ высотъ далеко заграницу даже для невооруженнаго глаза, какъ бы висящая въ воздухѣ, она манитъ ихъ къ себѣ своими золотыми главами, своимъ трогательнымъ богослуженіемъ и своими святынями. Чудотворная икона Почаевская, южно-славянскаго происхожденія, святыня равно общая какъ намъ русскимъ, и нашимъ православнымъ единоплеменникамъ, такъ и уніатамъ и латинянамъ, и притомъ не только въ Россіи, но и за-

границей, служитъ путеводною звѣздой къ тому благодатному единенію, о которомъ постоянно молитъ святая православная церковь и къ которому теперь стремятся и сами славяне. Задатки этого единенія кроются въ молитвенномъ общеніи славянъ на горѣ Почаевской и ежегодно проявляются въ присоединеніи въ Почаевской обители къ лону православной церкви чеховъ и поляковъ-католиковъ и галицкихъ уніатъ. Правда, случаи этого присоединенія пока единичны, хотя повторяются ежегодно. Но кто знаетъ, быть можетъ не далеко время, когда свѣтъ православія отъ Почаевской обители распространится далеко за предѣлы Русскаго царства, туда, гдѣ отъ лѣтъ древнихъ слышится родная намъ рѣчь.

Итакъ, значеніе Почаевской Лавры, какъ религіозно-просвѣтительнаго центра, несомнѣнно. Стоитъ хоть разъ побывать въ Лаврѣ, чтобы убѣдиться, какое неотразимое впечатлѣніе на богомольцевъ производитъ она и своимъ чуднымъ положеніемъ, и своею роскошною архитектурою, и стройнымъ прочувствованнымъ богослуженіемъ и своими святынями. Вотъ, напр., картины, которыя постоянно приходится наблюдать въ Почаевской Лаврѣ. Лѣто. Сумерки. Всенощная только что кончилась и богомольцы, въ послѣдній разъ помолившись передъ соборомъ, разбрелись. Кругомъ торжественная тишина и вѣетъ какимъ то особеннымъ миромъ. А на террасѣ, предъ лицевой стороной собора и предъ изображеніемъ Спасителя на правомъ крылѣ братскаго корпуса, точно фантастическія привидѣнія, долго еще и горячо молятся окутанныя полумракомъ колѣнопреклоненныя фигуры.... Или другая картина: кончился акаѳистъ Богоматери. Въ ушахъ еще раздаются трогательныя слова молитвъ и звуки прочувствованнаго стройнаго пѣнія. Начинаютъ прикладываться къ чудотворному образу; подходятъ медленно, чинно. Среди глубокаго молчанія кто-то тяжко вздохнулъ. По окружающимъ пробѣжала точно электрическая искра и на глазахъ у многихъ показываются слезы.... Кто способенъ такъ искренно и всецѣло отдаваться молитвѣ, кто испускаетъ вздохи сердечнаго раскаянія, тотъ не можетъ намѣренно быть дурнымъ человѣкомъ. И Почаевская обитель, способная своими

святынями вызывать подобныя настроенія и, тѣмъ содѣйствовать нравственному перерожденію человѣка, не можетъ быть названа безполезною или безплодною въ своей дѣятельности.

Въ настоящее время и средства религіозно-просвѣтительнаго и нравственнаго воздѣйствія въ духѣ православія и русской народности Почаевская обитель развила въ значительной степени. Если сравнить Лавру въ теперешнемъ ея состояніи съ положеніемъ ея въ первое время по возвращеніи изъ уніи въ лоно Православной Церкви, то въ этомъ отношеніи ростъ Лавры окажется поразительнымъ. Въ короткое время она окрѣпла, возвысилась, возвеличилась и благоукрасилась до неузнаваемости. А между тѣмъ мы имѣемъ достаточно основаній заключать, что даже въ первый годъ по возсоединеніи съ православною церковью Почаевская Лавра оказывала благотворное вліяніе на православный русскій народъ, истомленный уніей и крѣпостною зависимостью отъ помѣщиковъ-поляковъ. Не входя въ подробное обслѣдованіе этого вопроса, мы коснемся вкратцѣ уже извѣстнаго намъ факта. Изъ приведеннаго выше дѣла о распространеніи на счетъ Почаевской обители нелѣпыхъ слуховъ мы видимъ, что весной 1832 года многіе крестьяне Волынской и другихъ губерній устремились въ Почаевскую Лавру на богомолье, по большей части не зная еще, что обитель отнята у базиліанъ и находится въ рукахъ православныхъ. Совѣты встрѣчныхъ католиковъ возвратиться назадъ, такъ какъ теперь въ Лаврѣ вездѣ пусто: чудотворная икона ушла де въ Австрію, а какое было богатство—все православные забрали въ свою пользу, такъ что *благолѣпія нѣтъ никакого,* запрещенія паломничать со стороны католическихъ помѣщиковъ и управляющихъ, подъ угрозою жестокихъ наказаній за ослушаніе, и тому подобныя препятствія только еще болѣе разжигали желаніе побывать въ Почаевѣ. И вотъ что одинъ изъ такихъ богомольцевъ, православный кретьянинъ с. Верхова, Острожскаго у., Григорій Сикидонъ, 78-ми лѣтній старикъ, разсказывалъ потомъ Засѣдателю Сонцову: «Прійдя въ Почаевъ со своими товарищами, говорилъ онъ, я нашелъ въ Лаврѣ все такъ, какъ думалъ, что все совер-

шенно въ полной мѣрѣ, такъ что *еще благолѣпнѣе теперь, чѣмъ прежде, и по всему гораздо пріятнѣе»*. Такъ думалъ и чувствовалъ не одинъ Сикидонъ, но и другіе богомольцы, посѣтившіе Лавру въ первое время по возвращеніи ея изъ уніи. Доказательствомъ этого служитъ съ каждымъ годомъ увеличивавшееся число паломниковъ горы Почаевской. Чтобы почувствовали они, если бы какимъ нибудь чудомъ увидѣли нынѣшнее благолѣпіе Лавры и тотъ православный русскій духъ, который теперь вездѣ царитъ въ Лаврѣ.

Почаевская Лавра унаслѣдована отъ уніатовъ въ запущенномъ и во многихъ мѣстахъ неблагоприличномъ видѣ. на главной соборной церкви и на всемъ братскомъ корпусѣ крыша была гонтовая, мѣстами сгнившая и пропускавшая течь. Внутри церкви напоминали собою костелы: по срединѣ были скамьи для богомольцевъ, по бокамъ у стѣнъ—конфессіоналы и олтарики, на которыхъ совершались по католически шептанныя литургіи. Вездѣ были статуи; многія иконы были написаны въ уніатскомъ духѣ,—неблагообразно и несогласно съ исторіей. Ризница была очень бѣдна. Мощи преп. Іова покоились въ пещерѣ за стекляной стѣной въ простомъ дубовомъ гробѣ, обитомъ парчей. Колокольней служила невысокая каменная «звоница» и на ней было всего 4 колокола, самый большій изъ которыхъ вѣсилъ 200 пудовъ. Нынѣшній архіерейскій домъ былъ крытъ черепицей. Съ сѣверной стороны за братскимъ корпусомъ тянулся длинный одноэтажный некрасивый сарай, сохранившійся отчасти и доселѣ. Гостинницъ не было. Святыхъ вратъ также не было. Вокругъ монастыря шла деревянная ограда, во многихъ мѣстахъ развалившаяся. Въ типографіи печатныя машины были старой конструкціи, да и тѣхъ было очень мало. Шрифтъ былъ старый, некрасивый и избитый. И пр. и пр. Что же мы видимъ теперь въ Лаврѣ? Благопомощная Покровительница Почаевской обители согрѣла сердца православныхъ сыновъ Росссіи теплотою благоговѣйной любви къ этому, прославленному многими чудесами и знаменіями, святому мѣсту. Явились ближніе и дальніе радѣтели о благосостояніи и славѣ Почаевской обители, много послужившіе созиданію и благоукрашенію ея своими талан-

тами, трудами и пожертвованіями. И вотъ стараніями священно-Архимандритовъ Лавры и пожертвованіями благочестивыхъ людей Почаевская Лавра въ короткое время измѣнила свой обликъ до неузнаваемости. Повсюду произведены капитальныя исправленія и улучшенія и монументальныя сооруженія, придавшія много красоты и величія и безъ того величественнымъ монастырскимъ постройкамъ и чудному мѣстоположенію Лавры. И если мы теперь не видимъ въ Лаврѣ такого богатства и роскоши, какія можно встрѣтить нъ нѣкоторыхъ другихъ важнѣйшихъ монастыряхъ и церквахъ Россіи, то за то видимъ здѣсь такую красоту и величіе, какія врядъ-ли можно найти въ другихъ мѣстахъ Россіи. А по сравненію съ тѣмъ состояніемъ обители, въ какомъ она находилась въ эпоху уніи, при базиліанахъ, Лавра въ настоящемъ своемъ видѣ можетъ даже поразить своею роскошью. Величественная Успенская церковь красиво расписана стѣнною живописью религіозно-историческаго содержанія, при чемъ изображены главнѣйшія чудеса, совершенныя отъ Почаевскихъ святынь. Расписаны также и прочія монастырскія церкви. Вмѣсто прежняго уніатскаго простенькаго иконостаса въ соборной церкви устроенъ прекрасный новый иконостасъ—даръ Императора Александра II; вмѣсто простого деревянаго престола и неуклюжаго балдахина съ ковчегомъ надъ стопой Богоматери, сооружены прекрасный серебряный престолъ и роскошный изящный ковчегъ изъ серебра и бронзы; громадный уніатскій запрестольный кіотъ или «великій олтарь», окруженный статуями, замѣненъ красивымъ цѣннымъ чисто-православнымъ горнимъ мѣстомъ; вмѣсто прежней цѣнной, но не красивой, ризы къ чудотворной иконѣ изъ жемчуга сооружена новая изящная дорогая риза изъ алмазовъ, брилліантовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней. Заведена отличная ризница—главнымъ образомъ даръ Государя Николая I. Къ мощамъ преп. Іова сооружена изъ серебра драгоцѣнная рака—жертва извѣстной благотворительницы графини Анны Орловой-Чесменской, а надъ ракой заботливостью Лавры устроенъ красивый мраморный балдахинъ. На мѣстѣ простой некрасивой звоницы выстроена новая высокая красивая колокольня. Купола на Успенской церкви

и верхъ колокольни отлично вызолочены и на далекое разстояніе поражаютъ глазъ своимъ ослѣпительнымъ блескомъ. Половина стараго некрасиваго уніатскаго каменнаго сарая, гдѣ долгое время помѣщалась типографія, снесена и на этомъ мѣстѣ теперь красуется величественное трехъэтажное зданіе типографіи, Лаврской школы, иконописной мастерской и древлехранилища. Устроены отличныя гостинницы для народа и для интеллигенціи. Устроены красивыя хорошія каменныя лавки, цистерны и проч. и проч. и проч. Типографія развила свое печатное производство до громадныхъ, сравнительно, размѣровъ: пріобрѣтены заграницей новыя скоропечатныя дорогія машины, вылита масса новаго красиваго шрифта и въ настоящее время въ Почаевской типографіи печатается ежегодно множество богослужебныхъ и прочихъ религіозно-нравственнаго содержанія книгъ, которыя расходятся по всей Россіи. Точно также на широкихъ началахъ устроилась теперь иконописная мастерская. Прекрасныя иконы Почаевской Лаврской живописи можно встрѣтить теперь далеко за предѣлами Волыни и съ каждымъ годомъ Лаврская мастерская получаетъ все болѣе заказовъ на изготовленіе иконъ изъ многихъ отдаленныхъ мѣстъ обширной Россіи. Помимо этого косвеннаго религіозно-нравственнаго воздѣйствія на православный русскій народъ, Почаевская Лавра преслѣдуетъ еще и прямыя просвѣтительныя задачи. Уже болѣе десяти лѣтъ при Почаевской Лаврѣ издается спеціальный народный журналъ—«Почаевскій Листокъ», имѣющій цѣлью доставить православному русскому народу общедоступное, занимательное и назидательное чтеніе, вполнѣ понятное и простому народу. Богомольцамъ, посѣщающимъ священную окраину земли русской св. Почаевскую гору, «Почаевскій Листокъ» раздается безплатно; съ этой цѣлью каждый номеръ журнала представляетъ собою законченное цѣлое, содержитъ въ себѣ одну или нѣсколько вполнѣ законченныхъ назидательныхъ статей, согласныхъ съ духомъ евангельскаго ученія, съ жизнью отцовъ и учителей церкви. О вліяніи Почаевскаго Листка на простой народъ можетъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что, будучи случайно занесенъ богомольцами въ раз-

ныя мѣста русскаго государства, онъ пріобрѣтаетъ себѣ тамъ подписчиковъ даже изъ простонародья, и что въ настоящее время въ числѣ подписковъ его есть жители Архангельской, Вятской, Пермской губерніи, Области Войска Донскаго, Кавказа и даже отдаленной Сибири.

Мы указали великую просвѣтительную миссію Почаевской Лавры, какъ порубежной святыни, а также историческое и общественное значеніе ея для Галицко-Волынскаго края и для всей Россіи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что Почаевская Лавра, со времени существованія своего, какъ Лавры, приносила и приноситъ не малую и матеріальную пользу Волынской Архіерейской каѳедрѣ, Волынской епархіи, духовнымъ учрежденіямъ Волыни и Волынскому народу.

Волынскій Епархіальный Архіерей считается Священно-Архимандритомъ Почаевской Лавры. Какъ таковые, Волынскіе Архіепископы всегда приносили громадную пользу Почаевской обители. Почти исключительно Священно-Архимандритамъ и руководимымъ ими Намѣстникамъ Почаевская Лавра обязана своимъ нынѣшнимъ благоустройствомъ и внѣшнимъ величіемъ, своимъ общественнымъ вліяніемъ и широкимъ развитіемъ своихъ просвѣтительныхъ началъ. Въ свою очередь Почаевская Лавра много сдѣлала и продолжаетъ дѣлать для своихъ Священно-Архимандритовъ. Первое десятилѣтіе Волынскіе Епископы имѣли мѣстопребываніе въ Лаврѣ, гдѣ было и епархіальное управленіе и гдѣ имъ и всему архіерейскому штату давалось полное содержаніе отъ Лавры. Когда же въ 1841 году, по Высочайшему повелѣнію, епархіальное управленіе перемѣщено было изъ Почаева въ губернскій городъ Житомиръ, Лавра пріобрѣла въ Житомирѣ для архіерейскаго помѣщенія прекрасный двухъэтажный каменный домъ, и доселѣ считающійся подворьемъ Лавры. Впослѣдствіи на той же усадьбѣ по бокамъ главнаго дома было выстроено Лаврою еще два двухъ-этажныхъ каменныхъ дома; въ одномъ изъ нихъ долгое время помѣщалась Волынская духовная Консисторія, а по переселеніи ея въ собственное помѣщеніе, въ корпусахъ помѣщаются братія, послушники и пѣвчіе и находится помѣщеніе Секретаря Волынскаго Архіепи-

скопа, и квартира для пріѣзжающихъ въ Житомиръ по дѣламъ Лавры оо. Намѣстниковъ Лавры и почетныхъ гостей Волынскаго Архіепископа. Обмеблированіе всѣхъ этихъ помѣщеній произведено на счетъ Лавры; отъ Лавры же идетъ содержаніе всѣхъ домовъ, въ томъ числѣ архіерейскаго дома со всѣмъ архіерейскимъ штатомъ. Въ 1890—92 гг. Лаврой была выстроена при Архіерейскомъ домѣ во имя Пресвятыя Дѣвы Богородицы, въ память чудеснаго избавленія Царскаго Дома отъ опасности 17 октября 1888 года, большая каменная церковь съ колокольней. Постройка эта обошлась Лаврѣ до 75000 руб.

Не малую пользу приносила и приноситъ Почаевская Лавра и духовенству Волынской епархіи и разнымъ духовнымъ учрежденіямъ. Всѣ церкви Волынской епархіи Почаевская Лавра снабжаетъ богослужебными книгами своей печати, а до послѣдняго времени снабжала также за умѣренную плату восковыми свѣчами. Со времени учрежденія на Волыни второго викаріатства, съ 7 іюля 1891 года, Лавра ежегодно отпускаетъ на жалованье одному викарному Епископу 1500 р. Въ теченіе цѣлаго десятилѣтія, съ 1831 по 1841 годъ, Лавра оказывала радушное гостепріимство Волынской духовной Консисторіи, пріютивъ ее въ своихъ стѣнахъ, а съ перемѣщеніемъ епархіальнаго управленія въ г. Житомиръ отпустила подъ помѣщеніе консисторіи одинъ изъ домовъ своего подворья. Съ именемъ Почаевской Лавры тѣсно связано устроеніе на Волыни цѣлыхъ монастырскихъ обителей. Въ этомъ отношеніи останется безсмертнымъ въ лѣтописяхъ Волыни имя Священно-Архимандрита Лавры Высокопреосвященнаго Модеста, Архіепископа Волынскаго и Житомирскаго. Его заботливости обязана полнымъ устроеніемъ приписанная къ Лаврѣ съ шестидесятыхъ годовъ православная Дубенская Крестовоздвиженская пустынь, нѣкогда знаменитый Дубенскій Крестовоздвиженскій монастырь, основанный въ XIV вѣкѣ князьями Острожскими, достигшій во второй половинѣ XVI вѣка, при знаменитомъ защитникѣ православія на Волыни князѣ Константинѣ Константиновичѣ Острожскомъ и при не менѣе знаменитомъ подвижникѣ преп. Іовѣ, впослѣдствіи игуменѣ Почаевскомъ,

цвѣтущаго состоянія и затѣмъ въ концѣ XVII вѣка путемъ насилій, обмана и притѣсненій со стороны іезуитовъ совращенный въ унію и къ концу XVIII в. пришедшій въ совершенное разстройство и запустѣніе. Идеѣ, заботливости и энергіи Высокопреосвященнаго Модеста обязана православная русская церковь устроеніемъ въ главномъ городѣ Волыни Житомирѣ, этомъ центрѣ католичества и полонизма не только для Волыни, но и для всего юго-западнаго края, православнаго мужскаго Богоявленскаго монастыря, приписаннаго къ Почаевской Лаврѣ.

Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этого событія необходимо нѣсколько вернуться къ недавнему прошлому Волыни и заглянуть вглубь ея исторіи. Ни одна изъ русскихъ областей не принесла столько кровавыхъ жертвъ за православіе, какъ Волынь. Политическое и религіозное господство католической польши, направляемой іезуитами, въ XVII вѣкѣ легло тяжелымъ гнетомъ на православный Волынскій народъ, просвѣщенный святымъ равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ. Инославные притѣснители, задавшись цѣлію разбить величественное зданіе православной культуры, истребить въ краѣ все русское, православное, привели православныя церкви и многочисленные монастыри на Волыни къ полной нищетѣ и разоренію. Православіе и русская жизнь подъ давленіемъ инославія притаились въ тиши, въ глуши, но православный народъ оставался по прежнему привязаннымъ къ восточному обряду, къ православной церкви и монастырю. Мы видѣли уже, что древніе православные монастыри на Волыни въ XVII и XVIII вѣкѣ были совращены въ унію и подчинены базиліанамъ, а древнія православныя церкви разорены или обращены въ костелы. Строить новыя церкви и украшать ихъ православнымъ воспрещалось или было не безопасно, такъ какъ онѣ часто подвергались грабежу,—и вотъ мѣстомъ богослуженія для православныхъ нерѣдко служила простая деревенская изба, съ теченіемъ времени превращавшаяся въ жалкія развалины. Во многихъ мѣстахъ Волыни храмы выглядѣли хуже убогаго жилища простого селянина. Достаточно сказать, что даже *въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія,* не смотря на то, что со

времени присоединенія Волыни къ Россіи прошло уже болѣе 60 лѣтъ, Житомирскій православный Каѳедральный Соборъ ютился еще въ жалкомъ деревяномъ помѣщеніи, вѣрнѣе—въ простой хатѣ, имѣющей видъ почтовой станціи или постоялаго двора. А между тѣмъ тутъ же рядомъ высились громадные польскіе костелы и отсюда, какъ изъ религіозно-просвѣтительнаго центра, католическія идеи и польскія тенденціи разносились далеко по всему юго-западному краю. И это явленіе наблюдалось не въ какомъ нибудь польскомъ городѣ съ почти исключительно польско-католическимъ населеніемъ, а въ коренномъ русскомъ православномъ и вдобавокъ губернскомъ городѣ, въ г. Житомирѣ, уже въ XIII вѣкѣ принадлежавшемъ Кіевскимъ князьямъ, въ XIV перешедшемъ во владѣніе православныхъ великихъ князей Литовскихъ и платившемъ подать Кіево-Печерскому монастырю и только въ XVI вѣкѣ присоединенномъ вмѣстѣ со всею Волынью и прочими областями юго-западнаго края, входившими въ составъ Литовскаго княжества, къ польшѣ. Послѣ этого понятно, какое громадное значеніе имѣетъ построеніе Почаевскою Лаврою въ г. Житомирѣ, въ этомъ современомъ центрѣ католичества и полонизма въ юго-западномъ краѣ, православнаго монастыря и при немъ церкви, которыми Житомиръ вообще бѣденъ. Оно служитъ явнымъ свидѣтельствомъ упроченія на Волыни православныхъ христіанскихъ началъ, составляющихъ душу русскаго государственнаго и народнаго организма; оно говоритъ намъ о полномъ возстановленіи историческаго и религіознаго значенія древне-православной Волыни; оно показываетъ, что исконный духъ православія и русской народности воспрянулъ тамъ, гдѣ недавно еще царило попиравшее ихъ иновѣріе и иная народность. Устроеніе Житомирской обители подъ материнскимъ крыломъ Почаевской Лавры и подъ благодатнымъ покровомъ Почаевской святыни —чудотворной иконы Богоматери, въ 1898 г. впервые за трехъсотлѣтній періодъ пребыванія своего на горѣ Почаевской посѣтившей Житомиръ для принятія участія въ освященіи новосооруженной монастырской церкви,—служитъ сильнымъ ручательствомъ того, что новосозданная обитель на противоположной окраинѣ

Волыни будетъ имѣть такое же религіозно-воспитательное вліяніе, какое Почаевская обитель оказывала въ теченіе трехъ вѣковъ на весь Галицко-Волынскій край.

Просвѣщенной же заботливости Высокопреосвященнаго Священно-Архимандрита Лавры Архіепископа Модеста и оо. Намѣстниковъ Лавры обязаны сохраненіемъ отъ окончательнаго уничтоженія зданія и сады знаменитаго нѣкогда, игравшаго важную роль въ исторіи юго-западнаго края, православнаго Жидичинскаго монастыря. Жидичинскій монастырь, находившійся въ с. Жидичинѣ Луцкаго уѣзда, извѣстенъ въ исторіи края еще съ XIII вѣка. Въ короткое сравнительно время онъ достигъ цвѣтущаго состоянія и былъ однимъ изъ многолюднѣйшихъ и видныхъ монастырей края. Впослѣдствіи, по обращеніи въ унію, онъ сталъ резиденціей уніатскихъ епископовъ. Здѣсь проживалъ и знаменитый въ русской исторіи по возсоединенію уніатовъ съ православною церковью Митрополитъ Литовскій Іосифъ Сѣмашко, принявшій здѣсь санъ діакона, пресвитера и протопресвитера и отсюда начавшій свою дѣятельность по возсоединенію уніатовъ; въ этомъ же монастырѣ уніатскимъ епископомъ Красовскимъ впервые начали вводиться обряды православной церкви вмѣсто уніатскихъ. Въ 1828 году базиліанскій Жидичинскій монастырь былъ упраздненъ, при чемъ монастырская церковь была обращена въ православную приходскую, а зданія монастыря переданы духовному вѣдомству и осуждены были на постепенное разрушеніе. Въ 1872 году, согласно ходатайству Волынскаго епархіальнаго начальства, часть помонастырскихъ Жидичинскихъ зданій, именно: каменный двухъэтажный домъ, въ которомъ помѣщались уніатскіе епископы, передана была Св. Синодомъ въ вѣдѣніе Жидичинской приходской церкви для помѣщенія церковнаго причта, а остальныя два зданія —флигеля произвольно были занимаемы Жидичинскимъ волостнымъ правленіемъ и народнымъ училищемъ безъ платы духовному вѣдомству за занимаемыя помѣщенія. Но воспользоваться даромъ Св. Синода Жидичинскій причтъ не могъ, такъ какъ по освидѣтельствованіи двухъ-этажнаго зданія, оно оказалось

въ ветхомъ состояніи; безъ крыши, потолковъ, половъ, дверей, оконныхъ рамъ и печей, и на исправленіе его требовалось до 15000 рублей, тогда какъ строительная коммисія по возведенію построекъ для причта въ с. Жидичинѣ располагала капиталомъ только въ 1390 р. Пришлось предоставить это зданіе дальнѣйшему разрушенію. Высокопреосвященный Модестъ, принимая во вниманіе, что домъ этотъ имѣетъ большой археологическій интересъ, согласно съ мнѣніемъ мѣстнаго церковно-археологическаго общества призналъ желательнымъ и полезнымъ сохранить этотъ памятникъ старины и возстановить запустѣлый домъ, устроивъ въ немъ въ память нѣкогда жившихъ епископовъ, помѣщеніе для Архіерея съ домовою церковью. Устройство этого помѣщенія являлось тѣмъ болѣе необходимымъ, что Волынскимъ Преосвященнымъ часто приходится посѣщать сосѣдній съ Жидичинымъ г. Луцкъ для совершенія торжественныхъ архіерейскихъ богослуженій, по просьбѣ горожанъ и войскъ, расположенныхъ въ Луцкѣ и въ виду чешскихъ поселеній, окружающихъ г. Луцкъ. Посему, представляя снятый епархіальнымъ архитекторомъ планъ помонастырскихъ зданій въ с. Жидичинѣ, Владыка въ 1894 году ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ о причисленіи этихъ зданій съ принадлежащими къ нимъ двумя садами къ Почаевской Лаврѣ, съ тѣмъ чтобы зданія эти были возобновлены для помѣщенія архіерея. Къ осуществленію этого плана реставраціи Лавра, располагающая средствами, могла приступить немедленно и безъ особенныхъ затрудненій; въ надеждѣ постепенно возмѣстить сдѣланную на этотъ предметъ затрату изъ доходовъ отъ Жидичинскихъ садовъ. Св. Синодъ, согласно съ заключеніемъ Хозяйственнаго Управленія, въ томъ же году опредѣлилъ Жидичинскія помонастырскія зданія и фруктовые сады бывшаго базиліанскаго монастыря передать въ вѣдѣніе и распоряженіе Почаевской Успенской Лавры, а Хозяйственному при Св. Синодѣ Управленію поручилъ получавшуюся за аренду помянутыхъ фруктовыхъ садовъ плату 275 р. въ годъ, исключить изъ смѣты доходовъ Святѣйшаго Синода, обративъ ее съ 1894 года въ пользу Почаевской Лавры. По принятіи Жидичинскихъ зданій Почаевская

Лавра, въ виду поздняго осенняго времени 1894 года, первымъ дѣломъ озаботилась предохранить ихъ отъ дальнѣйшаго разрушенія, а въ слѣдующемъ 1895 году Жидичинскія помонастырскія зданія были исправлены и приведены въ болѣе или менѣе надлежащій видъ. Въ 1896 и началѣ 1897 года въ главномъ каменномъ двухъ-этажномъ зданіи заботами Высокопреосвященнаго Модеста устроена домовая церковь, освященная самимъ Владыкой 8 іюня 1897 года. Въ то же время были приведены въ цвѣтущее состояніе примыкающіе къ зданіямъ Жидичинские сады, чѣмъ значительно была поднята ихъ доходность. Такимъ образомъ, благодаря просвѣщенному вниманію и заботливости Священно-Архимандрита Почаевской Лавры Высокопреосвященнаго Архіепископа Модеста, искреннему сочувствію благимъ начинаніямъ своего Священно-Архимандрита оо. Намѣстниковъ Лавры и матеріальнымъ средствамъ ея, старыя зданія Жидичинскаго монастыря не только спасены отъ дальнѣйшаго разрушенія, но даже по возможности реставрированы. Исторіи западно-русской церкви сохраненъ еще одинъ памятникъ старины, живой свидѣтель исконнаго процвѣтанія на Волыни православія. Но на этомъ дѣло не должно остановиться. Въ нашъ вѣкъ жестокаго матеріализма, душевнаго унынія и упадка вѣры, въ наши дни легкомысленнаго отношенія къ завѣтнымъ святынямъ и сердечнаго очерствѣнія особенно важно было бы полное возстановленіе православной обители, пятьсотъ слишкомъ лѣтъ назадъ процвѣтавшей, знаменитой по многочисленности своихъ иноковъ, долго боровшейся за православную вѣру и русскія начала. Мы извѣрились, очерствѣли; намъ нужно любви, чтобы не сдѣлаться звѣрями,—намъ нужна вѣра, чтобы жить, трудиться, вести борьбу и нести житейскій подвигъ. Безъ вѣры нѣтъ жизни, нѣтъ спасенія. Извѣрившійся человѣкъ—мертвый человѣкъ. Въ настоящее время есть много людей ослабѣвшихъ, заблудившихся, но стремящихся къ свѣту. Возстановленная историческая обитель Жидичинская, сильная нѣкогда вѣрою и любовью своихъ иноковъ, постоянно напоминая объ этомъ, вмѣстѣ съ другими обителями Волыни будила бы, звала, воскрешала людей, помогала бы разгонять

тьму и нести ободреніе наболѣвшему отъ сомнѣній человѣческому сердцу, давала бы успокоеніе и облегченіе настрадавшимся и обремененнымъ и ликующимъ гуломъ своихъ колоколовъ говорила бы русскому сердцу о торжествѣ небесной правды, о силѣ православія. И если Почаевская Лавра со своими вообще скудными средствами не въ состояніи сама, на свой счетъ, воскресить Жидичинскую обитель и дать ей возможность дальнѣйшаго существованія, то слѣдовало бы призвать къ участію въ этомъ благомъ дѣлѣ все православное русское общество. Русскій народъ любитъ монастыри и нерѣдко несетъ въ нихъ свою послѣднюю трудовую копѣйку, а возстановленіе православной обители, существовавшей шесть слишкомъ вѣковъ, есть дѣло не одной Волыни, но—общерусское, есть дѣло всей православной русской церкви. И мы увѣрены, что на великой Руси нашлось бы не мало благочестивыхъ людей, которые согласились бы внести свою лепту на возстановленіе православнаго Жидичинскаго монастыря.

Говоря о просвѣтительномъ вліяніи Почаевской Лавры, мы не можемъ обойти молчаніемъ тѣхъ ежегодныхъ тратъ, которыя Лавра несла и несетъ на содержаніе разныхъ школъ и учебныхъ заведеній. Правда, значеніе Лавры въ этомъ отношеніи не столь велико, какъ велико было значеніе монастырей въ былыя времена, когда они вмѣщали въ себѣ не только школы грамотности, но даже академіи, изъ которыхъ выходили многіе ученые. Но въ настоящее время, съ основаніемъ духовныхъ академій, университетовъ, гимназій и всевозможныхъ другихъ училищъ и школъ, на которыя Правительствомъ тратятся ежегодно состни тысячъ и даже милліоны рублей, монастыри уже и не могутъ болѣе играть роли центровъ науки и вообще гражданскаго просвѣщенія. Важно то, что монастыри все-таки несутъ высокую религіозно-нравственную миссію—воспитанія и просвѣщенія темныхъ народныхъ массъ, и въ этомъ дѣлѣ Почаевская обитель занимаетъ не послѣднее мѣсто даже среди первоклассныхъ богатѣйшихъ монастырей. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Почаевская Лавра открыла въ своихъ зданіяхъ на собственныя средства научно-ремеслен-

ное училище для крестьянскихъ православныхъ мальчиковъ, съ содержанiемъ пансiонеровъ на счетъ Лавры. Кромѣ спецiальнаго обученiя разнымъ ремесламъ, научно-ремесленное училище имѣло задачею давать мальчикамъ и общее образованiе, для чего Лавра держала учителей съ общимъ среднимъ образованiемъ. За семнадцатилѣтнее свое существованiе научно-ремесленное училище принесло не мало пользы окружающему населенiю. Въ августѣ мѣсяцѣ 1886 года, содѣйствуя намѣренiямъ правительства о распространенiи церковно-приходскихъ школъ, Почаевская Лавра преобразовала научно-ремесленное училище въ церковно-приходскую школу съ четырехлѣтнимъ курсомъ—сперва двухкласснымъ, а потомъ—съ 1893 года—четырехкласснымъ, при чемъ число пансiонеровъ значительно увеличено и открытъ свободный доступъ приходящимъ ученикамъ. Въ 1898 году церковно-приходская Лаврская школа преобразована во второклассную церковно-приходскую школу для приготовленiя сельскихъ учителей. Подъ помѣщенiе школы при Лаврѣ выстроено прекрасное, свѣтлое, просторное зданiе. Вспомогательныя образовательныя средства этой школы весьма хороши: для нея, напр., прiобрѣтенъ цѣнный волшебный фонарь и множество картинъ къ нему, служащихъ подспорьемъ при изученiи географiи и исторiи. Въ видахъ расширенiя религiозно-просвѣтительной дѣятельности Почаевской Лавры, по инициативѣ Священно-Архимандрита Лавры Высокопреосвященнаго Модеста въ 1890 году при Лаврѣ была открыта церковно-учительская школа для подготовленiя достойныхъ псаломщиковъ и учителей, которые могли бы въ то же время быть опытными учителями въ церковно-приходскихъ школахъ. Предоставляя для церк.-учительской школы даровое помѣщенiе, Лавра вмѣстѣ съ тѣмъ согласилась содержать на свой счетъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ. Программа преподаваемыхъ въ школѣ предметовъ была выработана широкая и вполнѣ цѣлесообразная. Сверхъ разныхъ наукъ, для желающихъ внѣ класснаго времени преподавалось иконописанiе, столярное, переплетное и малярное мастерство въ Лаврскихъ мастерскихъ. Къ сожалѣнiю, оставаться при Лаврѣ школѣ этой суждено было не долго. Ни въ са-

мой Лаврѣ, ни въ приписанныхъ къ Лаврѣ зданіяхъ Дубенскаго по-кармелитскаго монастыря вполнѣ удобнаго помѣщенія для школы не было, а постройка новаго зданія для означенной цѣли обошлась бы очень дорого, да и подходящаго мѣста на горѣ Почаевской —вблизи Лавры не было. Поэтому къ началу 18⁹¹/₉₂ учебнаго года Епархіально-Лаврская церковно-учительская школа была переведена въ г. Житомиръ и помѣмѣщена въ одномъ изъ просторныхъ зданій на Вильской улицѣ Архіерейскаго дома; на содержаніе школы въ г. Житомирѣ Почаевская Лавра съ тѣхъ поръ ежегодно до половины 1898 г. отпускала по 3000 рублей.

Въ настоящее время нѣкоторые писатели, возстановляя въ своей памяти культурную роль нашихъ монастырей на протяженіи прошедшихъ вѣковъ, приходятъ къ заключенію, что теперь наши богатые монастыри заботятся только о религіозно-нравственномъ воспитаніи русскаго народа и не внушаютъ ему полезныхъ сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній. Если этотъ упрекъ можно отнести къ Почаевской Лаврѣ, то только въ томъ смыслѣ, что въ Лаврѣ нѣтъ образцовыхъ сельско-хозяйственныхъ или техническихъ школъ. Но раціональное Лаврское хозяйство и разныя мастерскія служатъ отличными практическими школами не только для окрестнаго населенія, но и для жителей отдаленныхъ мѣстностей. Лаврская иконописная, переплетная, столярная и слесарная мастерскія выпустили не мало хорошихъ, опытныхъ мастеровъ, открывшихъ собственныя мастерскія по разнымъ городамъ.

Великое миссіонерское вліяніе Лавры не только на инославныхъ, но и на иновѣрцевъ ярко сказалось въ 1897—1899 гг. Съ 1897 года при Лаврѣ открыта вторая народная школа для дѣтей всѣхъ исповѣданій и вѣръ. Школа помѣщается въ мѣстечкѣ —въ нижней Лаврской гостинницѣ. Обучать въ ней вызвались добровольно, безъ всякаго вознагражденія, учителя Лаврской церковно-приходской четырехклассной школы. Тотчасъ по открытіи школы желающихъ учиться въ ней оказалось множество и между прочимъ масса дѣтей католиковъ и евреевъ. Изъ послѣднихъ отдали въ Лаврскую школу дѣтей даже бога-

тые евреи. Задачи школы не ограничиваются однимъ обученіемъ, но имѣютъ въ виду и общее умственное развитіе: сообщеніе правильныхъ понятій о Богѣ и мірѣ, развитіе хорошей любознательности, внѣдреніе высокихъ христіанскихъ понятій о добрѣ, честности, чести. И вотъ учителя, увлеченные высокой идеей, глубоко преданные своему дѣлу и дѣйствовавшіе только любовію, въ короткое время достигали поразительныхъ результатовъ: самыя дурныя, испорченныя дѣти измѣнялись до неузнаваемости: становились кроткими, послушными, трудолюбивыми, такъ что родители ихъ не могли надивиться и не находили словъ для выраженія учителямъ благодарности. Еврейскіе мальчики и дѣвочки, между которыми попадались учившіяся нѣсколько въ гимназіяхъ, проникались высокогуманными христіанскими взглядами и по своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ нерѣко превосходили дѣтей христіанъ. Чуждая всякой тенденціи и религіозной полемики, школа не задается цѣлію склонять еврейскихъ дѣтей къ христіанству, и послѣднія освобождаются отъ уроковъ Закона Божія; тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ просили позволенія присутствовать на урокахъ Закона Божія наравнѣ съ учениками христіанами, и когда имъ въ этомъ отказывали, изъ нежеланія возбудить неудовольствіе ихъ родителей и изъ опасенія проявленія религіознаго фанатизма со стороны еврейскихъ раввиновъ, то, по настоянію ихъ, сами родители просили учителей разрѣшить ихъ дѣтямъ посѣщать уроки и Закона Божія. Такимъ образомъ многіе ученики и ученицы изъ евреевъ изучали Законъ Божій наравнѣ съ христіанскими дѣтьми и изучали его съ большимъ прилежаніемъ и успѣхомъ, нежели ученики христіане. На торжественныхъ экзаменахъ, произведенныхъ лѣтомъ 1898 и 1899 годовъ, мальчики и дѣвочки еврейскіе обнаружили большее знаніе не только ветхаго, но и новаго завѣта, нежели мальчики и дѣвочки христіане. Замѣчательнѣе всего, что это происходило не вслѣдствіе лучшихъ способностей учениковъ евреевъ и не вслѣдствіе большаго ихъ прилежанія, а вслѣдствіе искренняго желанія ближе познакомиться съ сущностью христіанства. Нѣкоторые мальчики и дѣвочки еврейскіе убѣдительно просили учителей дать имъ читать рус-

скую библію и, въ частности, евангеліе и заручились даже согласіемъ на это своихъ родителей; старшіе изъ нихъ и болѣе любознательные серьезно задавались вопросомъ, чья религія лучше: еврейская или христіанская и гдѣ лучше совершается богослуженіе. Однажды, въ концѣ 18⁹⁷/₉₈ учебнаго года, они упросили одного изъ своихъ учителей свести ихъ въ Лаврскую соборную церковь, когда тамъ совершалась вечерня. Величественный храмъ и торжественное трогательное богослуженіе поразили ихъ до того, что они все время находились въ состояніи точно какого то очарованія. Богослуженіе кончилось и учитель предложилъ имъ выйти, а они все еще стояли и ждали продолженія службы и просили учителя простоять еще хоть немножко. И только тогда, когда имъ объяснили, что больше служить не будутъ и что церковь сейчасъ запрется, только тогда они согласились уйти. Долго еще они находились подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія отъ всего видѣннаго и слышаннаго и разспрашивали о значеніи видѣнныхъ предметовъ. Замѣчательно также, что въ школѣ еврейскіе мальчики и дѣвочки не держали себя изолированно, не образовали обычнаго кагала и не смотрѣли на христіанскихъ дѣтей, какъ на гоевъ, которыхъ нужно стараться надуть, а видѣли въ нихъ своихъ братьевъ и относились къ нимъ чисто по братски. Такимъ образомъ благотворное вліяніе Лавры и самоотверженная любовь къ дѣлу лучше всего могли бы содѣйствовать великой миссіи сплоченія евреевъ хотя въ одномъ уголкѣ Россіи въ нераздѣльное цѣлое съ русскимъ народомъ, и дай Богъ, чтобы такъ хорошо начатое дѣло встрѣтило себѣ поддержку и продолженіе и на дальнѣйшее время.

Окидывая бѣглымъ взоромъ разныя постройки, сооруженія, исправленія и пріобрѣтенія, сдѣланныя Лаврою на Горѣ Почаевской или внѣ ея, со времени возвращенія Почаевской обители изъ уніи въ лоно православной церкви, мы должны придти къ заключенію, что на все это потрачены Лаврою сотни тысячъ рублей. Цифра эта, быть можетъ скромная для нѣкоторыхъ монастырей и учрежденій, располагающихъ милліонами рублей и пользующихся крупными пособіями отъ казны или со стороны щедрыхъ благо-

творителей, окажется весьма внушительною, если мы обратимъ вниманіе на крайне скудныя средства Лавры даже сравнительно съ тѣми, какими обладали базиліане. Въ самомъ дѣлѣ, каковы были средства Лавры при базиліанахъ и каковы послѣ нихъ?

Въ 1802 году, при обозрѣніи Почаевскаго монастыря епископомъ Стефаномъ Левитскимъ, въ визитѣ показано разныхъ денежныхъ суммъ, принадлежащихъ монастырю и обезпеченныхъ на недвижимыхъ имѣніяхъ, 956892 злотыхъ. Въ 1812 году, по требованію уніатскаго митрополита, представлены подробныя свѣдѣнія о Почаевскомъ монастырѣ, изъ которыхъ видно, что въ то время монастырь имѣлъ капитала 182125 р. с., а годичнаго дохода отъ процентовъ и другихъ источниковъ имѣлъ 11366 р. с. Въ 1814 году провинціаломъ Львомъ Домковичемъ, вслѣдствіе монастырской ревизіи, представлены о суммахъ Почаевскаго монастыря свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что въ то время монастырь имѣлъ капитала, обезпеченнаго на разныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ,—1,188166 польскихъ злотыхъ, а годичнаго дохода отъ процентовъ и другихъ источниковъ получалъ 71773 злотыхъ, считая впрочемъ въ томъ числѣ 15500 злотыхъ, поступившихъ собственно на молитвословіе. При визитахъ въ 1815, 1816, 1817, 1818 и 1819 годахъ капитальныхъ суммъ Почаевскаго монастыря показывалось 182125 р. с., приходъ же въ нѣкоторые годы восходилъ до 12756 р. с. [1]). Но эти цифры нужно признать гораздо ниже дѣйствительныхъ, такъ какъ есть достаточное основаніе думать, что базиліане не всю сумму показывали при визитахъ, а значительную часть ея, особенно въ золотой монетѣ, скрывали. Были ли во время визитъ шнуровыя приходо-расходныя книги и подвергались ли они надлежащему контролю—неизвѣстно, такъ какъ православнымъ таковыя не переданы, а съ 1820 года, когда распространился слухъ, что православные отберутъ Лавру, по 1831 годъ не было уже и самыхъ визитъ и отчетность о суммахъ базиліанами ни куда не была представляема.

Со второй половины XVIII вѣка по 1831 годъ монастырское хозяйство Почаевскихъ базиліанъ было

---

[1]) «Сказаніе историческое о Почаевской Успенской Лаврѣ» Архим. Амвросія. Изд. 3, стр. 119—120.

ведено въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Кромѣ недвижимыхъ имѣній, на которыхъ монастырь имѣлъ обезпеченія по заемнымъ письмамъ и съ которыхъ получалъ значительный доходъ и процентъ, самъ монастырь владѣлъ населенными имѣніями: фундушевымъ, или такъ называемою юридикою, наданнымъ монастырю въ 1597 году основательницей его Анной Гойскою, заставнымъ за 93900 р. с. отъ графа Тарнавскаго, традиціонными: Красною Лукою и частію села Комаровки и селами: Москалевкою, Ванжуловымъ и Волицею—за часть суммы, полученной отъ фундатора Потоцкаго и обезпеченной на этихъ имѣніяхъ. Юридика доставляла монастырю годового дохода около 600 руб. Заставное имѣніе гр. Тарнавскаго, состоявшее изъ м. Новаго Почаева, села Стараго Почаева и деревень: Березины, Будокъ и Левковецъ и составлявшее 3614 русскихъ десятинъ 1508 кв. саженей съ 1253 ревизскими душами обоего пола, приносило въ годъ дохода 6414 руб. Инвентарный годичный доходъ съ имѣнія Комаровки простирался до 716 р. с. Что касается имѣнія Красной Луки, то доходъ съ него состоялъ изъ съѣстныхъ продуктовъ, доставлявшихся въ обитель. Съ селъ: Москалевки, Ванжулова и Волицы монастырь извлекалъ доходы отъ земледѣлія, чиншовъ, пчельниковъ, корчемныхъ арендъ и другихъ оброчныхъ статей. По фундушевому и заставному имѣнію Почаевскому монастырь пріобрѣталъ отъ хозяйства все, что было нужно для его содержанія. Съѣстныхъ продуктовъ монастырь почти вовсе не покупалъ; хлѣба собиралъ въ количествѣ достаточномъ, держалъ много лошадей, воловъ, коровъ, овецъ, козъ, свиней и домашней птицы; имѣлъ пчельники, мельницы, рыбныя ловли, винокуренные заводы, медоварни и пивоварни. Амбары, кладовыя и огромные погреба были переполнены съѣстными припасами и разными напитками. Всѣ мастеровые—плотники, столяры, кузнецы, сапожники, портные, кожевники, типографщики, переплетчики, рабочіе на свѣчномъ заводѣ, конюшенные служители, кучера, повара, музыканты и вся монастырская прислуга были изъ своихъ крестьянъ и содержаніе ихъ монастырю почти ничего не стоило. Весьма значительный доходъ получали базиліане съ хлѣбород-

ныхъ имѣній Москалевки, Ванжулова и Волицы, на которыхъ была обезпечена пожертвованная Потоцкимъ сумма 331500 злотыхъ. Въ каждомъ изъ этихъ селъ былъ фольварокъ и собиралось много разнаго хлѣба; тутъ были также пчельники, мельницы, пруды, винокурни, корчемныя аренды и проч. Все это приносило значительную пользу. Доходъ со всѣхъ этихъ статей, со строгою отчетностью, своевременно былъ доставляемъ суперіору для внесенія въ общую монастырскую кассу [1]).

Почаевская Лавра по возвращеніи отъ базиліанъ въ православіе, кромѣ капиталовъ по заемнымъ письмамъ, обезпеченныхъ на недвижимыхъ имѣніяхъ разныхъ помѣщиковъ, получила во владѣніе и упомянутыя населенныя имѣнія, въ томъ числѣ громадное Почаевское имѣніе, которое Тарнавскій отказался выкупить, предоставивъ его въ пользу Лавры. Если бы всѣ эти имѣнія остались за Лаврою до настоящаго времени, то Почаевская Лавра была бы однимъ изъ богатѣйшихъ монастырей Россіи. Къ сожалѣнію, послѣдующія обстоятельства сложились для Лавры крайне неблагопріятно. Именнымъ Высочайшимъ указомъ 25 декабря 1841 года повелѣно всѣ недвижимыя имѣнія въ западныхъ губерніяхъ, которыя по фундушевымъ записямъ и другимъ актамъ назначены были на содержаніе православнаго и иновѣрнаго духовенства, передать въ вѣдѣніе Министерства Государственныхъ имуществъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовала Высочайшая воля, чтобы въ вознагражденіе за передаваемыя въ вѣдѣніе казны имѣнія назначены были Лаврамъ суммы, равныя тому доходу, который онѣ съ имѣній получали. Вслѣдствіе такого повелѣнія фундушевое имѣніе Почаевской Лавры въ 1842 году передано было въ вѣдѣніе Палаты Государственныхъ имуществъ и взамѣнъ доходовъ отъ него Лавра стала получать изъ казначейства ежегодно по 576 руб. 8³/₄ коп. с. Остальныя имѣнія—заставныя—частію были выкуплены владѣльцами ихъ, частію же, какъ напр. громадное имѣніе гр. Тарнавскаго, также поступили въ составъ Государственныхъ имуществъ; Лаврѣ же

---

[1]) Тамъ же, стр. 121—126 и 206.

предоставлено пользоваться доходами съ нихъ. Но эти доходы постепенно были уменьшаемы и наконецъ доведены до ничтожества, сравнительно съ тѣми выгодами, какія они доставляли Лаврѣ, когда она сама владѣла ими. По присоединеніи заставнаго имѣнія Тарнавскаго къ массѣ казенныхъ имуществъ, Лаврѣ выдѣлено было небольшое количество пахатной земли и возвращенъ лѣсъ съ сѣнокосомъ, составляющій даръ Гойской. Такимъ образомъ въ шестидесятыхъ годахъ постоянными срествами къ содержанію Лавры были: фундушевое имѣніе, составляющее 352 десятины пахатной земли, лѣса и сѣнокоса, 151400 р. с. капитала, хранившагося въ Государственномъ банкѣ и дававшаго процентовъ 602 р. с., 576 р., получавшихся отъ казны за юридику и поступавшій изъ сельскаго Млыновецкаго управленія за лаврское заставное имѣніе гр. Тарнавскаго капиталъ въ 1967 р. 45 коп. сер. При Архіепископѣ Агаѳангелѣ основной капиталъ Лавры нѣсколько увеличился, такъ что, умирая, онъ оставилъ въ 1876 году лаврскихъ денегъ въ разныхъ банкахъ 211315 руб. Кромѣ того, по ходатайству Архіепископа Димитрія, въ силу Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, начиная съ 1878 года Лавра стала получать въ замѣнъ доходовъ съ отобраннаго имѣнія гр. Тарнавскаго ежегодно по 3000 р. 60 к., а не по 1967 р. 45 коп., какъ получала прежде. Эти же источники дохода въ общемъ остаются въ Лаврѣ и въ настоящее время. Къ нимъ присоединяются еще доходы непостоянные и неопредѣленные — отъ продажи свѣчей, просфоръ, книгъ и другихъ предметовъ. Въ общей сложности всѣ эти доходы составляютъ значительную сумму, но они далеко не достаточны для поддержанія такого сложнаго организма, какой представляетъ собою Лавра. Содержаніе громадныхъ Лаврскихъ зданій и массы монашествующихъ, служащихъ въ Лаврѣ и работниковъ требуютъ постоянныхъ огромныхъ затратъ. Если къ этому присоединить еще расходы на благоукрашеніе Лавры, на новыя постройки и пріобрѣтенія и на разныя передѣлки, то на все это не только не хватило бы всѣхъ указанныхъ доходовъ, но и всего Лаврскаго движимаго и недвижимаго имущества. А между тѣмъ Лавра еще

постоянно несла и несетъ значительные расходы на разныя дѣла благотворительности. Такъ, кромѣ пожертвованій, собираемыхъ по кружкамъ св. Синода и отсылаемымъ въ разныя учрежденія и богоугодныя заведенія, Лавра долгое время дѣлала ежегодныя пожертвованія въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія, въ Миссіонерское общество, въ пользу бѣдныхъ и раненныхъ воиновъ и въ пособіе духовно-учебнымъ заведеніямъ Волынской епархіи. Въ 1891 и 1892 годахъ, во время постигшаго Россію голода, Лавра высылала значительныя суммы въ Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ и въ разные благотворительные комитеты. Лѣтомъ 1892 года болѣе 1000 галичанъ, увлеченныхъ обманомъ, оставили свою родину и, перешедши границу, очутились въ Кременецкомъ уѣздѣ въ самомъ критическомъ положеніи безъ куска хлѣба и крова. Лавра съ истинно-христіанскимъ человѣколюбіемъ пришла несчастнымъ на помощь: многихъ изъ нихъ она пріютила въ гостинницахъ, надѣлила ихъ пищею, одеждою и даже деньгами. Въ чувствѣ признательности почти всѣ они возвратились изъ уніи въ лоно православной церкви; тогда же приняли православіе и многіе изъ галичанъ-католиковъ. Нерѣдко къ Лаврѣ обращались и обращаются за помощью бѣдныя церкви Волыни и разныхъ другихъ мѣстъ России, не исключая и отдаленной Сибири, и Лавра почти всегда помогала и помогаетъ имъ, чѣмъ можетъ: деньгами, книгами, облаченіями и т. п.

Очевидно, долженъ существовать другой источникъ содержанія Почаевской Лавры. Такимъ источникомъ и притомъ болѣе существеннымъ является молитвословная сумма, т. е. поступленія отъ богомольцевъ на молитвы. Источникъ этотъ составляетъ главную статью доходовъ и прочихъ Лавръ, но въ тоже время прочія Лавры обладаютъ богатыми угодіями и имѣютъ разные другіе постоянные источники, доставляющіе имъ громадныя средства существованія; Почаевская же Лавра угодіями бѣдна, пособія отъ казны не получаетъ никакого и живетъ почти исключительно приношеніями богомольцевъ. Такимъ образомъ о Почаевской Лаврѣ главнымъ образомъ можно сказать, что она существуетъ трудами своихъ иноковъ. Самый источникъ этотъ непо-

стоянный и ненадежный: богатъ народъ—и онъ охотно несетъ въ Лавру свою лепту; случится же неурожай, голодъ или какая нибудь эпидемія, напр. холера,—и притокъ богомольцевъ въ Лавру значительно сокращается. Тогда существованіе обители становится труднымъ; иногда даже въ буквальномъ смыслѣ приходится голодать. Географическое положеніе и историческія условія также рѣзко выдѣлили Почаевскую Лавру изъ среды прочихъ Лавръ. Въ то время какъ прочія Лавры, расположенныя среди православнаго населенія въ большихъ городахъ, съ хорошими путями сообщенія, привлекаютъ массы богомольцевъ не только изъ простого народа, но и изъ богатыхъ людей разныхъ классовъ общества, Почаевская Лавра, находящаяся на самой окраинѣ Россіи, среди разновѣрнаго населенія, въ жалкомъ мѣстечкѣ, вдали отъ желѣзной дороги, не смотря на чудное мѣстоположеніе, величественную архитектуру своихъ построекъ и неотразимое впечатлѣніе, производимое ею, посѣщается главнымъ образомъ бѣднымъ сѣрымъ людомъ, да отчасти средними классами. Богомольцы изъ богатыхъ купцовъ и вельможъ здѣсь сравнительно рѣдки. Вотъ почему Почаевская Лавра бѣдна не только по сравненію съ остальными Лаврами, но и по сравненію съ многими монастырями Великороссіи. Заботы о благолѣпіи Лавры, новыя сооруженія, содержаніе многочисленнаго штата служащихъ въ Лаврѣ и необходимость пріобрѣтать почти все на наличныя деньги, при возрастающей на все дороговизнѣ, ежегодно требуютъ расходовъ, едва соотвѣтствующихъ доходамъ Лавры, а иногда даже превышающихъ ихъ. По временамъ Лавра бывала и въ затруднительныхъ положеніяхъ. При всемъ томъ, благодаря Божіей помощи, Царицы Небесной—Покровительницы горы Почаевской, и заступленію преп. Іова, о Почаевской обители вспоминаютъ и богатые вельможи, и цари, и шлютъ ей свои щедрые дары и жертвы. Число богомольцевъ горы Почаевской съ каждымъ годомъ увеличивается. Почаевская Лавра благоукрашается, устрояется, расширяется, пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе въ Россіи и при своихъ скудныхъ средствахъ съ успѣхомъ выполняетъ свое историческое назначеніе.

Послѣ сказаннаго предоставляемъ судить читателю, насколько справедливы распространяемыя нѣкоторыми недоброжелателями на счетъ Лавры свѣдѣнія, будто Почаевская Лавра живетъ только для себя, будто монашествующіе своею жизнію часто не соотвѣтствуютъ обѣтамъ монашества и не оправдываютъ возлагаемыхъ на нихъ надеждъ общества, будто обогащаясь, они нерѣдко производятъ даже скандалы. Мы далеки отъ мысли идеализировать иночествующихъ Лавры. Возможны здѣсь исключенія, возможны уклоненія отъ своего назначенія. Но эти уклоненія въ настоящее время представляютъ явленіе общее, повсюдное и встрѣчаются на возвышеннѣйшихъ поприщахъ дѣятельности. Да и можетъ ли существовать самое высокое учрежденіе съ громаднымъ составомъ лицъ, которыя бы всѣ безъ исключенія вполнѣ соотвѣтствовали своему назначенію и чужды были какихъ либо недостатковъ? Это противорѣчило бы природѣ человѣческой, несовершенной и слабой. Жизнеописанія святыхъ свидѣтельствуютъ намъ, что самые совершенные мужи не чужды были нѣкоторыхъ недостатковъ. Но можно ли отрицать слыслъ и значеніе учрежденія только потому, что имъ иногда злоупотребляютъ? Въ такомъ случаѣ пришлось бы отвергнуть все высокое и святое. Вѣдь чѣмъ теперь не злоупотребляютъ? «Кажется, скажемъ словами одного автора, чѣмъ выше учрежденіе, чѣмъ возвышеннѣе стремленіе человѣческаго духа, тѣмъ болѣе имъ пользуются въ корыстныхъ видахъ, тѣмъ болѣе имъ злоупотребляютъ. Святыя вѣрованія, благотворительность, наука, искусство—много ли онѣ находятъ себѣ истинныхъ служителей? Какъ часто подъ именемъ науки обдѣлываются дѣла совсѣмъ уже не научнаго характера! Какъ часто подъ именемъ служенія «святому искусству» служатъ самымъ низменнымъ влеченіямъ! Какъ часто благотворительностью занимаются только затѣмъ, чтобы казаться благотворителями! Нужно ли поэтому отвергнуть и науку и искусство и благотворительность? Нѣтъ, о всякомъ учрежденіи, о всякомъ проявленіи человѣческаго духа нужно судить не по тѣмъ злоупотребленіямъ, какія оно допускаетъ, а по тѣмъ благимъ цѣлямъ, къ какимъ оно стремится и которыя оно

осуществляетъ, находясь въ нормальныхъ условіяхъ. Съ этой же мѣркой и только съ ней должно приступить и къ оцѣнкѣ монашества» [1]). Историческія условія теперь измѣнились. Въ настоящее время въ монастыряхъ нѣтъ такихъ строгихъ аскетовъ, такихъ великихъ подвижниковъ, какіе часто попадались въ древнія времена. Слабое человѣчество теперь нерѣдко надѣляетъ монастыри и слабыми иноками. Тѣмъ не менѣе времена подвиговъ и строгаго аскетизма вовсе не прошли; но только эти подвиги принимаютъ теперь нѣсколько иную оболочку и не такъ замѣтны. Почаевская Лавра по жизни своихъ иноковъ стоитъ не тольно не ниже многихъ первоклассныхъ монастырей, а несомнѣнно даже выше. И можетъ быть только потому, что отрицательныя стороны явленія, дурныя черты характера и вообше недостатки замѣчаются людьми легче,—и въ жизни иноковъ Почаевской Лавры скорѣе обращали на себя вниманіе ненормальныя явленія, въ особенности если къ тому примѣшивалось предумышленное желаніе замѣчать ихъ. На самомъ дѣлѣ если мы ближе присмотримся къ жизни нѣкоторыхъ Почаевскихъ иноковъ, то мы и въ настоящее время можемъ замѣтить въ ней добросовѣстное исполненіе всѣхъ монашескихъ обѣтовъ и даже явные признаки древняго аскетизма. Но и вообще вся жизнь Почаевскихъ иноковъ что есть такое, какъ не подвигъ самопожертвованія и самоотреченія, едвали доступный для простыхъ смертныхъ міряпъ, въ особенности изъ нынѣшней интеллигенціи.

Жестоко ошибаются тѣ, которые представляютъ себѣ жизнь монашествующихъ Почаевской Лавры сытою и привольною, да вдобавокъ еще оплачиваемою. Такое сужденіе, основанное большею частью на поверхностномъ взглядѣ и вытекающее изъ незнакомства съ внутренней стороной монастырской жизни, грѣшитъ въ самомъ корнѣ. Въ дѣйствительности жизнь въ Почаевской Лаврѣ далеко не сытая и для непривычнаго очень трудная. Ежедневно—и зимой и лѣтомъ —начинается жизнь въ Лаврѣ въ $3^1/_2$ часа утра или точнѣе ночи, когда у дверей каждой кельи раздается

[1]) Пастырскій собес. 1896 г. № 7. (Изъ Вор. Еп. Вѣд.).

звонокъ съ молитвою: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» И тогда всѣ встаютъ, не исключая даже Намѣстника. Въ 4 часа всѣ идутъ въ церковь, даже не служащіе; исключеніе отчасти дѣлается для лицъ, занимающихъ нѣкоторыя стороннія должности въ Лаврѣ; но и такія лица встаютъ въ 4 часа утра. Литургій въ будни лѣтомъ служится 3—4: ранняя, совершаемая въ Іовлевской и другихъ церквахъ тотчасъ послѣ утрени, начинающейся въ 4 часа утра, и поздняя—въ 9 часовъ, совершаемая въ Соборной, а зимой въ Троицкой церкви. Въ праздники и во время стеченія богомольцевъ совершается по 6, а иногда даже по 8 литургій. Чередные священнослужащіе назначаются на седмицу и чередуются черезъ 3—4 недѣли. Повидимому—промежутокъ слишкомъ большой для отдыха; на самомъ дѣлѣ весной, лѣтомъ и осенью, когда въ Лаврѣ бываетъ большое стеченіе богомольцевъ и когда чередные кромѣ обычныхъ службъ должны еще совершать молебны и акаѳисты и прочитывать много именъ, въ эти 3—4 недѣли едва успѣваютъ отдохнуть усталыя груди и иногда осипшіе голоса. Впрочемъ свободные отъ очереди не бываютъ въ то время вполнѣ свободны отъ священнослуженія: они назначаются во всѣ церкви служить молебны, акаѳисты, панихиды, святить иконы, вынимать частицы и исповѣдывать и причащать народъ. Чередные служатъ три раза въ день: утреню, обѣдню и вечерню. Если стеченія богомольцевъ нѣтъ, то всѣ эти службы продолжаются не долго: въ общей сложности до 6 часовъ. Если же бываетъ много народа, то тогда приходится еще пріобщать часъ или даже $1^1/_2$ часа, а иногда также служить молебны, акаѳисты и панихиды. Въ праздники же одна всенощная обыкновенно продолжается съ 5 до 10 часовъ. Если принять во вниманіе, что число іеромонаховъ и іеродіаконовъ въ Лаврѣ, вслѣдствіе ограниченности средствъ Лаврскихъ и невозможности держать большого штата, вообще ограничено и что нѣкоторые монашествующіе часто не могутъ служить по старости и по болѣзнямъ, то очередь священнослуженія почти всегда бываетъ чаще и исполненіе чередными кромѣ обычныхъ службъ еще разныхъ требъ представляетъ въ Лаврѣ явленіе обыкновенное. По-

нятно, что зимой положеніе священнослужащихъ легче, нежели весной, лѣтомъ и осенью, когда въ Лаврѣ бываетъ большое стеченіе богомольцевъ. Но сами по себѣ чередныя служенія не составляютъ еще трудности монастырской жизни. Трудными они становятся вслѣдствіе разныхъ другихъ неблагопріятныхъ условій. Лѣтомъ на ногахъ и въ одеждѣ богомольцевъ во всѣ церкви наносятся цѣлые вороха пыли; отъ движенія эта пыль клубами носится по воздуху, проникаетъ въ носъ, въ легкія и, растворяясь потомъ, толстымъ слоемъ грязи покрываетъ священнослужащихъ. Отъ массы богомольцевъ, по преимуществу изъ простого сѣраго люда и носящейся въ воздухѣ пыли воздухъ становится очень тяжелымъ и для непривычнаго кажется убійственнымъ, особенно въ пещерной Іовлевской церкви, гдѣ возухъ освѣжается труднѣе. Въ этомъ отношеніи подвигомъ является стояніе у мощей преп. Іова подъ сводами пещеры: атмосфера здѣсь особнно тяжела вслѣдствіе сырости, копоти отъ свѣчей и полнаго отсутствія притока свѣжаго воздуха. А между тѣмъ приставленные къ мощамъ преп. Іова пещерные іеромонахи исполняютъ это послушаніе иногда по 15—20 лѣтъ сряду, выстаивая лѣтомъ во время стеченія богомольцевъ по 8—10 часовъ ежедневно. Поздней осенью, зимой и ранней весной представляется другое неудобство: сильный холодъ и пронизывающая сырость въ церквахъ, такъ какъ, за исключеніемъ Троицкой, остальныя церкви не отапливаются. А между тѣмъ не только въ Троицкой и пещерной, но и въ большой соборной церкви, даже при полномъ отсутствіи богомольцевъ, богослуженіе совершается круглый годъ. Въ Троицкой и Пещерной церквахъ, когда соберется много народу, зимой и весной дыханіе осаждается на холодныхъ стѣнахъ и по нимъ буквально льется вода, вслѣдствіе чего отъ сырости и прѣлаго воздуха дышать очень трудно. Къ этому нужно прибавить холодъ и сквозняки въ никогда не отапливаемыхъ коридорахъ братскаго корпуса и сырость почти всѣхъ келлій нижняго этажа, гдѣ помѣщаются монахи, іеродіаконы и многіе изъ іеромонаховъ, и намъ понятнымъ станетъ, почему почти вся братія въ Лаврѣ страдаетъ ревматизмомъ. Нѣкоторые іеромонахи отъ

продолжительнаго стоянія въ дурной атмосферѣ страдаютъ порокомъ сердца, разширеніемъ венъ и отекомъ ногъ.

Мы говоримъ объ условіяхъ быта священнослужителей, такъ какъ собственно монаховъ въ Лаврѣ очень мало и, несомнѣнно, положеніе ихъ еще незавиднѣе. Не лучше и другія условія существованія монашествующихъ въ Почаевской Лаврѣ. Отдѣльной прислуги нѣтъ почти ни у кого, за исключеніемъ развѣ о. Намѣстника, и даже старѣйшіе іеромонахи должны сами себѣ не только убирать кельи, но даже иногда топить печки. Больницы въ Лаврѣ нѣтъ, а до недавняго времени не было и доктора, и заболѣвавшіе изъ братіи обыкновенно лечились надеждою на помощь Божію и Царицы Небесной. Трудно больные остаются иногда въ кельяхъ безъ всякой сторонней помощи, такъ какъ своихъ келейниковъ не имѣютъ, а общіе навѣдываются рѣдко. Конечно, эти неудобства можно было бы устранить, но на это нужны средства, а денежными средствами Лавра не богата. Положеніе послушниковъ еще хуже, такъ какъ по бѣдности Лавра не можетъ держать много послушниковъ и имъ приходится переутомляться отъ множества работы. Этимъ общимъ условіямъ жизни монашествующихъ соотвѣтствуетъ и пища. Вся безъ исключенія братія принимаетъ пищу *одинъ разъ въ сутки*—въ 11 часовъ утра. Монашескій обѣдъ состоитъ изъ трехъ блюдъ: борща, супчика и гречневой каши, а въ поліелейные дни и праздники обѣдъ бываетъ и съ рыбою. Измѣненія въ блюдахъ рѣдки и самыя незначительныя. Собственной рыбы Лавра не имѣетъ, а пріобрѣтеніе ея обходится дорого.

Какъ видитъ читатель, жизнь въ Почаевской Лаврѣ далеко не можетъ быть названа завидною и во всякомъ случаѣ она несравненно труднѣе и тяжелѣе жизни не только въ остальныхъ Лаврахъ, но и во многихъ другихъ монастыряхъ. Но можетъ быть скажутъ, что Почаевскіе иноки получаютъ большое жалованье и, слѣдовательно, могутъ не только ни въ чемъ себѣ не отказывать, но даже обогащаться? Горькой ироніей вѣетъ отъ такого упрека, адресуемаго иногда по отношенію къ обители Почаевской ея недоброжелателями. Поча-

евская Лавра никакого пособія отъ казны не получаетъ и живетъ только незначительными доходами отъ нѣкоторыхъ учрежденій и угодій своихъ, да приношеніями отъ богомольцевъ, которыя по самому географическому и этнографическому положенію Лавры не могутъ быть значительными. Жалованья отъ казны иноки также не получаютъ; на жалованье всѣмъ служащимъ въ Лаврѣ идетъ кружка или такъ называемая молитвословная сумма, которая бываетъ крайне непостоянная и вообще ограничена, почему и жалованье служащимъ бываетъ непостоянно и скудно. Среднимъ числомъ молитвословной суммы собирается въ годъ до 45 тысячъ рублей; изъ нихъ $^1/_3$ всей суммы идетъ по штату въ пользу Священно-Архимандрита Лавры, а $^2/_3$ или около 30 тысячъ рублей дѣлятся четыре раза въ годъ, по мѣрѣ поступленія, между всѣми остальными служащими въ Лаврѣ, не исключая и послушниковъ. Не касаясь пропорціи, въ какой получается жалованье лицами разныхъ степеней, мы замѣтимъ только, что обыкновенное жалованье іеромонаха, получаемое по четвертямъ,—отъ 350 до 400 рублей въ годъ; члены собора получаютъ въ полтора раза больше, а Намѣстникъ получаетъ за трехъ членовъ. Архидіаконъ получаетъ жалованье іеромонашеское; іеродіаконы получаютъ до 300 р., а монахи—за полтора послушника; жалованье же послушниковъ бываетъ различное: лучшіе получаютъ въ годъ до 80 р., средніе—50—60 р., а худшіе до 30 рублей. Если сравнить это жалованье съ жалованьемъ, получаемымъ монашествующими въ другихъ Лаврахъ, то оно окажется почти ничтожнымъ.

Могутъ замѣтить, что и это небольшое жалованье излишне для монашествующихъ, такъ какъ они живутъ въ монастыряхъ на всемъ готовомъ и отрекаются отъ міра; но въ томъ то и дѣло, что монашествующіе въ Лаврѣ живутъ далеко не на всемъ готовомъ, а отреченіе отъ міра не есть отреченіе отъ своей природы съ ея насущными потребностями. Мы уже сказали, что братія Почаевской Лавры принимаетъ горячую пищу только одинъ разъ въ сутки, въ строго опредѣленный часъ; въ остальное время для удовлетворенія голода выдается одинъ только хлѣбъ. Такое

воздержаніе знаютъ только крестьяне, да и то бѣдные. Для монаха не будетъ преступленіемъ и нарушеніемъ монастырскихъ уставовъ употребленіе утромъ и вечеромъ чая: нельзя это назвать и баловствомъ или роскошью. А между тѣмъ братія должна на свой счетъ покупать чай и сахаръ, самоваръ и чайную посуду. На свой же счетъ монашествующіе должны пріобрѣтать себѣ одежду, бѣлье и постельныя принадлежности. Допустимъ, что все это могло бы выдаваться братіи отъ Лавры. Но и тогда монашествующимъ нельзя было бы обойтись безъ жалованья. Въ настоящее время цѣлыя образовательныя и благотворительныя учрежденія существуютъ иногда благодаря частной благотворительности. Въ ряду жертвователей монашествующіе занимаютъ не послѣднее мѣсто и лишеніе ихъ возможности благотворить равносильно было бы лишенію возможности самоусовершенствоваться. Изъ числа братіи Почаевской Лавры многіе состоятъ членами разныхъ благотворительныхъ обществъ и кромѣ того постоянно жертвуютъ на разныя добрыя дѣла. Сама Почаевская Лавра своимъ благоустроеніемъ и благолѣпіемъ много обязана щедрымъ пожертвованіямъ своихъ же иноковъ. Кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ оставили Лаврѣ свои довольно богатыя библіотеки. Наконецъ, въ настоящее время деньги бываютъ необходимы монашествующимъ и вслѣдствіе разнаго рода семейныхъ и родственныхъ обстоятельствъ. Въ настоящее время историческія условія существенно измѣнились. Въ старину отрокъ, поступая въ монастырь даже неграмотнымъ, научался въ монастырѣ кое-какъ грамотѣ, путемъ чтенія усвоялъ себѣ изъ небогатой монастырской сокровищницы книжную мудрость и, исполняя разные роды монастырскаго служенія, достигалъ иногда высшихъ іерархическихъ степеней. Въ настоящее время въ монашество почти совсѣмъ не принимаютъ безъ всякаго образованія. Кромѣ того, поступая въ монастырь, человѣкъ нерѣдко оставляетъ въ мірѣ безъ всякихъ средствъ существованія своихъ престарѣлыхъ или больныхъ родителей, братьевъ, сестеръ и разную другую родню. На немъ лежитъ нравственный долгъ заботиться о ихъ пропитаніи и воспитаніи, и едва ли можно было бы назвать не только

хорошимъ монахомъ, но даже просто честнымъ человѣкомъ—христіаниномъ, такого инока, который бы во имя обѣтовъ монашества совершенно отказался отъ своихъ родныхъ, предоставивъ имъ нищенствовать или умирать голодною смертью. Намъ извѣстно не мало иноковъ Почаевской Лавры, которые на свое скудное жалованіе воспитываютъ въ учебныхъ заведеніяхъ своихъ братьевъ и племянниковъ или помогаютъ своимъ роднымъ, не только не позволяя себѣ чего-нибудь лишняго, но даже отказывая въ самомъ насущномъ.

Мы представили въ самыхъ общихъ чертахъ характеристику современнаго быта монашествующихъ Почаевской Лавры и показали, что не только по сравненію съ роскошною, сытою и привольною жизнію Почаевскихъ иноковъ въ эпоху уніи, но и по сравненію съ современною жизнью иноковъ прочихъ Лавръ, бытъ монашествующихъ Почаевской Лавры оказывается далеко не завиднымъ. И мы не сомнѣваемся, что тѣ интеллигенты, которые легко видятъ сучецъ въ чужомъ глазу, не согласились бы промѣнять своего положенія на обезпеченное положеніе любого Лаврскаго іеромонаха, даже члена собора, а промѣнявши, едва ли въ состояніи были бы выдержать лаврскій режимъ сколько нибудь продолжительное время. Почаевской Лаврѣ какъ будто въ вину ставятъ то обстоятельство, что къ средѣ ея иноковъ рѣдко попадаются лица съ высшимъ образованіемъ. Но это обстоятельство скорѣе служитъ въ ея чести. Въ настоящее время лица съ высшимъ образованіемъ если на время и поступаютъ въ монастыри, то обыкновенно стараются поступать въ монастыри богатые и такіе, гдѣ они были бы на виду; тамъ они продолжительное время мирятся съ долей и простого послушника, тогда какъ въ Почаевской Лаврѣ и званіе іеромонаха для нихъ кажется тяжелымъ, не смотря на то, что для человѣка съ образованіемъ Почаевская Лавра представляетъ обширное поприще для дѣятельности. При всемъ томъ въ Почаевской Лаврѣ незавиднымъ положеніемъ іеромонаховъ сплошь и рядомъ довольствуются люди съ общимъ среднимъ или даже полнымъ семинарскимъ образованіемъ, люди трезвые, честные, дѣльные, приносящіе и въ этомъ скромномъ служеніи своемъ не мало пользы обществу. По-

падаются среди братіи Почаевской иноки, даже іеромонахи, и изъ народа. Но и они приносятъ значительную пользу тому народу, изъ среды котораго вышли. Многіе паломники горы Почаевской, изъѣздившіе всю Россію, посѣтившіе многія русскія обители, пріятно поражаются той простотой, участливостью, радушіемъ, какія они встрѣчаютъ вь Почаевской Лаврѣ. Здѣсь инокъ не облекаетъ себя той маской недоступнаго величія и безучастностью, какія часто приходится наблюдать во многихъ другихъ монастыряхъ. Самый послѣдній бѣднякъ, приведенный издалека на гору Почаевскую желаніемъ поклониться святынямъ Почаевскимъ, встрѣчаетъ здѣсь радушіе, указаніе и поддержку не только среди низшей братіи, но и въ самомъ Намѣстникѣ.

Повторяемъ: возможны и бывали и въ Почаевской Лаврѣ среди монашествующихъ печальныя исключенія, печальныя нарушенія монашескихъ обѣтовъ; но какъ исключенія, они не должны подвергаться и сужденію. Въ теченіе трехъ вѣковъ Почаевская обитель, сіяющая чудесами своихъ святынь, стояла стражемъ православія и русской народности на окраинѣ земли русской. Мы твердо вѣруемъ и отъ души желаемъ, чтобы и впредь Почаевская Лавра крѣпла, процвѣтала и своимъ духовнымъ свѣтомъ озаряла всѣ концы Русской земли; чтобы свѣтъ Христовой вѣры съ высотъ Почаевскихъ неослабно свѣтилъ на родственный намъ Галицкій край и на католическій западъ, дабы и онъ приведенъ былъ въ единеніе вѣры и праваго познанія Христовой истины.

Г. Крыжановскій.

